Б.И. ВРОНСКИЙ

НА ЗОЛОТОЙ КОЛЫМЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги, геолог Борис Иванович Вронский, проработал на Колыме четверть века. Еще в студенческие годы, работая на одном из алданских приисков, услышал он о далекой загадочной Колыме и загорелся желанием попасть в этот край, о котором ходили смутные слухи как о стране сказочных богатств — своего рода северном Эльдорадо. И вот мечта сбывается. В 1931 году молодой геолог едет на Колыму в составе геологической экспедиции…

Суровая природа, нелегкая, сложная, но исключительно интересная работа геологов, исследовавших этот дикий, неведомый край, надежды и разочарования, радость первых открытий, трудные, подчас опасные для жизни ситуации — все это описано в книге живо и ярко. Присущий авторской манере мягкий юмор придает повествованию какую-то особую задушевность.

- Борис Вронский
  - У истоков «Золотой Колымы»
  - Первые шаги
    - Впервые на Колыму. Год 1931-й
      - Рождение мечты
      - На далекую Колыму
      - В пути
      - На Среднекане
    - На Нелькобе. Год 1932-й
      - Отъезд
      - В дороге
      - На устье Чалбыги
      - Загадочные обстоятельства
      - Отбытие транспорта. Рабочие будни
      - Страшная находка. Встреча с медведем
      - Обычный день
      - Через Тенкинские пороги
      - Возвращение
      - Кунаревское зимовье
      - Дорога домой
  - Уголь и золото
    - Рождение Аркагалы. Год 1935-й
      - Вступление
      - Начало пути
      - Дорога на Хатыннах

- Мы покидаем Хатыннах
- Прибытие в Оротук. Дальнейший путь
- На Бёрёлёхе
- От Бёрёлёха до Аян-Юряха
- В лагере Гаврилова
- Неудачный маршрут
- Встреча с Гавриловым. Новые планы
- На Эмтыгее
- Мелкие неприятности
- Аркагала и Мяунджа — уголь и золото. Куда идти?
- Необоснованные опасения. Неприятное происшествие
- Наши будни. Дела и люди
- Надвигаются невзгоды. Алексея забирают
- Мы становимся жертвами агрессии
- Поход за углем
- На устье Эмтыгея. Обратный путь
- Снова на Хатыннахе

- Опять на Эмтыгей. Год 1936-й
  - В пути
  - Приезд. Шаги в неизвестность
  - Знакомство с тунгусами. Михаил Петрович
  - Розовые куропатки
  - Радости и огорчения
  - Неприятные воспоминания
  - В гости к Успенскому
  - Круговой маршрут
  - Мои спутники
  - В бассейне Контрандьи
  - На новом месте
  - По Худжаху
  - На Мухолкане. Часы досуга
  - Встреча с Некипеловым. Последние дни
  - Прощание с Эмтыгеем
  - Обратный путь
  - Итоги

- Пояснение некоторых слов, встречающихся в книге
- Фотографии

- notes
  - 1

Борис Вронский
На Золотой Колыме
Воспоминания геолога

У истоков «Золотой Колымы»

Сейчас попасть на Колыму довольно просто. Каждый может поехать туда и устроиться на работу по своей специальности. Было бы желание.

А вот в конце двадцатых и начале тридцатых годов это было очень трудно.

В те годы слово «Колыма» вызывало представление об огромной безжизненной территории, расположенной где-то в высоких широтах, о которой мы знали немногим больше, чем об Антарктиде. Этот край был почти таким же диким и неисследованным, как и триста лет назад, когда в 1643 году в воды реки Колымы вошли кочи ее первооткрывателя — Михаила Стадухина.

…Сначала новая земля радовала пришельцев неслыханным богатством «мягкой рухляди»: «И соболи все добрые верные, и зверь коренной, да лисицы все красные, да песцы, а иного опрично того никакого зверя на тех реках нет, потому что место студеное…»[1]

Однако безудержная погоня за «мягкой рухлядью» привела к тому, что очень скоро соболи были почти полностью истреблены и край перестал привлекать к себе внимание.

…Шли годы, десятки, сотни лет. Но как и в те времена, когда на колымскую землю впервые ступила нога первых русских землепроходцев, лежала втуне эта пустынная, холодная, безрадостная земля.

Царское правительство не нашло ничего лучшего как превратить ее в место для расправы со своими политическими врагами. Заброшенные, оторванные от всего мира поселения, основанные еще Михаилом Стадухиным, — бывшие острожки Верхний, Средний и Нижний — стали местом ссылки. «Места весьма отдаленные» и «для жительства неудобные» — так на официальном чиновничьем языке именовался этот край. Познание его ограничивалось экономическими и этнографическими исследованиями, которыми на вынужденном досуге занимались политические ссыльные. Геологические сведения отсутствовали.

В 1891–1892 годах известный геолог И. Д. Черский прошел маршрутом от Якутска до Верхнеколымска и дал первые, самые общие сведения о характере рельефа и горных породах, встреченных им по пути, но этого было слишком мало для такой обширной территории.

Более чем на две с половиной тысячи вёрст протянулась многоводная Колыма, и разве могла тоненькая ниточка единственного маршрута дать представление о геологическом строении обширной территории более чем в полмиллиона квадратных верст, занимаемой бассейном этой реки?

Из полезных ископаемых Черскому удалось обнаружить месторождения каменного угля в районе Зырянки. Но кому нужен уголь в этой далекой пустынной окраине?

И разве мог кто-либо подумать, что здесь, буквально под ногами, в недрах земли, таятся неисчерпаемые богатства, принесшие впоследствии этому краю заслуженное название «Золотая Колыма»?

О богатстве колымских недр первым вслух заговорил Ю. Я. Розенфельд, хотя у него и не было для этого достаточных оснований.

(Судьба обошлась с этим человеком слишком сурово. «Проходимец, авантюрист» нередко можно слышать по его адресу от людей, которые являются пионерами освоения Колымы. Обидно слышать эти слова от тех, которые более, чем кто-либо другой, должны понимать, что значат первые шаги в таком

диком, безлюдном крае, тем более в дореволюционное время. Ведь именно этот энтузиаст-одиночка впервые сообщил о новом золотоносном районе — Колыме. Разве он оказался не прав?)

Эстонец по национальности, Юрий Янович Розенфельд в 1908 году был послан благовещенским купцом И. Е. Шустовым искать удобные пути сообщения между Охотским побережьем и Колымой.

Основанные еще в XVII столетии поселения — Верхнеколымск и Среднеколымск вплоть до 1893 года снабжались исключительно через Якутск по Верхоянско-Колымскому тракту, что было крайне дорого и трудоемко. Неоднократные попытки завозить грузы на Колыму со стороны Охотского побережья оказывались безрезультатными.

Зимой 1892–1893 годов служащему торговой организации «Приамурское товарищество» П. Н. Калинкину удалось на оленях доставить грузы из поселка Ола на Охотском побережье в поселок Сеймчан в бассейне Колымы и летом на лодках сплавить их до Среднеколымска. С тех пор доставлять грузы на Колыму стали через Олу. Однако и этот путь был слишком дорог. Предприимчивый Шустов направил Розенфельда для поисков других, более удобных и дешевых путей сообщения между Охотским побережьем и Колымой.

Энергичный Розенфельд с жаром принялся за дело. В течение нескольких лет вел он эти поиски, одновременно выясняя экономические возможности края. Иногда с проводником, иногда совершенно один бродил он по огромной пустынной территории, ведя примитивный, первобытный образ жизни, пешком, на конях и на плотах преодолевая многосоткилометровые пространства.

Даже ему — человеку, незнакомому с геологией, — бросались в глаза многообразие горных пород и сопутствующая им минерализация в виде кварцевых жил, колчеданов и охр. Почему же здесь не быть золоту? Розенфельд был уверен, что в недрах этой огромной территории таятся неисчерпаемые богатства, хотя, по официальным данным, здесь, кроме камней и льда, ничего не может быть.

Весной 1914 года Розенфельд, будучи в Ямске, кооперировался со старателями Михаилом Кановым, Софеем Гайфуллиным и Сафи Шафигуллиным (по прозвищу Бориска). Они собирались искать золото на Колыме и рады были такому бывалому, знающему этот район попутчику.

Розенфельд в свою очередь надеялся с их помощью проверить свои предположения о золотоносности колымской территории.

В верховьях Буюнды — крупного правого притока Колымы — они остановились. Бориска остался стеречь лошадей, а остальные

на сделанной ими небольшой лодке спустились до Колымы и далее до устья ее правого притока Джегдяна. Здесь Розенфельд еще в 1908 году, проплывая из Сеймчана в Верхнеколымск, заметил в береговом обрыве две крупные кварцевые жилы, которые резко выделялись своим молочно-белым цветом на фоне черных глинистых сланцев. Еще тогда у него возникла мысль о возможной золотоносности этих жил. Теперь, имея спутниками опытных старателей, он решил проверить свое предположение.

Опробовать сами жилы Розенфельд не смог из-за отсутствия необходимого оборудования. Пришлось ограничиться промывкой речных наносов в устье Джегдяна. Промывка показала присутствие мельчайших частичек золота, так называемых знаков. Это создало у Розенфельда уверенность в том, что жилы золотоносны. Он назвал их Гореловскими, и под этим названием они впоследствии вошли в литературу.

Возвращаясь к верховьям Буюнды, Гайфуллин и Канов брали по пути пробы, в которых иногда оказывались знаки золота. Бориска в верховьях Буюнды также обнаружил знаковую золотоносность.

Учуяв «запах» золота, Канов и Бориска решили остаться здесь на зиму и заняться разведкой. Розенфельд с Гайфуллиным вернулись в Ямск. Там они узнали о начавшейся войне с Германией.

Как только установился зимний путь, Гайфуллин на оленях отправился за своими товарищами, которые подлежали мобилизации. Бориска категорически отказался возвращаться.

— Воевать не хочу. Буду искать золото. Либо найду его, либо умру в тайге.

Гайфуллин и Канов уехали. Бориска остался одни. Зиму он провел в небольшом бараке, который выстроил вместе с Кановым. Пройденные в нескольких местах шурфы оказались пустыми.

Летом он отправился вверх по Колыме, продолжая опробование встречных ручьев, и в конце концов добрался до правого притока Колымы — Среднекана. В его нижнем течении он построил маленький барак и принялся за разведку. В одном из небольших притоков Среднекана, названном впоследствии «ключ Борискин», он обнаружил хорошее золото, которым ему, однако, не пришлось воспользоваться.

Поздней осенью 1916 года вверх по долине Среднекана проезжали якуты М. Александров, А. Колодезников и Н. Дмитриев. Доехав до барака, они остановились и вошли внутрь. Там никого не было. На грубо сколоченном столе лежал кусок недоеденной лепешки. Прождав некоторое время, якуты

отправились искать хозяина. Следы привели их к шурфу, на краю которого в полусогнутом положении сидел мертвый Бориска. Лицо его было чуть припорошено снегом. Одна нога полуразута. Видно было, что он переобувался и что смерть застигла его в этот момент. При нем был найден небольшой мешочек с золотом. Все его снаряжение состояло из топора, сильно сработанного кайла, деревянного лотка и двух жестяных банок из-под консервов, видимо служивших ему котелком и кружкой.

Причина его смерти осталась невыясненной. От голода он умереть не мог: в бараке было достаточно продуктов.

Возможно, Бориска был убит с целью ограбления, однако доказательств этого нет. Тайга умеет хранить тайны.

Якуты, нашедшие Бориску, похоронили его в том самом шурфе, который он вырыл собственной рукой.

Впоследствии на этом участке был организован прииск Борискин с очень хорошим золотом. При добычных работах экскаватором случайно было подхвачено тело Бориски, которого похоронили вторично, уже на новом месте, где его, по-видимому, никто больше не потревожит.

По возвращении в Ямск Розенфельд решил своими силами организовать разведочные работы на Гореловских жилах. Он с неуемной энергией взялся за осуществление этого предприятия. После долгих поисков ему с большим трудом удалось раздобыть две большие ступы для дробления рудных проб, и он поспешил отправиться в путь, чтобы начать изыскания. Однако недостаток средств заставил его бросить в среднем течении реки Буюнды добытое с таким трудом оборудование. Там оно и осталось как память о неудавшейся попытке этого энтузиаста-одиночки начать крупный «бизнес», в положительных результатах которого он не сомневался.

Видя, что плетью обуха не перешибешь и в одиночку ничего не сделаешь, Розенфельд в 1916 году выехал из Ямска во Владивосток, чтобы договориться со своим шефом Шустовым об организации поисково-разведочной экспедиции. В мечтах он строил широкие планы промышленного освоения Колымы. Однако его ждало горькое разочарование. Во Владивостоке он узнал, что Шустов обанкротился и помочь ему ничем не может.

В конце 1916 года Розенфельд едет в Петроград, рассчитывая там получить субсидию для организации экспедиции. Однако в Геологическом комитете его заявление о колымском золоте было встречено с насмешливым недоверием: на Колыме золота быть не может — таково общее мнение. Не получив поддержки в Геологическом комитете, Розенфельд обратился в министерство

путей сообщения (поскольку он занимался изысканием пути с Охотского побережья в район Колымы) и добился согласия на организацию комплексной экспедиции.

Однако начавшаяся Февральская революция и последующий бурный разворот политических событий помешали осуществлению этой экспедиции. Розенфельд вернулся во Владивосток.

Здесь и появилась его записка «Поиски и эксплуатация горных богатств Охотско-Колымского края», обращенная к местным промышленникам.

Основной базой для развития горного дела на Колыме Розенфельд считал золоторудные жилы, которые он назвал Гореловскими. Точного местонахождения их он не указывает, отмечая только, что они находятся неподалеку от судоходной Колымы. Весьма красочно описывая жилы с их «молниевидными зигзагами», он в то жё время скромно отмечает, что «количественные содержания золота пока недостаточно исследованы».

Столь же скромно он говорит о россыпной золотоносности, подчеркивая, что «содержание из-за отсутствия весов не определено». В своей записке Розенфельд основной упор делает на общие геологические соображения, несколько наивные, но в то же время изложенные со своеобразной красочностью.

«Грандиозные геологические перевороты произвели необычайные разнообразия строения и пород, — писал Розенфельд, — то и дело чередуются пояса первозданных кристаллических пород с эруптивными прорывами и осадочными, сильно исковерканными пластами. Рельефы чрезвычайно резкие, складчатость выдающаяся. Необыкновенное изобилие кварцев, различных блесков, колчеданов и охр. Сланцы преимущественно глинистые, кровельные и хлоритовые… хотя золото с удовлетворительным промышленным содержанием пока не найдено, но все данные говорят, что в недрах этой системы схоронено весьма внушительное количество этого драгоценного металла».

В заключение говорилось: «…в докладе нет красноречиво убедительных цифр и конкретных указаний на выгоды помещения капитала в предполагаемое предприятие, но ведь фактическим цифровым материалом я и сам не располагаю… могу сказать лишь одно: средству, отпускаемые на экспедицию, окупили бы себя на севере сторицею».

Здесь чувствуется мысль энтузиаста, искренне убежденного в своей правоте.

Записка Розенфельда не произвела желаемого действия на

владивостокских дельцов. В тревожное время гражданской войны было не до Колымы.

В 1920 году Временное правительство Дальневосточной республики по ходатайству Розенфельда приняло решение об организации экспедиции по исследованию природных богатств Колымы. Однако из-за тяжелых экономических условий, в которых находилась молодая республика, экспедицию осуществить не удалось.

В 1921 году Розенфельд уезжает за границу. Однако его попытка привлечь для исследования Колымы иностранный капитал успехом не увенчалась. В 1923 году он возвращается в Россию и устраивается работать в Забайкалье, где принимает активное участие в поисках и разведке вольфрамовых руд.

Обосновавшись на новой работе, захваченный поисками вольфрамовых месторождений, Розенфельд больше уже не пытается возвращаться на Колыму. Однако времена меняются, и брошенные им семена неожиданно дают всходы. В 1933 году руководство Дальстроя — организации, призванной осваивать далекую Колыму, и в первую очередь искать и добывать на ней золото, — устанавливает местонахождение Розенфельда. Ему предлагают приехать на Колыму и показать, где находятся Гореловские жилы.

В ноябре 1933 года Розенфельд на пароходе «Ангарстрой» прибыл в бухту Нагаева.

Летом 1934 года он в составе геологопоисковой партии, руководимой геологом Г. А. Шабариным, отправился в места, где находились столь широко рекламированные нм жилы. Увы! Своих мощных красавиц жил с «молниеобразным зигзагом» он не нашел. Вместо них приблизительно в этом месте были видны две сильно деформированные, изогнутые, разорванные на части жилы, похожие на сложный китайский иероглиф.

Розенфельд был потрясен и растерян. Ещё больше растерялся он, когда опробование этих жил показало полное отсутствие золота, хотя для пробы были отобраны прекрасные на вид штуфы кварца с примесью пирита, халькопирита и медной зелени.

Пришлось заявить руководству Дальстроя, что либо Гореловские жилы изменились до неузнаваемости, либо он не сумел их отыскать. Ни тому ни другому обстоятельству Розенфельд не мог дать объяснения и высказал фантастическое предположение, что за истекшие двадцать лет район претерпел крупные геологические изменения, в результате которых исчезла целая речная система. Это заявление вызвало подозрение в мистификации и злостной утайке данных о месторождении. Розенфельд был осужден на пять лет заключения в

исправительно-трудовых лагерях.

После освобождения он остался работать коллектором на Оротукане. В один из темных зимних вечеров он не вернулся домой. Через несколько дней его тело было найдено недалеко от поселка, под небольшим дорожным мостиком. Неизвестные убили и раздели его. Так трагически погиб этот провозвестник «Золотой Колымы», у которого было много веры и слишком мало фактов.

Розенфельд до конца своей жизни не мог понять, что приключилось с его жилами, почему они так сильно изменили свой внешний облик. А между тем ничего необычного в этом нет. Кварцевые жилы, залегающие в сланцах, обычно очень невыдержанны и быстро меняют свой облик на небольших расстояниях на поверхности и в глубину.

Каждый, кому приходилось работать на Колыме, мог наблюдать весной, как время от времени с обрывистых берегов падают не только отдельные обломки, но и крупные массы породы. Морозное выветривание, обусловленное попеременным замерзанием и оттаиванием влаги, которая скапливается в трещинах горных пород, расширяет эти трещины, делая отдельные выступающие участки пород неустойчивыми. Весной, когда начинается интенсивное оттаивание, эти неустойчивые участки время от времени отрываются от коренного основания и сползают вниз. Подобный процесс мог вызвать резкое изменение конфигурации Гореловских жил. Если к этому прибавить неизбежные после двадцатилетнего отсутствия пробелы в памяти, то нет ничего удивительного, что Розенфельд не узнал своих красавиц жил.

Ему вменялось в вину то, что в жилах не оказалось золота. Следует вспомнить, однако, что в своей записке он, правда довольно решительно, высказывал лишь предположение о возможном наличии в этих жилах золота и отмечал, что У него не было возможности провести их опробование.

Вернемся теперь несколько назад.

После смерти Бориски слухи о найденном им золоте стали быстро распространяться среди старательской вольницы. Однако добраться до Колымы с каждым годом становилось все труднее. Гражданская война, интервенция, неоднократные смены властей, инфляция — все это привело к тому, что попытки проникновения на Колыму старательских групп почти прекратились. Правда, друг Бориски Софей Гайфуллин в 1918 году делает попытку отправиться по следам Бориски, но ему не «фартит», и он возвращается ни с чем.

В 1923 году он кооперируется с Ф. Р. Поликарповым, и они

проводят поиски в верховьях Буюнды, но безрезультатно, По возвращении Софея арестовывают за какие-то прошлые дела, связанные с пребыванием белогвардейцев на Охотском побережье, и Поликарпов весной 1924 года одни отправляется на Колыму и добирается до верховьев Среднекана. Взятые пробы показывают все увеличивающееся количество знаков золота, но найти хорошее, «стоящее» золото у него не хватает сил. Он буквально голодает, питаясь кореньями, ягодами, рыбой и случайной дичью, надеясь, что вот-вот желанное золото будет найдено.

Приближающаяся зима заставляет его прекратить поиски. В конце сентября 1924 года он возвращается в Олу, где занимается промыслом морского зверя — нерпы и других тюленей.

В 1926 году, объединившись со старателями Бавыкиным и Кановым, накопивший некоторую сумму денег Поликарпов вновь отправляется на Среднекан. В устьевой части ключа Безымянного (приток Среднекана) они обнаруживают хорошее золото, а также устанавливают его присутствие на одном из участков в нижнем течении Среднекана. Однако наступившая весна и недостаток продуктов заставляют их сплыть по Колыме до Сеймчана, а оттуда на нанятых лошадях вернуться в Олу.

В 1927 году Поликарпов с небольшой группой старателей добирается, до Среднекана и приступает к промывке золота на найденном год назад участке. Это была первая на Колыме артель старателей-хищников, сумевшая добраться до богатого золота и хорошо заработать.

Недостаток продовольствия заставил артель вернуться в Олу. Здесь Поликарпов узнал, что территория, на которой он нашел золото, закреплена за государственной организацией Союззолото. Будучи человеком практическим, он передал все сведения о найденном золоте уполномоченному Союззолота за вознаграждение в сумме десяти тысяч рублей и согласился работать в этой организации в качестве горного смотрителя.

Летом 1928 года он вместе с управляющим Среднеканской конторы Союззолота Оглоблиным выехал на Среднекан.

Весной же 1928 года Союззолото договорилось с руководством Геологического комитета в Ленинграде о совместной посылке на Колыму геологоразведочной экспедиции. Финансирование ее взяло на себя Союззолото. Во главе экспедиции был поставлен молодой способный геолог Юрий Александрович Билибин. Сразу же после окончания Ленинградского горного института (в 1926 году) он, еще совсем молодым человеком, в течение двух лет работал геологом треста Алданзолото и зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Он

установил связь золотоносности в бассейне Алдана с развитыми здесь изверженными породами и наметил схему распространения россыпной и рудной золотоносности в этом районе.

Билибин сам мечтал о такой экспедиции, особенно после того, как ознакомился с запиской Розенфельда, которую ему передал в 1927 году один из первооткрывателей Алданского золотоносного района — В. П. Бертин.

Экспедиция была рассчитана на полтора года. В ее задачу входила проверка сведений о золотоносности в бассейне Колымы и оценка промышленного значения этой золотоносности.

В состав экспедиции кроме геологов — Билибина и его помощника В. А. Цареградского — входили астроном-геодезист Д. Н. Казанли, поисковики-разведчики С. Д. Раковский и Э. П. Бертин (брат В. П. Бертина), завхоз, врач и пятнадцать рабочих, в основном опытных таежников.

В первых числах августа 1928 года экспедиция высадилась в Оле, на берегу Охотского моря.

Ола — довольно большой поселок, районный центр, населенный так называемыми камчадалами — метисами русско-корякского происхождения, говорящими на своеобразном диалекте русского языка. Здесь находилось несколько групп старателей, стремившихся на Среднекан.

И населений, и старатели встретили экспедицию не особенно приветливо. На Среднекане в это время уже добывали золото несколько артелей старателей-хищников, которые никому его не сдавали. У жителей Олы они закупали продовольствие, расплачиваясь золотым песком, который те перепродавали командам японских и китайских пароходов: снабжение Охотского побережья проводилось тогда на зафрахтованных Совторгфлотом иностранных пароходах.

И старатели, и местное население смотрели на экспедицию как на государственную организацию, которая положит конец «вольной жизни».

Части старателей удалось достать лошадей, и они уехали на Среднекан, экспедиция продолжала сидеть в Оле. Лошадей не было или их не желали сдать в аренду. Время шло. Билибин решил организовать небольшую группу и сплыть до Среднекана сначала по притоку Колымы — Бахапче, которая из-за порогов считалась несплавной, а затем по Колыме. С большим трудом удалось нанять транспорт до верховьев Бахапчи.

В середине августа Билибин, Раковский и четверо рабочих покинули Олу, захватив с собой четырехмесячный запас продовольствия. Цареградский остался в Оле готовиться к организации зимнего транспорта.

Добравшись до притока Бахапчи, реки Малтана, группа Билибина соорудила два плота и стала сплывать вниз по его обмелевшему руслу, подолгу задерживаясь на многочисленных мелях, через которые плоты приходилось протаскивать волоком. Через три дня они добрались до Бахапчи. Вопреки ожиданиям она оказалась пригодной для сплава, хотя и очень опасной, особенно в это время года, когда вода была слишком малой. Прорезая гранитную гряду, Бахапча образует ряд порогов, которые с небольшими перерывами тянутся на расстояние около 30 километров.

Так или иначе, а пороги были благополучно преодолены, и 12 сентября группа Билибина высадилась на берег в устье Среднекана. Здесь, однако, было пусто. Основное «население» Среднекана в количестве двадцати девяти человек, в составе пяти старательских артелей, обитало километрах в шестнадцати вверх по Среднекану. Там, в устье ключа Безымянного, где когда-то Поликарпов нашел хорошее золото, земля была ископана ямами. Старательская вольница без всякой системы проходила выработки и добывала золото.

Экспедиция, перебравшись к устью Безымянного, построила там барак и приступила к разведочным работам в долине Среднекана.

Сначала старатели относились к экспедиции враждебно-настороженно, считая, что она является органом государственного контроля. Убедившись, что у нее свои задачи, причем связанные с поисками и разведкой золота, они резко изменили свое отношение: стали обращаться за советами, жаловались на то, что богатое золото попадается все реже и реже. Отношения из враждебных перешли в нормально-дружественные.

В конце сентября на Среднекан прибыл управляющий Среднеканской конторой Союззолота Ф. Д. Оглоблин, вместе с Поликарповым и группой старателей.

Оглоблин немедленно вывесил объявление о том, что вся территория от Буюнды до Бахапчи закреплена за Союззолотом и что начиная с 9 октября 1928 года старатели должны все намытое золото сдавать в контору по цене 1 рубль 13 копеек за грамм.

Это объявление вызвало у старателей бурю негодования. Однако приходилось подчиниться. Рано или поздно это должно было случиться.

…Тяжелые таежные будни осложнялись недостатком продуктов. С каждым днем становилось все холоднее и холоднее. Снег выпал еще в конце сентября, и все с нетерпением ожидали прибытия оленьих транспортов из Олы. Уже в начале ноября стал ощущаться недостаток продовольствия. В конце ноября наступил

общий продовольственный кризис. Пришлось забить на мясо оставшихся лошадей. Были съедены все собаки, внутренности забитых лошадей и даже их кожа. Работы были приостановлены. Люди сидели в бараках, стараясь сохранить последние силы.

Первый олений транспорт пришел только 26 декабря. Можно себе представить, с каким восторгом его встретили изголодавшиеся, павшие духом зимовщики.

Вместе с транспортом прибыли остальные члены экспедиции Билибина. Постепенно стали подъезжать новые старательские артели. Золотодобыча велась все на том же небольшом участке в нижнем течении Безымянного, долина которого была вдоль и поперек ископана старательскими ямами. Золото здесь было очень неравномерным, и одни артели зарабатывали неплохо, в то время как другие тут же рядом не могли заработать себе на пропитание.

Со всей остротой вставал вопрос, где развертывать золотодобычу. Проводившиеся экспедицией разведочные работы не давали положительных результатов. Надо было форсировать поисковые работы, но на прибытие конного транспорта можно было рассчитывать в лучшем случае не ранее середины июня.

Сплывая вниз по Колыме к Среднекану, Билибин еще осенью 1928 года обратил внимание на гранитный голец Бас-Угунья, с которого брала начало речка, впоследствии названная Утиной. Золотое оруденение обычно связано с гранитами, поэтому эта речка представляла интерес с точки зрения возможной золотоносности.

Устье Утиной находится километров на сто выше устья Среднекана. Билибин решил завезти туда зимним путем Раковского, с тем чтобы тот, проведя опробование Утиной, спустился затем на плоту вниз по Колыме до Среднекана. Цареградского он решил перебросить в верховья Буюнды, откуда тот должен был сплывать вниз до Колымы, ведя геологическую съемку. Бертину поручалось пешим порядком провести опробование верхнего течения Среднекана. Что касается самого Билибина, то он решил вместе с Казанли повторить сплав по Бахапче, но теперь уже в большую воду, с грузом снаряжения и продовольствия для Среднеканского прииска.

Несмотря на трудные условия, сплав прошел благополучно. Этот водный путь сыграл исключительно важную роль в снабжении нового приискового района. Одним гужевым транспортом обойтись было невозможно.

Проплывая мимо Утиной, Билибин сделал привал. По договоренности с Раковским тот должен был оставить для него

письменное сообщение о результатах работ. В расщепе дерева Билибин издали увидел белый лоскут бумаги. Не зная, в чьи руки попадет записка, Раковский ограничился короткой фразой на английском языке, написанной русскими буквами: «Тер из э вери гуд голд ин тзис ривер» (в этой речке очень хорошее золото).

Вначале дела у Раковского шли неважно. Опробование Утиной показывало только знаки золота. Не было ни одной пробы, которая дала хотя бы слабое золото. Продукты подходили к концу. Надо было возвращаться. Отправив двух своих товарищей на устье Утиной строить плот, Раковский с одним из спутников решил пройти еще немного вверх по речке.

С тяжелым настроением вечером 12 июня, ровно через год после выезда экспедиции из Владивостока, Раковский дошел до левого ответвления Утиной и остановился на ночлег. Пока ставилась палатка и готовился ужин, он отправился на берег и из крутого обрыва взял пробу. Она дала около двух граммов золота на лоток. В переводе на кубометр это составляло баснословное количество — двести граммов. Не поверив своим глазам, он перешел на другое место и повторил пробу. Результат получился тот же.

Напрасно товарищ звал его ужинать. Позабыв обо всем, он в светлых сумерках долгого летнего дня продолжал смывать лоток за лотком, опробуя все новые и новые участки. И везде на дне лотка виднелись крупные увесистые золотинки, сопровождаемые россыпью золотой мелочи.

Всю ночь Раковский не мог уснуть. Мысль о найденном золоте не давала ему покоя. Рано утром он встал и принялся внимательно всматриваться в каменистое дно ключа, в котором местами виднелись поставленные на ребро сланцевые породы — так называемая сланцевая щетка.

В одном месте сквозь неглубокий слой прозрачной воды ему почудилось среди темной сланцевой массы какое-то желтоватое мерцание. Не веря себе, он осторожно вошел в воду и из углубления в сланцевой щетке вытащил небольшой плоский самородок. Он позвал своего спутника. В течение двух или трех часов оба они с увлечением предавались необыкновенному занятию — выбиранию из сланцевой щетки самородков золота.

Только после того как самородки почти доверху заполнили коробку из-под папирос «Казбек», Раковский решил остановиться. Взглянув на своего спутника, он удивился его странному виду. Тот стоял с каким-то необычным выражением лица, то бледнел, то краснел, порывался что-то сказать и внезапно умолкал.

— Что с тобой? — недоуменно спросил Раковский.

— Сережа, — решительно произнес тот, — Сережа, ведь такое бывает только раз в жизни! Давай промолчим, скажем, что по Утиной нет золота, — ведь его там и нет. А сами потом придем сюда стараться. Ведь это же богатство, Сережа!

— Слушай, — сказал Раковский, — ты не говорил, а я не слышал. И чтобы больше никогда такого разговора не было. Понял? А если не понял, то подумай и пойми! — Тот виновато опустил голову.

К чести этого человека надо сказать, что из него вышел один из прекрасных добросовестных разведчиков, и он, вероятно, сам не раз с краской стыда вспоминал об этой минуте слабости.

В память годовщины выезда из Владивостока Раковский назвал ключ «Юбилейным». Этот ключ заложил основу нового золотоносного района.

Пройдя вверх по ключу с опробованием и убедившись, что хорошее золото продолжается, Раковский вынужден был отправиться в обратный путь. Продуктов было совсем мало, а ему предстояло еще добираться сплавом до Среднекана, ведя по пути опробование правых притоков Колымы на стокилометровом интервале.

Соорудив плот и оставив на устье Утиной записку Билибину, Раковский поплыл вниз по Колыме. Опробование притоков особенных результатов не дало.

За это время Цареградский провел геологическую съемку по Буюнде, Казанли определил несколько астрономических пунктов, дав точные координаты отдельных точек, к которым можно было привязать работы. Бертин провел опробование верхнего течения Среднекана, вернувшийся Раковский проделал ту же работу в нижнем течении. В отдельных участках было встречено неплохое золото.

Раковский же несколько ниже устья Безымянного обнаружил мощную дайку пронизанного кварцевыми прожилками оруденелого кварцевого порфира с большим количеством кристаллов арсенопирита и с видимым золотом. Этой дайке суждено было сыграть исключительную роль в освоении края.

Лето подходило к концу. Надо было думать о возвращении на «материк». Обратный путь был проделан на лошадях. Возвращалась экспедиция не через Олу, а через бухту Нагаева, на берегу которой летом 1929 года была построена культбаза для обслуживания местного населения.

Экспедиция имела все основания быть довольной результатами работы. Было подтверждено наличие промышленного золота в бассейне Среднекана, а главное,

установлено, что оно не локализуется в этой речке, а встречается далеко за ее пределами. Открытие золота в бассейне реки Утиной имело в этом отношении исключительно важное значение. Кроме того, обнаруженная мощная золотоносная дайка говорила о перспективах района в отношении рудного золота.

В Москве Билибин подробно рассказал начальнику Союззолота А. П. Серебровскому о проделанной работе и высказал свои соображения об исключительных перспективах этого нового золотоносного района. Еще ранее он сделал аналогичный доклад начальнику Востокзолота Г. И. Перышкину. И там и здесь его слушали, расспрашивали, покачивали головами, но довольно скептически относились к его прогнозам, считая их проявлением «колымского патриотизма».

По прибытии домой, в Ленинград, Билибин сразу стал хлопотать о посылке на Колыму новой экспедиции. Химический анализ рудных проб, взятых из Среднеканской дайки, показал очень высокие содержания золота, и поэтому там необходимо было срочно организовать разведочные работы.

Открытие золота в бассейне речки Утиной, на расстоянии свыше 100 километров от Среднекана, вызвало у Билибина предположение, что золотоносность в этом районе не является локальной, приуроченной к отдельным изолированным участкам, а укладывается в определенные зоны. Чтобы проверить это предположение, было намечено организовать пять геологопоисковых партий.

Во главе экспедиции был поставлен помощник Билибина В. А. Цареградский. Сам Билибин остался в Ленинграде для более детальной обработки собранных материалов и для осуществления задуманного им плана создания «Большой Колымы».

Экспедиция Цареградского выехала в мае 1930 года. Кроме «старых колымчан» — С. Д. Раковского, Д. И. Казанли, Э. П. Бертина и других — в ее состав вошли молодые геологи — Д. В. Вознесенский, Н. В. Новиков, Ф. К. Рабинович, Д. А. Каузов, — которые впоследствии прочно связали свою судьбу с этим краем.

Дела в новом районе между тем шли очень неважно. Вокруг него началась межведомственная неурядица, которая крайне отрицательно сказывалась на работе.

Прибывшая на Колыму экспедиция застала неприглядную картину. Работники приисков, лишенные всякого руководства, чувствовали себя растерянными. Прииски неоднократно меняли хозяев, их передавали в подчинение то Хабаровску, то Владивостоку, то Иркутску… Положение приняло настолько

острый характер, что Цареградский и Вознесенский вместе с заведующим геологоразведочным бюро Среднеканского прииска П. М. Шумиловым были вынуждены направить в Москву специальную телеграмму с просьбой прислать комиссию для наведения порядка.

Билибин с нетерпением ожидал поступления новых данных от Цареградского. Наконец они поступили. Хорошее золото было обнаружено в нескольких притоках Оротукана — речки, впадающей в Колыму выше Среднекана и Утиной, а также в некоторых небольших притоках Колымы.

Среднеканская дайка была прослежена на протяжении свыше 15 километров. Присланные Цареградским пробы, взятые из этой дайки, показали такие высокие содержания золота, что Билибин не решился привести их полностью в своей докладной записке, адресованной правительству.

Обрабатывая материалы экспедиции, Билибин пришел к смелому заключению, что в бассейне верхнего течения Колымы существует обширная золотоносная зона протяженностью в сотни километров. Пользуясь разработанным им геолого-статистическим методом, он подсчитал возможные запасы россыпного золота в пределах этой зоны. Эти цифры легли в основу его перспективного плана развития геологоразведочных работ в бассейне Колымы.

Несколько позднее аналогичное представление о существовании в бассейне Колымы огромной золотоносной зоны высказал геолог С. В. Обручев, который В 1926–1927 годах работал в бассейне Индигирки, а в 1929–1930 годах пересек маршрутом обширную территорию от Якутска до Нижнеколымска.

Обручев открыл огромный, неизвестный доселе хребет, названный им хребтом Черского, и дал схему распределения основных горных цепей в бассейнах Колымы и Индигирки. Он же наметил основные черты геологического строения огромной территории Колымо-Индигирского края и установил, что здесь широко развита однообразная толща песчано-сланцевых пород, прорванных многочисленными интрузиями гранитов. Эти данные оказались весьма ценными для последующих исследователей Северо-Востока.

Отмечая однообразный состав гранитов в пределах хребта Черского и основываясь на знаках золота, полученных им при опробовании речных кос, Обручев пришел к заключению, что весь хребет золотоносен на огромной площади длиной 700 километров при ширине от 150 до 250 километров. Заключение Обручева полностью соответствовало представлениям Билибина,

однако ему не хватало той конкретности, которая была у последнего.

В своей записке Билибин дал блестящий прогноз перспектив края по россыпному золоту и наметил план золотодобычи на несколько лет, причем темпы ее должны были бурно нарастать. Это были не беспочвенные общие прогнозы возможных богатств края, а конкретные, переведенные на точный язык цифр планы прироста запасов и золотодобычи.

При соответствующем прогрессивном увеличении объемов геологоразведочных работ он считал возможным довести к 1938 году добычу россыпного золота на Колыме до такого объема, который вчетверо превышал бы весь объем золотодобычи по СССР в 1930 году.

Эти цифры казались настолько фантастическими, что никто не принимал их всерьез.

Гораздо большее впечатление производила та часть его записки, в которой он писал о перспективах рудного золота, о знаменитой Среднеканской дайке. Билибин указывал, что она непрерывно прослежена на протяжении 5 километров, а с перерывами — почти 16 километров. Приводя параметры дайки — ее протяженность, мощность и полученные содержания золота, — он отмечал, что если принять длину дайки равной только 5 километрам, а среднее содержание уменьшить в десять раз, то и тогда эта дайка будет крупнейшим месторождением золота в Союзе. Форсированную разведку ее он считал неотложным делом.

Несмотря на свою неимоверную энергию и настойчивость, с какой он обращался в разные инстанции с просьбой принять его план широкого разворота геологоразведочных работ в новом районе, к весне 1931 года Билибин мог добиться лишь ассигнований на организацию небольшой постоянно действующей геологоразведочной базы.

В мае 1931 года работники этой организации, более известной под названием второй экспедиции Билибина, выехали на Колыму.

За время отсутствия Билибина обстановка на Колыме заметно изменилась. Вместо нескольких десятков старателей теперь работали сотни. Золотодобычные работы велись в нескольких местах по Среднекану и в бассейне Утиной, где «гремели» прииски Юбилейный и Холодный.

А между тем докладная записка Билибина с его расчетами и выкладками, касающаяся как россыпного, так и рудного золота, внимательно изучалась в соответствующих высших инстанциях.

Перспективы россыпного золота не привлекли к себе должного внимания: слишком шаткими и сомнительными казались приводимые в записке выкладки, к тому же не подкреплённые фактическим материалом и основанные только на предположениях пока ещё слишком молодого и малоизвестного учёного. Другое дело — приведённые им данные о рудном золоте. Сосредоточение в одном месте колоссальных запасов рудного золота выглядело внушительно и солидно. Было принято решение всесторонне осваивать этот далёкий край. Для этого требовались огромные денежные, материальные и людские ресурсы.

В ноябре 1931 года был организован государственный трест по строительству на Дальнем Севере — Дальстрой, подчинённый непосредственно Совету Труда и Обороны. Директором треста был назначен Эдуард Петрович Берзин.

Первые шаги

Впервые на Колыму. Год 1931-й

Рождение мечты

Мысль о Колыме впервые запала мне в голову еще в 1926 году. Однако потребовалось целых пять лет, чтобы мечта стала явью.

Зимой 1926 года в вестибюле Московской горной академии, где я учился, появилось объявление: «Трест «Алданзолото» приглашает студентов старших курсов на производственную практику на Алдан. Деканат академии предоставляет желающим отпуск».

Алдан… Далекая Сибирь… Золото… Все это казалось заманчивым и романтичным. Однако романтиков оказалось не так уж много. Кроме меня и моего приятеля М. Г. Котова на далекий Алдан выразили желание поехать еще только трое.

В конце марта мы добрались до прииска Незаметного, где находилось приисковое управление. Нас сразу разослали в окрестные районы на документацию разведочных выработок. Все для нас было ново и необычно: и сама обстановка, и работа, и люди. Мы жадно впитывали новые впечатления, усваивали

практические навыки. Освоили технику проходки и документации шурфов, научились владеть лотком — искусство, которое потребовало долгой практики под руководством опытных разведчиков-старателей.

На Алдане мы познакомились с первооткрывателем этого золотоносного района, веселым черноусым толстяком Вольдемаром Петровичем Бертиным От него-то мы впервые и услышали о далекой реке Колыме, в бассейна которой, судя по сообщениям некоего Розенфельда, имеются богатые месторождения россыпного и рудного золота. Бертин сам чуть было не уехал на Колыму со своим братом Эрнестом и группой товарищей, но помешало отсутствие средств.

Мы слушали эти рассказы, и мечта о Колыме все глубже и глубже проникала в наши души.

После окончания зимней разведки нас всех сосредоточили на прииске Незаметном, используя на разных временных работах.

Приведение в порядок шурфовочных журналов, операции, связанные с подсчетом запасов, теодолитная съемка — все это не удовлетворяло нас. Приходилось долгие летние дни проводить в опостылевшем Незаметном, в то время как вокруг зеленела тайга, к которой жадно влеклись наши молодые сердца.

Жили мы все вместе в небольшом бараке, стены которого кишели клопами.

Однажды, когда мы, вернувшись с работы, сидели и мирно беседовали, раздался стук и в барак вошел рослый загорелый меднобородый человек в кожаной куртке, с густой копной рыжих волос, вьющихся из-под кепки. Он представился нам как геолог Билибин, только что приехавший из Москвы. Узнав, что на прииске находится группа студентов-геологов, он пришел с нами познакомиться.

Первое впечатление от него было какое-то неопределенное. Он показался несколько суховатым и слишком сдержанным. Вскоре мы убедились, что эта сдержанность напускная.

В очередной выходной день — это было в начале июля — мы вместе с Билибиным отправились на прогулку в тайгу. Шли, с приличествующей солидностью, беседуя на разные темы, пока не встретили в какой-то небольшой заводи утенка, который еще не мог летать. Солидность сразу со всех слетела, и мы с азартом бросились ловить перепуганного утенка. Билибин во всем этом принимал самое активное участие. Когда утенок был пойман, он, держа его в руках, заливался таким веселым детским смехом, что нам стало ясно: это свой парень. Натянутость сразу исчезла.

Вдали виднелся большой голец — одинокая гора с поросшими лесом крутыми склонами и оголенной вершиной,

покрытой каменистыми развалами. Билибин предложил взобраться на нее.

— В этом районе, — сказал он, — развиты своеобразные породы, так называемые щелочные граниты, с которыми вам как будущим геологам не мешало бы познакомиться. Кстати, и мне поможете.

Мы, конечно, с радостью согласились и веселой гурьбой направились к далекой вершине напрямик через тайгу. До гольца было километров десять. Пока мы дошли до него и взобрались на вершину, солнце спустилось почти к самому горизонту. Внизу, где-то далеко у подножия гольца, виднелись синеватые струйки дыма, поднимавшиеся от многочисленных костров, — там находилось стойбище орочен. О возвращении на Незаметный нечего было и думать.

Мы поделились с Билибиным нашими сомнениями: получается как-то неладно; завтра рабочий день, а вся группа не выйдет на работу. Он успокоил нас, сказав, что все берет на себя. Ему надо было провести геологический маршрут, и он обязал нас сопровождать его.

Это заявление еще более усилило возникшее по отношению к нему чувство дружелюбия.

Мы спустились с гольца, переночевали у гостеприимных орочен и на другой день только к вечеру вернулись на Незаметный.

Позже мы поняли, что Билибин по пути умело экзаменовал нас, проверяя наши знания, а также нашу выносливость и выдержку. Видимо, он остался доволен новыми знакомыми.

Через некоторое время он организовал несколько геологопоисковых партий нового типа, во главе которых со свойственной ему решимостью поставил нас — неопытных студентов третьего курса.

Наши возражения его мало трогали.

— Для того чтобы научить щенка плавать, — посмеиваясь, говорил он, — его надо бросить в воду. Выплывет — будет плавать, утонет — туда ему и дорога. Помогать вам я, конечно, буду, — добавил он, видя наши мрачные физиономии.

Новизна метода, которая обусловливала новую структуру партий, заключалась в сочетании геологической съемки со систематическим опробованием речных долин. Метод шлихового анализа, положенный Билибиным в основу поисковых работ, дал блестящие результаты. Он заключался в том, что в долинах исследуемой территории систематически, через определенные интервалы, из речных наносов брались пробы, которые тут же на месте промывались в лотке.

В процессе промывки легкие минералы постепенно смываются, и в конце концов на дне лотка остается так называемый шлих-фракция, состоящая из наиболее тяжелых минералов, в том числе и золота, если оно присутствует в наносах данной речной системы. Полученный шлих подсушивается, золото из него извлекается, и количество его оценивается. Каждая взятая проба наносится на специальную карту опробования, на которой условными знаками дается количественная оценка золота, содержащегося в каждой пробе. Получается картина площадного распределения золотоносности на данной территории. Увязка геологических и поисковых данных дает возможность достаточно отчетливо представить, куда и как надо направлять дальнейшие, более детальные работы.

До этого геологическая съемка велась оторванно от поисковых работ, причем последние имели характер случайного набора проб без определенной системы.

Забегая вперед, скажу, что выявление богатых россыпных месторождений золота на Колыме в такие короткие сроки было бы невозможным без этой новой методики, которая впервые была применена Билибиным на Алдане.

Надо сказать, что к моменту нашего приезда на Незаметный слово «геолог» произносилось здесь с ироническим оттенком благодаря подвигам одного очень ловкого, прохвоста, который сумел сильно опорочить эту благородную профессию в глазах местного населения.

В мясной лавке мы не раз видели здоровенного, рослого дядю, с большой лысиной и окладистой черной бородой, который, не торопясь, обслуживал покупателей. Это был А. П. Ивлев, числящийся в должности главного геолога приискового управления.

Торговец по профессии, он некоторое время был рабочим какой-то геологической партии. Его односельчанин, занимавший в Москве весьма ответственный пост, дал ему справку, что знает его как хорошего геолога-практика. Вероятно, аналогичную справку получил бы земляк Чапаева коновал, если бы не Фурманов. В данном случае Фурманова не оказалось. Ивлев со свойственной ему самоуверенностью и внушающей уважение фигурой и осанкой явился в Москве в Алданзолото и, предъявив справку, был принят на должность главного геолога приискового управления сроком на два года.

Он благополучно прибыл на Незаметный в обществе довольно авторитетных товарищей — членов правления треста Алданзолото, у которых даже на секунду не мелькнула мысль, что

они имеют дело с самозванцем.

По приезде на место работы главный геолог развил бурную деятельность, и скоро страшный червь сомнения закрался в души окружающих. Через некоторое время в работе Ивлева появились такие перлы, что пришлось создать комиссию для проверки его знаний. Комиссия быстро разоблачила «геолога», и он рассказал все как было. Однако на предложение расторгнуть договор Ивлев ответил категорическим отказом. Хотели отдать его под суд, но дело было слишком щекотливое, бросающее тень и на ответственное лицо, давшее справку, и на авторитетных товарищей, заключивших с ним договор.

В конце концов его перевели работать по специальности — в мясную лавку, сохранив за ним оклад главного геолога, в каковой должности он проходил по штатному расписанию. Учитывая «специфику» его профессии, над ним учредили неусыпный тайный контроль. В один прекрасный вечер «главного геолога» изловили на краже мяса. Вопрос был поставлен так: либо его будут судить за воровство со всеми, вытекающими последствиями, либо он «по собственному желанию» расторгнет договор и его с миром отпустят. Ивлев выбрал последнее и покинул Незаметный, оставив у местных работников крайне превратное представление о геологах.

Трест получил возможность на освободившееся место пригласить Билибина, который быстро восстановил репутацию работников геологической службы.

Зимой 1928 года Билибин написал мне письмо, в котором предлагал принять участие в организуемой им экспедиции на Колыму. Я только недавно вернулся из полуторагодового академического отпуска. На то, что мне вновь дадут отпуск, не было никакой надежды. Оставлять учебу в академии тоже не хотелось, и я скрепя сердце вынужден был отказаться.

В 1930 году я закончил Горную академию. В это время на Колыму направлялась вторая экспедиция, возглавляемая помощником Билибина В. А. Цареградским, который по рекомендации Билибина пригласил меня участвовать в ней.

Я с радостью согласился. Однако попасть в экспедицию мне не удалось. Экспедиция ехала от Геолкома, а я, будучи стипендиатом Союззолота, обязан был по окончании академии отработать три года в этой организации.

Начальником Союззолота в это время был Александр Павлович Серебровский, крупный ученый и талантливый организатор, являвшийся по существу зачинателем советской золотопромышленности. Старая золотопромышленность была

полностью разрушена во время гражданской войны.

Вместе с Цареградским я пришел к нему на прием. Он принял нас с присущей ему коварной любезностью, но категорически отказался отпустить меня:

— Хочешь ехать на Колыму? Пожалуйста! На Колыме имеется наше отделение. Будешь работать на прииске по добыче золота. А что касается экспедиции, то забудь о ней и думать. Нам самим работники нужны, и мы тебе не ради твоих прекрасных глаз платили повышенную стипендию во время учебы.

От работы на прииске я отказался. Меня тянуло в тайгу, на геологическую съемку, на поиски. Чтобы добиться этого, пришлось прибегнуть к сложному и длительному обходному маневру.

В 1929 году я отбывал производственную практику в Западном Казахстане в тресте Джетыгаразолото. Хотя я и был студентом, но работал на инженерной работе в должности начальника разведок Сине-Шиханской группы приисков. Отчет по разведке я писал в Москве, одновременно заканчивая учение. Начальник Джетыгаразолота Давлет-Гиреев и главный инженер И. И. Корбуш настойчиво приглашали меня на работу по окончании академии.

После того как Серебровский отказался отпустить меня в экспедицию, я встретился с Корбушем, находившимся в это время в командировке в Москве, и дал согласие работать у него при условии, что через год он поможет мне уехать на Колыму. Корбут согласился. Мы заключили устное «джентльменское» соглашение, и я поехал на Джетыгару.

Проработав год в Джетыгаразолоте и закончив отчет по разведке, я напомнил Корбушу о нашем соглашении. Корбуш оказался джентльменом в полном смысле этого слова. После безуспешной попытки отговорить меня от этой безрассудной, с его точки зрения, затеи, он сумел «обменять» меня (положение с кадрами в то время было очень тяжелое) на работника Геолкома В. И. Попова.

У меня до сих пор сохранилась бумажка, в которой значится, что «работник Союззолота В. И. Вронский откомандировывается в ЦНИГРИ (т. е. Центральный научно-исследовательский геологоразведочный институт) в обмен на работника последнего В. И. Попова».

На далекую Колыму

И вот мечта сбылась. Я еду на Колыму в составе экспедиции, которая будет вести геологопоисковые работы на новой, еще не

исследованной территории. Как все это заманчиво и интересно! О предстоящих трудностях не думается. В мечтах Колыма представляется роскошной розой, лишенной шипов.

Единственным темным пятном на общем светлом фоне была необходимость оставить в Москве двух крошек детей. Жена после долгого мучительного раздумья решила ехать со мной. Встал вопрос; как быть с детьми? После долгих поисков, мучительных сомнений и переживаний мы оставили наших малышей, полуторагодовалого и трехлетнего, на попечение знакомых, которые в дополнение к заботам о своих детях примерно такого же возраста взяли на себя тяжелую ответственность за наших ребят.

Можно представить себе, с каким тяжелым чувством расставались мы с малышами, особенно их мать — маленькая хрупкая женщина с черными заплаканными глазами и большой мужественной душой.

Договор у нас был заключен на полтора года. Два лета и одну зиму должны были мы провести на Колыме, прежде чем выехать в отпуск или уволиться из экспедиции. Фактически мы на полтора года были полностью или почти полностью оторваны от детей, поскольку в то время, связь с этим далеким, заброшенным краем практически отсутствовала.

В 1931 году путь на Колыму был сложным и длительным. До Владивостока надо было ехать поездом, затем пароходом до бухты Нагаева, а дальше… дальше как придется…

Я ехал в качестве начальника полевой партии, моя жена — коллектором.

В середине мая мы покинули Москву. Транссибирский поезд Москва — Владивосток медленно отошел от Ярославского вокзала.

Ехали дружной, веселой компанией: экспедиция почти полностью состояла из молодежи, преимущественно из ленинградцев.

На эту шумную ораву с неодобрением взирал официальный руководитель экспедиции К. М. Шур. Этот низенький щуплый человек в очках, с птичьим носиком на невыразительном лице был типичным администратором-бюрократом, который «на старости лет» (ему было под пятьдесят) решил, как он выражался, предпринять «небольшую авантюру»: возглавить Колымскую базу ГГРУ (Главного геологоразведочного управления) — так официально называлась наша экспедиция. Билибин ехал в качестве технического руководителя.

Поезда в то время ходили очень медленно по изношенной однопутной колее, и во Владивосток мы прибыли через

тринадцать суток после выезда. Кое-как разместившись (кто в гостинице, кто на частных квартирах), мы в ожидании парохода около двух недель прожили во Владивостоке.

Погода стояла туманная, с частыми моросящими дождями. Несмотря на это, мы без устали бродили по живописному, но грязноватому городу, который давал временное пристанище толпам приезжих, направлявшихся на Камчатку, Сахалин и Охотское побережье, а также возвращавшихся оттуда в родные места. Заметную часть местного населения составляли китайцы и корейцы — в основном ремесленники, торговцы зеленью, носильщики, грузчики.

Продовольственные магазины пустовали, и колбасно-ветчинная бутафория, выставленная в витринах, подчеркивала убожество пустых полок.

Питание в ресторанах «Золотой Рог» и «Версаль» было нам не по карману, и поэтому мы я основном переключились на рынок. Он сверкал всеми цветами радуги: овощи, рыба, крабы в изобилии, «навалом» лежали на длинных деревянных настилах, радуя взор.

Рынок позволил нам сравнительно легко разрешить довольно сложную в те годы проблему питания.

На Семеновском базаре шумела разноголосая многоязычная толпа. Здесь была знаменитая владивостокская «толкучка», на которой можно было купить все, начиная от штанов и кончая бриллиантами. Бриллиантов мы по скудости средств не покупали, но кое-какие предметы обихода приобрели. Некоторые отдали дань базару, поплатившись собственными кошельками: уголовного люда во Владивостоке было более чем достаточно.

В самом центре города, на Миллионной улице; находился целый квартал домов с бесконечными переходами, тупиками, закоулками, клетушками и каморками, образующими сложный лабиринт, из которого «чужому» невозможно было выбраться. Это была так называемая Миллионка — владивостокский вариант московской Хитровки. Здесь были потайные опиекурильни, «веселые домики» и прочие разномастные развлечения «для курящих». Милиция сюда не рисковала заглядывать, во всяком случае небольшими подразделениями. Мы с некоторой опаской обходили Миллионку, не рискуя ознакомиться с ее внутренним содержанием.

Зато с интересом посещали мы китайский театр с его неприемлемой для европейского уха шумовой музыкой, любуясь прекрасной мимической игрой артистов, одетых в красочные одежды.

Основным его репертуаром был китайский сказочный эпос.

Представления длились несколько часов подряд. Публика приходила и уходила, а во время действия не только смачно грызла кедровые орешки, но и выпивала и закусывала.

Наконец настал день отъезда. 22 июня мы погрузились на старый ржавый пароход «Днепрострой». Это был ветеран времен первой мировой войны. Предприимчивее американцы во время войны пекли их как блины для перевозки грузов из США в Европу. Большая часть Тихоокеанского торгового флота была укомплектована такими купленными в США пароходами, которые имели названия, оканчивающиеся на «строй», — «Днепрострой», «Свирьстрой», «Волховстрой», «Ангарстрой» и т. д.

Для пассажиров в ржавом трюме были наскоро сделаны трехэтажные нары, на которых вповалку теснились мужчины, женщины и дети. Однако этих «удобств» хватало далеко не на всех, и некоторая часть «бездомников» располагалась прямо на палубе, среди мешков, ящиков, тюков сена, колес и прочего груза, которым она была забита до отказа.

Несмотря на примитивность быта, мы в общем чувствовали себя недурно. За время пути члены экспедиции ближе познакомились друг с другом. Развлекались как умели. Вначале развлечения носили активный характер — прыжки, борьба, спортивные упражнения. Затем наступил период увлечения шахматами. Был организован шахматный турнир. Любители карточной игры с увлечением сооружали многочисленные вариации пулек. Каждый по-своему проводил часы вынужденного досуга.

А вокруг расстилалась теряющаяся в сероватой дымке тумана зеленоватая, покрытая рябью невысоких волн поверхность моря. Иногда туман настолько сгущался, что видимость не превышала десятка метров, и тогда пускалась в ход сирена, издававшая через короткие интервалы времени глухие басовитые звуки.

Были и ясные, солнечные дни, когда палуба покрывалась копошащейся массой людских тел. Погода большей частью стояла тихая, и только временами свежий ветер, достигавший четырех-пяти баллов, заставлял кое-кого, в том числе и меня, тосковать о твердой почве под ногами.

Не знаю, что было бы с нами, если бы начался шторм. При той загруженности палубы, какая была на «Днепрострое», это грозило катастрофой.

На восьмые сутки «Днепрострой» вошел в бухту Нагаева.

С жадным любопытством рассматривали мы открывшуюся перед нашими глазами панораму. По небу медленно плыли темные, переполненные влагой облака, которые время от времени разражались мелким, моросящим дождем. По обеим сторонам

длинной узкой бухты высились покрытые лиственничным лесом и зарослями кедрового стланика каменистые склоны угрюмых сопок, вершины которых утопали в густом сыром тумане. Кое-где на склонах белели большие пятна нерастаявшего снега. Впереди виднелся невзрачный поселок, состоявший из двух-трех десятков низеньких строений.

Загремела якорная цепь, и пароход остановился в полукилометре от берега.

К пароходу подошел катер с пограничным начальством. Ехавшие на нашем пароходе руководители Колымского отделения Цветметзолота вместе с Шуром и Билибиным по шаткому веревочному трапу спустились в катер. Он описал широкую дугу и направился к берегу. Мы остались на пароходе. Нам сообщили, что в первую очередь будут выгружены лошади, а высадка людей начнется только завтра.

Второго июля, просидев целый день на пароходе, мы оказались наконец на долгожданной земле.

Первое, что нам бросилось в глаза, — это большая толпа желтых исхудалых людей, в безнадежной позе сидевших на берегу. Многие передвигались с помощью костылей. Это были цинготники. Из 260 человек, населявших Нагаево, свыше шестидесяти были больны цингой в разной степени ее проявления. Многие навеки остались в этом суровом краю, так и не дождавшись прибытия парохода. Некоторые не могли самостоятельно двигаться, и их на носилках доставляли на катер, откуда с помощью лебедки грузили на пароход. Стало как-то не по себе при виде этой мрачной картины. Как бы и нам не пришлось познакомиться с этой хворью, невольно думал про себя каждый.

На берегу нас встретили Билибин и его бывший рабочий Миша Лунеко, высокий загорелый худощавый брюнет, энергичный и подвижный, выполнявший обязанности не то коменданта, не то завхоза экспедиции. Он здесь зимовал, занимаясь строительством и готовясь к нашему прибытию.

База экспедиции находилась на расстоянии двух — двух с половиной километров от поселка Нагаево, на берегу небольшого ключика Марчекана, и состояла из трех бараков. Мы, инженерно-технические работники, обосновались в одном из бараков, где было хотя и тесновато, но вполне терпимо. Некоторые расположились в палатках. Рабочие побригадно разместились в двух остальных бараках. Билибин поселился в одном бараке с нами. Шур и его заместитель Тарасов — высокий тощий человек, внешне похожий на Дон-Кихота, — устроились в поселке в отдельном небольшом домике.

На второй или на третий день после прибытия нам пришлось почувствовать, что мы находимся в области, где пульс Земли, бьется ускоренно. Часа в четыре утра наш барак застонал, заскрипел и резко встряхнулся, так что большинство его обитателей в испуге проснулись. Это было самое настоящее землетрясение силой в четыре-пять баллов.

По прибытии в Нагаево взаимоотношения Билибина с официальным начальником экспедиции Шуром стали быстро портиться. Подвижный и энергичный Билибин старался как можно скорее отправить нас в тайгу, чтобы в течение летнего сезона успеть провести полевые работы. Сам он не имел полномочий, и все переговоры с официальным хозяином края — Цветметзолотом, без которого мы не могли обойтись, вели Шур и его заместитель Тарасов. Это были люди, незнакомые с полевой геологической работой; не знающие тайги и местных условий, но крепко оберегавшие свой авторитет от посягательств со стороны внутренней оппозиции в лице Билибина, который требовал ускорить отправку партий.

Хозяином положения чувствовало себя Цветметзолото. Слабовольный Шур не был в состоянии дать должного отпора стремлению последнего «наложить лапу» на имущество экспедиции. Шур сдавал одни позиции за другими, и вскоре мы оказались в полной зависимости от Цветметзолота. А оно не особенно торопилось отправлять наши партии. У него хватало своих забот.

В тоскливом ожидании проходили дни. Как нарочно, погода установилась ясная, солнечная, с редкими ненастными днями. Мы рвались в тайгу на работу, а вместо этого приходилось сидеть бездельно в надоевшем Нагаеве. Пробовали мы делать небольшие маршруты в окрестностях, но это по существу была не работа, а забава.

Только 19 июля поступило распоряжение готовиться к выезду. Намечалось отправить две группы партий. Партии, руководимые геологами Е. Т. Шаталовым, С. Е. Захаренко и А. А. Арсеньевым, должны были пересечь Охотско-Колымский водораздел и, выйдя к устью Детрина, сплыть оттуда до Среднекана. Остальные партии — Б. И. Вронского, В. Н. Березкина, И. А. Пудовкиной и Е. А. Нечаевой — намечалось на конях довезти до Заливной базы в верхнем течении Малтана, откуда они должны были сплывать по Бахапче, ведя по пути геологические наблюдения и проводя опробование боковых притоков.

Наступил самый ответственный момент — получение лошадей. По существу это были не лошади, а живые скелеты,

Тощие, с выдающимися ребрами, в ранах и припухлостях, они выглядели ужасно. Лошадей нам выделило по договоренности Цветметзолото, и, конечно, выделило «лучших».

Поскольку более длинная и ответственная дорога была у первой группы, ей было предоставлено право выбора. Остальное досталось нам.

В пути

21 июля мы погрузили наше снаряжение на сорок пять тощих, измученных лошадей и с ужасом убедились, что ноша для них непосильна. Они, шатаясь, брели по узкой таежной тропинке, ведущей через перевал от берега бухты к речке Магадану. Вьюки сбивались и падали, лошади еле передвигали ноги. Было ясно, что при таком положении нам до сплава не дойти — до него было около 300 километров.

Я был назначен старшим по группе и, сознавая лежащую на мне ответственность, мучительно искал выхода из создавшегося положения. Наконец выход был найден, правда с точки зрения этики более чем сомнительный.

Оставив транспорт, я вернулся в Нагаево, отвязал оседланную лошадь Шура, которой тот пользовался для поездок на расстояние двух-трех километров, от Нагаева до Марчекана, и ускакал догонять транспорт.

Перевьючив часть груза на сытую, добротную лошадь Шура, мы поехали дальше. С большим трудом поднялись мы по узкой грязной тропинке, вьющейся среди густого лиственничного леса, на вершину невысокого перевала, отделяющего бухту от долины Магадана. Здесь было тихо и пустынно. На территории нынешнего города Магадана стояла маленькая невзрачная избушка для конюхов. В долине были прекрасные пастбища, и сюда пригоняли лошадей на выпас.

Неподалеку от избушки, на полянке, пасся упитанный каштановый конь начальника снабжения Цветметзолота, на котором тот совершал поездки в пределах поселка.

В порядке «революционной законности» мы прихватили и этого коня, оставив взамен одного из наших, наиболее слабого.

Эти две лошади оказали нам неоценимую помощь. Без них мы не смогли бы добраться даже до Олы, расположенной в 30 километрах от Нагаева. Там ждали проводники, которые должны были сопровождать нас до сплавной базы.

Ола — очень симпатичный поселок. Широкая долина реки, в устье которой он расположен, покрыта прекрасными лугами с

густой, сочной травой. Кажется, что перед тобой не далекий Охотский край, а сельская местность где-нибудь в средней части Европейской России.

Поселок состоит из семи-восьми десятков разбросанных домиков. В центре его возвышается старинная деревянная церквушка. Бросается в глаза большое количество собак, привязанных к кольям на берегу небольшого ручейка, протекающего через поселок. Эти лохматые грязно-серые псы беспрерывно визжат, лают и воют на все лады. Собаки — основной зимний транспорт местных жителей, который теперь отдыхает до наступления новой зимы. Здесь же расположены многочисленные навесы для вяления рыбы — юколы, служащей кормом для собак. На юколу идет главным образом горбуша и отчасти кета, массами поднимающиеся вверх по реке метать икру.

Берег покрыт гниющими отбросами, распространяющими густое зловоние. При заготовке юколы брюхо рыбы вспарывается и внутренности вместе с икрой вываливаются на землю. Нас буквально потрясло такое варварски расточительное отношение к этому ценнейшему продукту: икру, которая в столице была доступна лишь нэпманам, здесь считают отбросами, которые не едят даже собаки.

Мы, конечно, не упустили случая полакомиться этими «отбросами». Выпотрошенная икра клалась в накомарник, отделялась от покрывавшей ее пленки, пересыпалась солью и через каких-нибудь полчаса была готова к употреблению. По вкусовым качествам такая малосольная икра неизмеримо превосходит ту, которая продается в московских магазинах. К сожалению, сохранность ее не превышает двух-трех дней.

Нанятые нами проводники-якуты братья Александровы, осмотрев наших лошадей, категорически заявили, что мы на них не сможем дойти до сплава: они слишком слабы и перегружены.

Надо было что-то предпринимать.

В Оле находилась конбаза Цветметзолота, своего рода «дом отдыха» для лошадей, проделавших трехсоткилометровый путь до места, откуда ведется сплав, и вернувшихся обратно. Здесь на прекрасных выпасах они отдыхали и копили силы для нового рейса.

Я отправился к заведующему конбазой — рослому грубоватому дяде. Однако он категорически отказался заменить нам некоторых, наиболее слабых лошадей на уже отдохнувших.

Мы оказались в очень тяжелом положении. Впрочем, выход был найден. Поскольку я уже стал конокрадом, то на следующее утро, отправляясь в путь, мы самочинно заменили пять наших калек на отдохнувших лошадей конбазы, которые на свободе

паслись около поселка.

Мы медленно шли вверх по широкой долине реки Олы. Узкая тропка вилась среди густого лиственничного леса, то подходя к самому берегу, то далеко уходя в сторону. Временами она упиралась в русло реки, которая с шумом несла свои прозрачные, неестественно зеленые воды среди галечных берегов. Тогда приходилось перебираться на другую сторону.

В малую воду переправа не представляла особых затруднений, но стоило пройти даже небольшому дождю, как вода заметно поднималась и переход через реку становился проблемой. Быстрое течение сбивало с ног лошадей, тем более что они шли не поодиночке, а связками, по четыре лошади в каждой. Стоило упасть одной лошади, как она увлекала за собой остальных, веревки, связывающие Лошадей, переплетались, запутывались и связка превращалась в извивающийся клубок лошадиных тел, который быстрое течение стремительно тащило к глубокому месту. К счастью, это были единичные случаи, которые кончались благополучно.

Через несколько дней нас догнал заместитель Шура Тарасов. Он ехал верхом в сопровождении проводника, направляясь на сплав. Тарасов уже был подробно информирован о проведенных мною лошадиных комбинациях. Он устроил мне изрядную головомойку за лошадь, взятую у Шура, зато прочие изъятия молчаливо одобрил.

Странный человек был Тарасов. Длинный как жердь, надменный и высокомерный, он являл собой тип человека, уверенного в собственной непогрешимости и в превосходстве над другими людьми.

В то время как все мы, включая женщин, шли пешком, Тарасов неизменно восседал на лошади, считая ниже своего достоинства спуститься на землю.

В те далекие времена мы по молодости лет частенько излагали наши мысли и чувствования в стихотворной форме. В сатирической поэме «Шуриада», отображавшей нашу жизнь, было уделено внимание и Тарасову.

Не раз всерьез и с едким смехом
Ему пытались доказать,
Что совестно мужчине ехать,
А женщинам пешком шагать.
Пустая детская забава —
Стереотипен был ответ:
«Верхом дано мне ехать право,
А вам и вашим женам нет».

Народ мы были молодой, зубастый, за словом в карман не лазали, к такого рода начальству почтения не чувствовали, и Тарасов, донимаемый нашими насмешками, вскоре отделился от нас и вплоть до сплава ехал обособленно.

Путь до места сплава не баловал нас. Это была унылая, однообразная дорога по узкой тропе среди болотистых просторов, тяжелая, выматывающая силы. Чахлые лиственницы, топкий моховой покров, одуряющий запах багульника и комары, комары, комары. Обстановка резко менялась, когда мы подходили к берегу реки. Здесь расстилались чудесные тополевые рощи, в изобилии росли шиповник, красная и черная смородина, костяника и жимолость, а на сырой земле здесь и там отчетливо виднелись отпечатки когтистых медвежьих лап, на которые мы взирали с почтительным любопытством.

Карты у нас не было, и мы шли, полностью полагаясь, на проводников. Названия многочисленных ключей и речек, чуждые нашему уху, ничего нам не говорили, и мы очень смутно представляли себе, где находимся.

Постепенно поднимаясь вверх по долине Олы, мы свернули в один из ее притоков и стали приближаться к Охотско-Колымскому водоразделу.

Здесь мы впервые встретились с людьми. На небольшой полянке около берега речки стояло несколько тунгусских юрт, похожих на вигвамы североамериканских индейцев, как их изображают на картинках.

Остановившись в полукилометре, мы направили к тунгусам делегацию с дарами — немного чаю, сахару, табаку и конфет. У них мы попросили на некоторое время небольшой невод, сушившийся на кольях около стойбища.

Затянув невод в одном из омутов, в прозрачной глубине которого смутно мелькали крупные рыбы, мы в первую же тоню вытащили свыше тридцати крупных кетин. Однако это была уже не та кета, которую мы видели в устье Олы. Та была серебрянка — кета, только что зашедшая из моря в реку, красивая, упитанная, бойкая рыба серебристого цвета. За короткое время она сильно изменилась. Рыба, пойманная нами в верховье Олы, резко отличалась своим внешним видом — тощая, с уродливой головой и торчащими зубами, в шрамах и каких-то белёсых пятнах на красноватых боках, с избитыми, ломаными плавниками. Это была так называемая зубатка, обреченная рыба, которая, пройдя длительный путь вверх по реке, преодолев

многочисленные преграды и препятствия, теперь готова была выполнить свой биологический долг — выметать икру и погибнуть. Некоторые экземпляры из попавших в невод уже выметали икру. Это было страшное зрелище: слепые, покрытые какими-то лишаеобразными пятнами, еле двигающиеся, буквально полумертвые, они своим видом внушали ужас и отвращение. Впрочем, и остальная рыба, еще не успевшая выметать икру, была немногим лучше.

Сварив уху, мы решили часть рыбы завялить. Один из наших проводников показал, как это делается. Он вспорол рыбе брюхо, выбросил внутренности, сделал два надреза по обе стороны от грудного плавника, быстрым круговым движением ножа отделил одну половину передней части от головы и, сделав глубокий врез вдоль спины, отчленил мясистый бок рыбины от хребта и ребер. Проделав ту же операцию со второй половиной, он получил две толстые мясистые пластины. Сделано это было с исключительной быстротой. После нескольких неудачных попыток что-то похожее стало получаться и у нас.

Нанизанные на ивовые прутья и подвешенные около большого дымного костра, эти куски к утру «дошли», и их можно было сохранять в течение нескольких дней.

Мы вернули невод хозяевам, уплатив им некоторую сумму. Тунгусы пригласили нас на танцы, которые, несмотря на примитивность, отличались своеобразной грацией. Став в кружок и взявшись попарно за руки (мужчины и женщины вперемежку), они под певучие выклики «ху-ла, ху-ла, хин-ду, хин-ду», то приседая, то поднимаясь, перемещались по кругу во все ускоряющемся темпе. От всего этого веяло каким-то сказочным очарованием. Не так ли кружились и приседали наши далекие предки, оглашая ночную тишину дикими выкриками, из которых впоследствии развились мелодия и все многообразие современной музыки?

Мы распрощались с тунгусами и ушли к себе в палатки, но долго еще доносились до нас вызывающие какое-то смутное ощущение тревоги выклики «хин-ду, ху-ла».

Четвертого августа мы благополучно добрались до сплавной базы Цветметзолота, где изготовлялись кунгасы для сплава грузов на прииски.

Накануне мы чуть не лишились целой связки из четырех лошадей. Тропа шла по кромке подмытого водой берега, внезапно связка вместе с частью берега рухнула в воду на быстром глубоком месте. Тяжело навьюченные лошади стали тонуть. Пришлось броситься в воду и, держась одной рукой за

выступающие корни кустов, спешно перерезать веревки, которыми были привязаны вьюки.

Вероятно, все лошади погибли бы, если бы не передовой конь Чалый. Он судорожно уцепился зубами за выступающий корень дерева и замер в бульдожьей мертвой хватке. В его дико вытаращенных глазах застыло выражение смертельного ужаса. Он как будто понимал, что если оторвется от спасительного корня, то гибель неминуема.

И он держался из последних сил. Его мужество спасло связку. Мы успели освободить лошадей от вьюков и вытащили их на берег. Последним вытащили Чалого.

Тайга как будто хотела показать нам, что шутки с ней плохи и что все время надо быть настороже.

После сдачи лошадей мы договорились с заведующим сплавной базой, чтобы нам выделили кунгасы. Эти большие, неуклюжие, утюгообразные лодки, грузоподъемностью около трех тонн каждая, были «вчерне» заготовлены еще задолго до нашего приезда. Оставалось отделать их «набело», законопатить и осмолить (пеньку и смолу мы привезли с собой).

Два кунгаса были почти готовы, и 5 августа два отряда из нашей группы отчалили от берега и скрылись за поворотом реки.

10 августа наступил наш черед. Два небольших отряда — мой и И. А. Пудовкиной — также на двух кунгасах, распростившись с гостеприимным начальником сплавбазы, отправились в путь.

Через каких-нибудь триста метров мы уже сидели на мели. Пришлось лезть в воду и под заунывное «раз-два… взяли» шестами пропихивать кунгасы через мелкое место. Сколько раз впоследствии приходилось повторять этот сакраментальный возглас!

Каждый отряд состоял из пяти человек: начальника, прораба-поисковика, коллектора, промывальщика и рабочего. Прорабом у меня был молодой худощавый украинец Митя Бондаренко, которого мы все звали по отчеству — Гордеич. Коллектором была моя жена Варсеника Месроповна, маленькая худенькая женщина с затаенной искоркой печали в больших черных глазах — след неустанного воспоминания о детях, оставленных в непостижимо далекой Москве. Роль промывальщика исполнял дядя Ваня, исконный старатель и опытный таежник, — высокий, плотно сложенный мужчина со своеобразным свирепо-добродушным выражением рябоватого лица, окаймленного кустистой черной бородой. Рабочим был скромный паренек Вася, тихий и исполнительный. Для дяди Вани и Васи имя и отчество моей жены были непреодолимым звуковым барьером, поэтому по отношению к ней они применяли местоимения «вы» и «она»:

первое — при непосредственном обращении, второе — заглазно.

Все мы, за исключением дяди Вани, были типичными «чечако», особенно по части сплавных дел.

У нас была маленькая лодка, на которой я обычно уезжал вперед осматривать береговые обнажения.

Дня через три после отплытия я задержался у очередного обнажения. Кунгасы проплыли дальше. На отмели около берега я заметил небольшой бочонок весом пуда на полтора, который с трудом втащил в лодку. Находка вызвала большое оживление. Каждый по-своему определял его содержание. Дядя Ваня был уверен, что бочонок с вином. Гордеич считал, что в нем селедка. Мне казалось, что он с огурцами. В общем каждый высказывал свои затаенные желания. На привале мы вскрыли бочонок. В нем оказалась превосходная солонина. Хотя наши ожидания и не оправдались, мы были благодарны судьбе за такой неожиданный подарок. Поделились, конечно, и с соседним отрядом.

На другой день, проплывая на лодке, я заметил на берегу среди зелени большое снеговое пятно. Снег в тайге в середине августа? Это что-то новое! Подплыв ближе, увидел разграбленный медведями лабаз. Здесь по какой-то причине сплавщики выгрузили на берег часть груза, в основном муку. Медведи всласть порезвились с мукой. Мешки, растерзанные до основания хваткими ударами медвежьих лап, валялись среди кустов и деревьев, а мука белым снеговым покровом густо покрывала поверхность земли на участке в несколько сот квадратных метров.

Начиная от устья Асана, крупного правого притока Малтана, мы стали проводить опробование боковых притоков.

Пробы не радовали нас. Все они, как правило, была пустыми. Изредка попадались мельчайшие пылевидные золотинки — невесомые знаки.

Погода стала резко меняться к худшему. Начались дожди, Малтан взбух и помутнел. По его вспененной поверхности неслись кусты, трава, деревья и разный мусор.

Несколько неприятных минут пережил наш прораб. В одном месте кунгас понесло к обрывистому берегу, с которого свисали подмытые деревья. Гордеич замешкался выполнить истошную команду дяди Вани: «Ложись все на дно кунгаса!» Его зацепило низко наклоненной вершиной дерева и вышвырнуло из кунгаса. На лету он успел обеими руками уцепиться за ствол дерева и повис в воздухе. Ноги его отнесло вниз по течению, и он в нелепой пока замер, ожидая, что его вот-вот оторвет от дерева и унесет. С большим трудом удалось пристать к берегу в полукилометре от места происшествия и выручить Гордеича, который был уже на пределе своих сил.

Это была последняя каверза Малтана. К вечеру 21 августа мы причалили к крутому берегу Бахапчи, в спокойные воды которой впадал желтопенный взбесившийся Малтан. В верховьях Бахапчи дождей не было, они начались после нашего прибытия.

29 августа мы подплыли к преддверию гранитной цепи; прорезая ее, Бахапча образует пороги, о которых нам так много рассказывали.

— Ни хрена! — бодро говорил дядя Ваня. — Как-нибудь проплывем эти самые пороги.

За ночь вода сильно упала, и когда утром мы встали, то увидели, что она далеко отошла от берега. Кунгас наш, скорбно уткнувшись носом в каменистое прибрежье, стоял «насмерть» и хитро посматривал на нас, как бы говоря: «А ну, посмотрим, как вы меня сдвинете!» Дядя Ваня, будто предвосхитив кунгасовы думки, промолвил:

— Ничего, своротим этого дьявола как миленького.

Мы позавтракали, собрали наши вещи, сняли палатки, подтащили все ближе к берегу и нехотя полезли в воду. Температура ее в последние числа августа не превышает шести-семи градусов.

Невеселое это занятие — охаживание кунгаса, прочно засевшего на каменистой мели, подталкивание его то с носа, то с кормы под сакраментальное «раз-два… взяли». Так или иначе, основательно вымотав нас, кунгас наконец соизволил отчалить от берега. Мерно покачиваясь на волнах, он поплыл к белеющему вдали перекату-порогу.

— Проплывём-проедем, — говорил Гордеич. — Слушайте только мою команду.

И вот забелели, замурлыкали первые волнистые гребешки: кунгас вошел в преддверие порога. Гордеич, сидя на носу, руками и голосом сигнализировал, куда править. Послышалась команда «право руля», и кунгас, весело крякнув, с размаху наскочил на камень, шаркая дном по его неровной поверхности. Затем он медленно повернулся боком и безнадежно остановился.

Видно было, как в зеленоватой воде смутно темнели сытые гладкие камни, то появляясь, что исчезая среди белых пёнистых волн. А совсем недалеко, всего в каком-нибудь метре левее, весело бежала зеленая глубокая струя главного русла. Гордеич малость сплоховал и смиренно, как должное принимал не особенно вежливые эпитеты, которыми награждал его разъяренный дядя Ваня.

Сели мы прочно. Вода с присвистом и прихлебыванием перехлестывала через борт накренившегося кунгаса, который все больше и больше клонился на бок. Стоя по пояс в ледяной воде,

мы тщетно старались выправить кунгас и сдвинуть его с мертвой точки. Крен становился все сильнее и сильнее. Казалось, еще немного — и поплывут наши пожитки вниз по Бахапче.

Однако близость зловещего конца удесятерила наши силы, и после очередного дружного рывка кунгас стронулся с места. Сначала он двинулся вперед носом, затем его несколько раз крутануло, ударило о камни, чуть не опрокинуло и наконец вынесло на границу подводного барьера, за которым уже шла зеленая глубина.

Дальше все шло как по писаному, и пороги мы миновали благополучно, хотя и не без ущерба для нашего судна. Один из порогов основательно цапнул своими каменными зубами дно кунгаса, отхватив, как ножом, две предохранительные доски. После этого кунгас стал так сильно протекать, что все мы должны были беспрерывно вычерпывать воду. Пришлось устраивать дневку для исправления повреждений.

Здесь нас нагнал Билибин, который вместе с Шуром и группой рабочих сплывал на двух кунгасах вниз на Среднекан. Встреча была теплой и сердечной. Я с опаской посматривал на Шура, памятуя о похищенной лошади. Он обошел молчанием этот эпизод.

Мы ознакомили Билибина с результатами опробования. Они пока не радовали. Договорились с ним о порядке дальнейших работ, попили чаю, помахали, посвистели на прощанье, и два его кунгаса медленно проплыли мимо наших палаток. Мы вновь остались одни.

Выше порогов пробы в подавляющем большинстве оказывались пустыми, в них только изредка попадались знаки золота. После того как мы проплыли пороги, в пробах стали появляться не только знаки, но и весовое золото — отдельные чешуйки и крупинки, которые можно взвесить. В каменистых обрывистых берегах там и здесь виднелись жилы кварца и изверженных пород (дайки), которые выше порогов почти не встречались.

В устьевой части одного из ключей, названного Веселым, в первой же пробе оказалась крупная золотина. При виде ее дядя Ваня впал в состояние какого-то лихорадочного неистовства. Он бегом носился от русла к склону террасы, набирая породу, и с какой-то неуемной страстью мыл лоток за лотком. И в каждом лотке сверкали золотинки. Оторвать его от этого занятия удалось с большим трудом. Полные энтузиазма, мы отправились вверх по ключу в двухдневный маршрут. Увы! Хорошее золото прослеживалось только на расстоянии нескольких сотен метров в пределах бахапчинской долины, прорезаемой ключом. Выше по

ключу пробы давали знаковое содержание и только изредка небогатое мелкое золото.

Так постепенно спускались мы по Бахапче, опробуя ее боковые притоки. Большинство из них, как справа, так и слева, были золотоносны, но богатого золота не содержали.

В двадцатых числах сентября мы достигли устья Бахапчи и выплыли на Колыму, которая даже в верхнем течении оказалась огромной могучей рекой.

На устье Утиной мы распростились с дядей Ваней, который остался здесь на разведочных работах. До Среднекана оставалось совсем немного.

На Среднекане

27 сентября мы подплыли к маленькому поселку, состоявшему из четырех-пяти небольших домиков и десятка палаток. Здесь нам предстояло жить и работать. Из Нагаева, где находилась снабженческая база, к нам должно было поступать все необходимое. Поселок стоял на правом, высоком берегу Колымы. В полутора километрах ниже по течению, в устье Среднекана, помещался одноименный поселок Колымского управления Цветметзолота.

Сразу же по приезде мы вплотную включились в строительство зимних квартир. Этим был занят весь состав экспедиции, включая Билибина. Даже Шур в течение одного или двух дней подтаскивал бревна к строящимся баракам. Затем он незаметно отключился, и больше мы его на строительстве не видели.

Постройки были очень примитивные, барачного типа, из сырого лиственничного леса, без крыш, с жердяным потолком, засыпанным толстым слоем земли и гальки. Отапливались они железными печками. Вместо стекол проемы затягивались кусками бязи.

И все же это были настоящие жилые помещения, в которых можно было вполне сносно пережить суровую колымскую зиму. А она приближалась с каждым днем. Все шире и толще становились полосы прибрежного льда — забереги, и только середина реки, густо покрытая пятнами сала, с тихим шуршанием продолжала свое безостановочное движение.

К 10 октября Колыма стала. Снега еще не было, но морозы доходили до 29–30 градусов.

Большая часть состава экспедиции — прорабы, коллекторы, рабочие — была направлена на разведочные работы. На базе остались только геологи и часть коллекторов.

Работой мы перегружены не были. Обработка полевого материала не поглощала много времени, тем более что одна из существенных частей ее — петрографическое исследование собранных образцов — не могла быть осуществлена из-за отсутствия микроскопов, еще не прибывших из Нагаева.

Зная, что безделье в экспедиционных условиях — большое зло, Билибин организовал нечто вроде курсов повышения квалификации. Он начал читать серию лекций под названием «Все о золоте». Это была своего рода энциклопедия сведений о золоте с упором на геологию и металлогению. Включились в это дело и другие — готовили доклады, рефераты. Геолог Витя Березкин, родившийся в Якутске и в совершенстве знавший якутский язык, взялся за обучение желающих освоить этот язык.

Холод, темнота, тяжелые жилищные условия, плохое питание — все это способствовало развитию цинги, которая в первые годы освоения Колымы унесла немало жизней.

В борьбе с цингой имеют значение не только витамины, но и общее физическое и моральное состояние человека. Учитывая это, Билибин разработал общие нормы поведения членов нашей экспедиции. Мы занимались физическим трудом: заготовкой дров, прогулками, охотой и некоторыми спортивными развлечениями — борьбой, перетягиванием на палках.

Все же цинга слегка задела нас. На теле появились маленькие, похожие на сыпь пятнышки подкожных кровоизлияний, стали слегка кровоточить десны, но более серьезных форм она не приняла.

Быт наш был весьма примитивен. Бараки были разделены на маленькие клетушки, в которых еле-еле размещались два топчана и малютка-столик около окна, затянутого куском бязи. От ее поверхности, покрытой густым налетом инея, всегда тянуло легким сквознячком, колыхавшим пламя свечи. Под топчанами в углах барака постепенно разрастались настоящие ледопады. Отапливались мы небольшими печками, изготовленными из листового железа, которые попеременно то создавали обстановку знойных тропиков, то заставляли вспоминать о температуре межпланетного пространства.

Развлекались мы как могли. Много читали, часто коллективно, вслух. Хотя книг у нас было мало, но зато все любимые, привезенные с собой несмотря на трудности пути. Были здесь «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова, немало произведений Джека Лондона, в основном касающихся жизни на Аляске, были и классики.

Однажды Джек Лондон был «разоблачен». Это произошло в конце декабря, когда мы перебрались на устье Среднекана В это

время стояли свирепые морозы. Столбик термометра опустился до цифры 61. Как-то утром в барак, приплясывая и потирая руки, вбежал коллектор Волька Добролюбов.

— Вы знаете, — радостно закричал он, — я разоблачил Джека!

— Какого Джека?

— Ну, Джека Лондона, американского писателя. — И Волька с торжеством вытащил из кармана потрепанную книжку. — Вот слушайте, — он быстро перелистал страницы. — «…Смок плюнул в воздух. Через секунду раздался звон упавшей льдинки… Сейчас, должно быть, не меньше семидесяти. Или семидесяти пяти. Я чувствую, что отморозил себе щеки». Поняли? Так вот, я сейчас весь исплевался, стараясь услышать «звон упавшей льдинки». Черта с два, слюна не успевает замерзнуть на лету даже при таком морозе.

— В книжке ведь сказано, что мороз был семьдесят или семьдесят пять градусов, — робко заметил кто-то.

— Так это по Фаренгейту, — поучительно произнес Волька. — У меня все вычислено. Семьдесят градусов Фаренгейта равняются 56,7 Цельсия, а семьдесят пять — 59,4, а у нас сейчас 61.

— Пойдем проверим. — И мы веселой гурьбой высыпали из барака. Тщетно оплевывали мы окрестности во всех направлениях — слюна упорно не хотела замерзать в воздухе. Даже самый маленький, плюгавенький плевочек успевал в полужидком виде долететь до земли. А между прочим, льдинка-плевок с легкой руки Джека Лондона прочно вошла в арсенал северной экзотики и частенько фигурирует в произведениях авторов, пишущих о Севере.

Другим нашим любимым развлечением были шахматы и особенно покер. Покер стал любимой игрой нескольких поколений колымчан и в течение длительного времени держал пальму первенства среди прочих «настольных игр». Во избежание слишком сильного увлечения этой своеобразной: карточной игрой, богатой эмоциями, психологическими выкрутасами и сложными ситуациями, был установлен своеобразный регламент. Пять дней на покер было наложено «табу», зато в субботу вечером и в воскресенье любителям предоставлялась возможность показать свое искусство.

Билибин принимал живейшее участие в ожесточенных схватках любителей покерного искусства. Были, конечно, и ярые противники покера, считавшие его, как и любую карточную игру, никчемным, порочным занятием. Одним из таких идейных противников покера был геолог Сергей Ефимович Захаренко —

Фимыч, как мы его любовно звали.

Среднего роста, плотно скроенный, с густой бородой и длиннейшими, поповского толка волосами (Фимыч дал зарок не бриться и не стричься до выезда с Колымы), он был знающим геологом и большим любителем природы, Фимыч был «не дурак выпить», но к табаку и картам чувствовал прямо-таки звериную ненависть.

Был он физически крепок и хорошо закален. Мы с ним вдвоем решили целую зиму купаться, и наши ежедневные омовения стали источником развлечения для окружающих.

Каждое утро в тулупах поверх белья, в валенках на босу ногу, с полотенцем в руках мчались мы к большой проруби в русле Колымы. Прорубь во избежание сильного промерзания прикрывалась сверху толстой подушкой, сделанной из набитого сеном мешка, слегка простеганного вдоль и поперек.

Отставав в сторону подушку и раскрошив прикрывавшую воду коронку льда, мы быстро раздевались и, бултыхнувшись в прорубь, окунались три-четыре раза. Затем выскакивали на расстеленный тулуп, быстро вытирались, еще быстрее надевали белье, набрасывали на плечи тулупы и мчались в «столовую», где гудела раскаленная докрасна печь. Около нее мы одевались как следует.

Особенно эффектное зрелище представлял Фимыч. Пока он успевал пробежать сто метров до барака, его длиннейшие мокрые волосы и борода полностью обледеневали, и перед взорами оживленных зрителей показывалась физиономия какого-то ледяного Деда Мороза. Около печки Дед Мороз начинал оттаивать, и с его лица на пол с мелодичным звоном падали отваливающиеся ледышки. Так повторялось изо дня в день в любую погоду.

Решение ежедневно купаться было принято нами после одного маленького «эксперимента». В начале октября, когда Колыма еще не замерзла, но по ней уже густыми пятнами плыло сало, Шур попросил доставить на лодке с устья Среднекана не то мотор, не то трубы, в общем что-то железное, трудное для перевозки вьючным способом. Мы с Фимычем вдвоем взялись за это дело.

Незадолго перед этим мы были у Шура с просьбой отпустить нам из запасов экспедиции пол-литра спирта для наших скромных нужд. Шур прочел нам нотацию о вредном воздействии алкоголя на человеческий организм и категорически отказал в просьбе, добавив, что спирта на базе мало и он сберегается на крайний случай: вдруг кто-либо сильно промерзнет или случится еще что-либо подобное. Обозвав его в душе «жмотом», мы с

грустью покинули его холодную каморку, в которой он по простоте душевной велел прорубить огромное окно, затянутое, как и везде, бязью. Отопить каморку при наличии такого «венецианского» окна было просто невозможно.

Мы с Фимычем честно выполнили поручение, но у самого финиша имитировали кораблекрушение. Приставая к берегу, мы с трудом опрокинули лодку на глазах у восхищенных зрителей, которые тотчас помчались к Шуру с докладом, что Вронский и Захаренко потерпели аварию и чуть не утонули. Через некоторое время и виновники происшествия, мокрые с пят до макушки, лязгая зубами, заявились к Шуру и уже не попросили, а потребовали спирта и благодарности за выполненное поручение, которое «едва не стоило им обоим жизни». Потрясенный Шур молча выдал нам целый литр спирта, который дружно распили и «пострадавшие», и зрители. Вот тогда и возникла у нас идея ежедневного совместного купания.

Взаимоотношения с Шуром становились все более и более натянутыми. Он полностью оторвался от всех нас и молча сидел в своей каморке, одинокий и забытый. И в то же время он был «власть», которая досаждала нам мелочными придирками. Все мы чувствовали к нему сильную неприязнь. Основная причина этой неприязни, причина, которую, может быть, мы не сознавали, а только инстинктивно чувствовали, заключалась в том, что он был «равнодушным».

Все мы приехали осваивать новый край, нас влекла работа, мы видели впереди цель, которая зажигала наши сердца, звала, манила. Перед нами лежала огромная пустынная территория, неисследованная, неведомая, о которой мы могли сказать свое первое слово, что-то сделать для того, чтобы выявить богатства, лежащие в ее недрах.

Все мы, несмотря на различия в возрасте, наклонностях, привычках, чувствовали, что наша жизнь теперь надолго связана с этим суровым своеобразным краем. Что же касается Шура, то он смотрел на свою поездку сюда как на досадную обузу и мечтал, яростно мечтал, как бы поскорее уехать обратно.

Неприязнь к Шуру выражалась несколько своеобразно. Держались мы достаточно корректно и вежливо, но, вероятно, ни одной девушке не посвящалось столько стихотворений, сколько их было адресовано Шуру. Это в основном были юморески, дружеские шаржи, которые пользовались большим успехом у всех, кроме адресата.

Впрочем, мы недолго пользовались обществом Шура. В начале 1932 года, вскоре после того как все мы перешли в

ведение Дальстроя, Шур тихо и незаметно исчез. Его мечта покинуть Колыму осуществилась.

В середине ноября наше самостоятельное существование закончилось. Мы были переданы в систему Цветметзолота и подчинены Колымскому приисковому управлению. Нашим новым начальником стал Николай Федорович Улыбин. Это был старый таежник-практик, решительный и волевой. Политика «дальнего прицела», проводимая Билибиным, была ему чужда и непонятна.

— Вы, Юрий Александрович, — говорил он Билибину, — давайте мне золото поближе, там, где живут и работают люди. Скоро будет строиться сюда дорога из Нагаева, вот вдоль нее и надо ставить партии. А вы все куда-то в сторону стремитесь, подальше от жилых мест.

На возражения Билибина, что золото надо искать там, где существует подходящая геологическая обстановка, а не возле бараков, Улыбин скептически покачивал головой.

Сразу же после получения известия о том, что мы переходим в его подчинение, Улыбин распорядился, чтобы мы переехали на устье Среднекана.

— Вы теперь мои работники, и мне надо знать, чем вы занимаетесь, — говорил он как бы шутя.

Узнав, что мы не можем из-за отсутствия микроскопов проводить детальное изучение горных пород, он дал торжественное обещание, что микроскопы будут. Слова «микроскоп» и «микроскопическое исследование» вызывали у него торжественно-мечтательное настроение.

— Вот прибудут микроскопы, — говорил он, — тогда будет ясно, где содержится золото.

Однако ему пришлось перенести глубокое разочарование. Вскоре после того как микроскопы прибыли, он обратился к Билибину с просьбой разрешить ему «посмотреть в микроскоп». Билибин показал ему шлиф гранита.

При повороте столика микроскопа отдельные минералы заиграли переливающимися цветами радуги.

Улыбин был человеком практичным. Радужные переливы его не интересовали.

— А где же золото? — спросил он. Узнав, что золота в шлифах нет и что изучение горных пород преследует иную цель, он не на шутку рассердился.

— Игрушечками занимаетесь, — мрачно произнес он, — а я, дурень, по рации запросы делал, чтобы вам скорее эти микроскопы высылали. Я эти разноцветные стеклышки еще в детстве видел; есть такая игрушка, калейдоскопом называется. Не

пойму я вас, Юрий Александрович! Человек вы ученый, серьезный, а черт знает чем занимаетесь. — И он возмущенно удалился, хлопнув дверью.

Переселение на устье Среднекана не улучшило нашего положения. Мы размещались в таких же маленьких клетушках, как и раньше. Выделенное рабочее помещение было слишком тесным, и большинству по-прежнему приходилось работать дома на топчанах, которые по утрам превращались в столы.

В декабре повторилась голодная эпопея 1928 года, только в несколько меньшем масштабе. Оленьи транспорты где-то задержались. Начался голод. Работы на приисках были прекращены. Созданная чрезвычайная тройка по борьбе с голодом взяла на учет все находившееся на складах продовольствие и распределяла его среди населения. Это были жалкие крохи.

Мы переживали голодовку с меньшей остротой, нежели остальные. Задолго до ее наступления мы перешли на систему коллективного питания, объединив все наши продовольственные ресурсы. Были выделены дежурные для приготовления пищи, намечен строгий рацион питания — все это дало нам возможность жить хотя и впроголодь, но не голодать.

Проходили дни за днями, а долгожданного транспорта все не было. Начался массовый уход на Элекчан, где, на расстоянии 250 километров от устья Среднекана, находилась основная снабженческая база. Остановить уходящих не было никакой возможности. Многие покидали Среднекан в худой одежде и рваной обуви, почти без продуктов. Большинство быстро возвращалось обратно с отмороженными руками и ногами. Больница была переполнена. Ампутации проводились самыми примитивными инструментами, до лучковой пилы включительно, без всякого наркоза.

Первый транспорт с продовольствием прибыл только 24 декабря. От приезжих мы услышали о том, что на Колыму едет какая-то организация, которая будет осваивать весь этот край и объединит все виды работ как на побережье, так и в бассейне Колымы.

Несколько позже пришло официальное извещение о том, что организован государственный трест Дальстрой, в ведение которого переходят все предприятия, работающие на территории Колымо-Охотского края, и что руководство Дальстроя уже выехало в Нагаево из Владивостока.

Пережитые трудности еще больше сплотили и объединили наш маленький коллектив. Голод, холод, цинга, физические невзгоды и примитивность быта — все это переносилось сравнительно легко. Гораздо тяжелее переживалось чувство

оторванности от внешнего мира, а она была почти полной. Ни писем, ни телеграмм — ничего не имели мы с «Большой Земли», которая здесь именовалась «материком». У каждого остались там дорогие и близкие, о которых ничего не было известно в течение долгих, долгих месяцев.

Горше всего приходилось тем, у кого на «материке» остались дети. Таких семейств в Среднекане было немало, особенно среди работников Союззолота. В нашей экспедиции только мы с женой успели обзавестись потомством. Можно было представить, как тяжело переживали мы, особенно жена, полное, беспросветное отсутствие вестей из дому. Ведь дети, да еще такие маленькие, были оставлены на попечение, правда, хороших, заботливых, но все же мало знакомых нам людей. Бедная жена совсем извелась и с наступлением весны категорически решила возвращаться.

В марте 1932 года она с очередным оленьим транспортом, вместе с отбывающими в отпуск работниками экспедиции Цареградского покинула Среднекан и отправилась обратно.

На Нелькобе. Год 1932-й

Отъезд

В конце апреля 1932 года с устья Среднекана в верховья Колымы выехали три полевые партии. Одну, Нелькобинскую, возглавлял я, вторую, Тенькинскую, — Н. Г. Котов, третью, Бёрёлёхскую, — Е. Т. Шаталов. Снабжены мы были из рук вон плохо. Дальстрой был только что организован, и мы на глубокой периферии, в 500 километрах от Нагаева, пока не чувствовали влияния этой организации, призванной преобразовать лицо края.

В начале апреля на Среднекан приехал начальник Дальстроя Эдуард Петрович Берзин. В тот же вечер он устроил общее собрание инженерно-технических работников. В маленькой, до отказа заполненной конторе приискового управления негде было повернуться. Около стола выделялась почти на голову выше остальных атлетическая фигура Берзина. Он был одет в военную форму, на груди алел орден Боевого Красного Знамени.

Это был человек больших дел и интересной биографии. Латыш по национальности, Эдуард Петрович, учившийся в одной из художественных школ Мюнхена, в начале войны был призван в царскую армию. К концу войны он в чине младшего офицера сразу и безоговорочно примкнул к революции. В начале гражданской войны он командовал отрядом латышских стрелков.

В 1918 году Берзину выпала высокая честь охранять со своими стрелками Кремль. Это были тревожные дни, когда против молодой, еще не окрепшей Советской власти плелись нити многочисленных заговоров и делались неоднократные попытки свергнуть большевистское правительство. Положение молодой Советской республики тогда было исключительно тяжелым. И вот враги решили нанести сокрушающий удар — захватить в свои руки Ленина и других видных членов большевистского правительства. Это был так называемый заговор Локкарта-Рейли.

Военный атташе английского правительства Локкарт и английский шпион-разведчик высшего класса Сидней Рейли разработали план захвата и убийства Владимира Ильича. В соответствии с этим планом заговорщики предприняли попытку связаться с охраной Кремля. Почуяв «запах» плетущихся вокруг интриг, Берзин решил «клюнуть» на удочку. Действовать надо было умело и осторожно. Враг был слишком хитер, и малейшая оплошность могла его спугнуть.

Берзин включился в опасную игру. Он дал согласие на участие в заговоре, прошел длительную проверку со стороны Локкарта и Рейли и вошел к ним в доверие. Убедившись в том, что Берзин является своим человеком, они посвятили его в подробности заговора и выдали аванс в сумме миллиона рублей. Остальные деньги Берзин должен был получить после того, как Ленин и другие члены правительства будут арестованы.

После получения «задатка» Берзин с «вещественными доказательствами» явился к Дзержинскому и рассказал ему о заговоре во всех деталях.

Благодаря Берзину заговор был раскрыт, и, хотя Рейли сумел скрыться, большинство заговорщиков было своевременно арестовано.

После окончания гражданской войны Берзин был переброшен на ответственную хозяйственную работу. Перед приездом на Колыму он был директором одного из крупнейших в Союзе бумажных комбинатов — Вишерского (на Урале). И вот теперь он приехал сюда как уполномоченный Совета Труда и Обороны в качестве директора Дальстроя.

Нам понравилась его какая-то добродушная, задушевная

простота. Говорил он без всякой аффектации, с небольшим акцентом, очень доходчиво. Он рассказал нам о той огромной ответственной задаче, которая возложена на Дальстрой, — вызвать к жизни, пробудить от вековой спячки огромную территорию Северо-Востока нашей Родины. Для этого нужны колоссальные денежные, материальные и людские ресурсы. Среднеканское золоторудное месторождение с его огромными потенциальными запасами золота является основой для покрытия этих затрат, поэтому на форсированную разведку его надо обратить самое серьезное внимание.

Россыпному золоту Берзин придавал гораздо меньшее значение, но считал, что и оно как добавочный фактор будет играть определенную роль и им также надо всерьез заниматься.

Особое внимание он уделил рабочей силе. Освоение такой огромной территории требует очень большого количества рабочих и инженерно-технических работников. Даже при многочисленных льготах, которые правительство намечает ввести для работников Дальстроя, нельзя рассчитывать на разрешение этой проблемы. Поэтому здесь будут организованы крупные исправительно-трудовые лагеря. Он сказал, что в скором времени сюда начнет прибывать эта рабочая сила, в том числе и инженерно-технические работники. Многие из них являются крупными специалистами и будут занимать командные должности. Он особенно подчеркнул, что мы ни в коем случае не должны чем-либо показывать, что они находятся на особом положении: «На работе вы должны относиться к ним так, как если бы они были вольнонаемными. Однако, с другой стороны, во внерабочее время вам не следует заводить с ними слишком близких взаимоотношений. Первое я приказываю, второе прошу учесть».

Берзин произвел на всех нас очень хорошее впечатление. Он провел пару дней на самом Среднекане, побывал на приисках, осмотрел Среднеканскую дайку, полюбовался прекрасными образцами окварцованного порфира, как корешками, пронизанного крупными вкраплениями рудного золота и уехал обратно в Нагаево, пообещав, что в следующий раз он приедет уже на автомашине по дороге, которая в скором времени соединит побережье с приисками.

В общем все было бы хорошо, если бы не Среднеканская дайка. Разведка ее показывала, что богатого рудного месторождения здесь, по-видимому, не будет. Отдельные исключительно богатые пробы с прекрасным видимым золотом еще более подчеркивали ее общий убогий облик.

Билибин крайне тяжело переживал это обстоятельство. Он

чувствовал огромную ответственность, которая лежала на нем. Ведь только в надежде на богатейшее золоторудное месторождение, каким он представил в своей докладной записке Среднеканскую дайку, были затрачены миллиардные средства на организацию Дальстроя.

Рудное золото было необходимо как воздух. Вновь и вновь доставал Билибин записку Розенфельда. Вновь и вновь внимательно изучал ее. Может быть, Гореловские жилы заменят Среднеканскую дайку? Но где находятся эти жилы? Предстояло решить уравнение со многими неизвестными. Розенфельд тщательно зашифровал местонахождение своих жил.

Вновь и вновь в одиночку и все вместе с запиской Розенфельда в руках склонялись мы над примитивной схематической картой, ища разгадки. Постепенно, путем исключения многочисленных вариантов, все остановились на единственно возможном, как нам казалось, решении. Это было устье речки Джегдяна. Только этот вариант соответствовал тем путаным словесным выкрутасам, какими определял местонахождение Гореловских жил Розенфельд.

Впрочем, особенных надежд на эти жилы Билибин не возлагал: данные Цареградского, сплывшего летом 1928 года по Буюнде до самой Колымы, показали, что этот район в золотоносном отношении мало перспективен. Начальник партии, посланной в бассейн Джегдяна, молодой геолог Исай Рабинович действительно обнаружил в устье Джегдяна несколько кварцевых жил, но они мало походили на описанные Розенфельдом мощные жилы с «молниевидным изломом» и, кроме того, оказались пустыми. (Тем не менее это были именно розенфельдовские жилы, облик которых настолько изменился, что сам Розенфельд впоследствии не смог узнать их.)

Единственное, что могло поправить положение, — это россыпное золото. И Билибин, к большому неудовольствию Улыбина, направил «к черту на кулички», куда-то в верховья Колымы, целых три партии.

Улыбин, заинтересованный в «близком» золоте, не мог понять, что Билибину надо во что бы то ни стало доказать и себе и другим, что его представление о существовании в этом крае огромной золотоносной зоны правильно и что посылаемые партии смогут подтвердить или опровергнуть это представление. Улыбин, остававшийся главой приискового района, постарался «спихнуть» нас, отправив «налегке», с месячным запасом продовольствия и минимумом необходимого снаряжения, в котором не хватало очень многого, и в первую очередь обуви.

— Все получите на устье Утиной, — говорил он. — Мною

дано соответствующее распоряжение.

На все три партии управление смогло выделить только сорок оленей, вымотанных до отказа тяжелыми зимними перевозками. Четыре оленя из этой группы сдохли в ночь перед отправкой в поле.

При взгляде на остальных возникала твердая уверенность, что большинство из них последует за своими предшественниками.

Делать, однако, было нечего. Надо было отправляться в путь, мы и так задержались до предела. Нам предстояло подняться по Колыме примерно на 350 километров и далее двигаться, километров пятьдесят вверх по Тенке.

Я должен был работать в бассейне Нелькобы, правого притока Тенке, Котов — по самой Тенке, на ее отрезке, расположенном выше Нелькобы, а Шаталов — в бассейне Бёрёлёха, несколько выше по Колыме.

В Нелькобинскую партию помимо меня входили прораб-поисковик В. С. Перебитюк, практик с трехлетним стажем работы на Колыме, и коллектор Г. И. Ковяткин, только что окончивший на Среднекане краткосрочные курсы коллекторов-съемщиков.

В составе партии были также промывальщик Е. И. Пульман — пожилой рослый человек, бывший старатель — и трое рабочих — демобилизованные красноармейцы Гоша Родионов, Филипп Фирсов и Миша Абтрахманов. Все трое служили в одной воинской части, вместе демобилизовались и были давними приятелями. Это были молодые, здоровые, полные энергии и задора ребята, с большой охотой и интересом отправлявшиеся в полевую партию. К сожалению, опыта таежной жизни ни у кого из них не было. Примерно такой же состав был и в двух других партиях.

Нам надо было двигаться в одном направлении, и вот 26 апреля мы все вместе выехали в дальний путь.

В дороге

Весна надвигалась бурно и неукротимо. По утрам еще давали себя знать крепкие колымские утренники с температурами минус 20–25 градусов, но днем на ярком обжигающем солнце снег катастрофически быстро таял.

Мы шли по заснеженному руслу Колымы, ослепительно сверкавшему на солнце среди уже почерневших берегов.

Первая остановка намечалась в устье ключа Крохалиного, в 20 километрах от Среднекана. Здесь, около участка с оленьими кормами; находилась большая палатка с печкой, поставленная приисковым управлением для проходящих на Утиную

транспортов.

Все мы, конечно, шли пешком. Олени с трудом тащили наш груз, несмотря на полузагруженные нарты. Нормальная загрузка одной нарты — 150–160 килограммов, у нас же не набиралось и сотни. Тем не менее километров через пятнадцать мы вынуждены были оставить на дороге четыре нарты, так как часть оленей совершенно выбилась из сил. Кое-как мы добрались до палатки и, пустив оленей пастись, отправились к оставленным нартам и притащили их на себе. Двадцатикилометровый переход занял у нас полных двенадцать часов. Стало совершенно ясно, что при таких темпах передвижения мы не в состоянии будем добраться до места работ и застрянем в пути.

О создавшейся положений мы через встретившегося нам оперуполномоченного сообщили начальнику управления Улыбину. От него пришло распоряжение: Шаталову вернуться обратно, а другим двум партиям продолжать путь на Утиную. Там, на прииске, нам должны выделить свежих оленей и обеспечить продовольствием.

Груз шаталовской партии был пересчитан, описан и сложен в палатке. Мы попрощались и 27 апреля на тринадцати нартах с тридцатью оленями отправились дальше.

Несмотря на то что теперь на каждой нарте находилось не более 60 килограммов, мы с большим трудов прошли за день около 20 километров, бросив по пути двух оленей. Остальные кое-как дотащились до места следующей кормежки около зимовья. Здесь мы обнаружили около двух десятков, изможденных оленей, брошенных какими-то проезжими. Выбрав наиболее крепких, мы заменили ими часть наших оленей, совершенно выбившихся из сил, и благодаря этому смогли на следующее утро продолжать путь.

Выезжали мы обычно рано, часа в четыре утра, когда небо только начинало розоветь на востоке. В это время чудесно идти по крепкому хрустящему насту, который легко выдерживает человека.

Котов и я взяли с собой в тайгу трехмесячных угольно-черных щенят Кута и Олу — брата и сестру. Я был обладателем Кута.

С утра они как угорелые носились по снегу, черными мячиками мелькая на белой поверхности реки, но к концу дня начинали уставать. Приходилось брать их за пазуху и некоторое время нести в качестве дополнительной нагрузки.

30 апреля мы добрались до устья Утиной, пройдя за пять дней немногим больше сотни километров.

Утиная — второй по времени основания прииск на Колыме. Первый прииск — Первомайский — находился на Среднекане.

Летом должен был вступить в строй Оротукан, где разведочные работы на ключе Пятилетка давали очень хорошие результаты.

На Утиной нас встретили очень неприветливо. Начальник прииска, прочитав распоряжение Улыбина снабдить нас соответствующим ассортиментом продовольствия, с насмешкой заявил:

— На эти грамоты не обращаю внимания, дам то, что найду нужным. В тайге летом с голоду не помрете.

Выделить оленей он категорически отказался, и нас выручило только то, что в это время на Утиную прибыл с грузами транспорт тунгуса Зыбина, который собирался возвращаться в бассейн Бахапчи, далеко в сторону от нашего пути. Единственный шанс добраться до места работ — договориться с Зыбиным. После долгих и сложных переговоров, во время которых было выпито немало спирта, Зыбин согласился довезти наш груз до устья Детрина, впадающего в Колыму в 25 километрах ниже Тенке.

Ехали мы в основном ночью, когда подмораживало и мы могли идти по насту. Часам к десяти утра приходилось останавливаться, так как дорога настолько раскисала, что двигаться по ней было почти невозможно. В довершение всего сразу же выше Бахапчи появилась вода.

8 мая мы проехали знаменитые Колымские пороги, о которых слышали столько потрясающих рассказов. Воображение рисовало мощные торосы льда среди темных, мрачных камней, где в глубине глухо клокочут рвущиеся на свободу воды. Вместо этого мы увидели сильно обмелевшую за долгую зиму небольшую речушку, мирно струящуюся среди осевшего ноздреватого льда, из-под которого кое-где выступали гранитные глыбы. Проехать по руслу не удалось. Пришлось идти в обход. С большим трудом протащили мы обоз по каменистым, почти лишенным снега берегам реки. Вокруг громоздились гранитные крутые склоны, усеянные большими причудливыми каменными глыбами. Некоторые из них напоминали изваяния. Вот в ленивой позе застыла изящная фигура пантеры Багиры, рядом задумчивый мальчик Маугли и тут же, несколько в стороне, разухабистый деревенский парень с гармошкой в руках.

В правобережных распадках северного склона громоздились гигантские ледопады. Лед был прозрачный, ярко-голубой. Толщина его превышала десять метров.

Весна бурно наступала, а до места работ было еще очень далеко. Продвигались мы медленно и за день проходили не более 20 километров.

К устью реки Конго (от якутского слова «конгай» —

спокойный) мы подошли только 11 мая. Здесь на самом берегу стояла большая разлапистая лиственница; на ее стволе белела огромная затесь, на которой крупными буквами было написано название реки. Далее шла запись, что здесь осенью 1931 года, перед тем как проплыть пороги, остановилась на ночлег партия Д. В. Вознесенского.

Мы тоже оставили свою отметку: сделали рядом новую затесь, на которой начертали вирши, обращенные к неведомым путникам и кончавшиеся так:

…Откуда вы? Куда?
Зачем и почему? Проездом иль иначе?
Ответа нам — увы! — не слышать никогда,
Но все равно желаем вам удачи.

Поставив дату — 11 мая 1932 года, мы все расписались под стихами.

За какую-нибудь одну ночь, проведенную в районе, где нет снега, олени одичали. На ловлю их пришлось мобилизовать всю партию. Однако за день нам удалось поймать только трех оленей, остальные разбежались в разных направлениях. Зыбин ругал себя за то, что не привязал на шею оленям чангаи. Это короткий обрезок жерди, висящий на веревке. Он бьет оленей по коленкам и мешает бежать. После этого их без чангаев пастись не отпускали.

16 мая мы добрались до устья Детрина. От Детрина до Тенке каких-нибудь 25 километров, однако Зыбин категорически отказался везти нас дальше.

Мы устроили прощальный обед, поставили угощение, в том числе, конечно, и спирт. Спирт Зыбин выпил с удовольствием, но решительно заявил, что дальше не поедет. Пришлось смириться. Мы расплатились с Зыбиным, и он, оставив на берегу нарты, верхом на оленях отправился со своими спутниками в верховья Бахапчи.

У нас были свои олени (по восьми на партию, из тех, которые были получены нами на Среднекане). На них нам предстояло ехать дальше.

До устья Тенке мы добирались по сплошной воде. По Колыме шла верховая вода. Местами она затопляла только часть русла, местами покрывала лед во всю ширину реки, и тогда нам волей-неволей приходилось брести по колени в ледяной воде, таща за собой оленей.

В устье Тенке мы добрались только 18 мая. На крутом берегу

стоял небольшой барак, срубленный в 1931 году партией геолога Д. В. Вознесенского. Здесь мы временно и обосновались.

Теперь нам оставалось подняться километров на пятьдесят вверх по Тенке к району наших работ. На оленях больше ехать было нельзя, поэтому, переговорив с Котовым, я решил съездить в поселок Оротук, находящийся на берегу Колымы, километрах в шестидесяти выше Тенке, Там надо было договориться с правлением колхоза относительно аренды лошадей, а также перегона в стадо наших оленей.

На левом берегу Колымы, напротив устья Тенке, жил зажиточный якут Дмитрий Иванович Протопопов, у которого было несколько лошадей и стадо коров. Без разрешения сельсовета Протопопов не имел права дать нам в аренду лошадей. Он с готовностью одолжил мне лошадь для поездки в Оротук.

У Протопопова я встретил нашего старого знакомого якута Егора Ананьевича Винокурова, работавшего в Дальстрое агентом по заброске грузов.

На следующий день я в сопровождения Винокурова верхом отправился в Оротук. Встреча с Винокуровым оказалась очень удачной: Егор Ананьевич взялся перегнать наших оленей на летний выпас в бёрёлёхское стадо. Он начертил нам схематическую карту бассейнов рек Тенке и Нелькобы, что было для нас крайне ценно, так как район во всех отношениях был белым пятном.

Дорога до Оротука оказалась вполне сносной. Выше Тенке верховая вода почти исчезла: она в основном выносилась этой рекой. Узенькая, чуть заметная нартовая тропка то шла по руслу Колымы, то уходила в сторону от него, срезая кривуны. Временами они совсем терялась среди хаоса камней. Конь мой — толстый косматый увалень, чрезвычайно похожий на одного из васнецовских богатырских коней, — оказался большим лентяем, и к нему частенько приходилось применять физические методы воздействия.

Вначале я относился к нему с робким почтением: уж слишком свирепа была его косматая морда. Вскоре, однако, выяснилось, что это добрейшее существо.

Оротук оказался очень оригинальным поселком. Это административный центр огромной территории — свыше 80 тысяч квадратных километров, — на которой насчитывается всего 280 человек населения. Поселок, расположенный на равнине, в огромной излучине Колымы, огибающей гранитный массив, состоял из нескольких одиночных изб, разбросанных на расстоянии двух-трех километров одна от другой. В поселке имелись сельсовет и так называемый интеграл — кооперативная

торгующая организация. В помещении интеграла царила пустота: ни продуктов, ни промтоваров в нем не было. В поселке не было ни школы, ни больницы. Они проектировались на ближайшее будущее. Колхоз был организован совсем недавно.

После долгих переговоров, которые начались с категорического отказа в помощи, мы в конце концов пришли к соглашению. Колхоз заключил с нами договор на аренду шестнадцати лошадей до 1 июля, по восьми на каждую партию. Он же выделил нам двух конюхов. Кроме того, нам обещали продать местную обувь, сделанную из сыромятной кожи.

Большую помощь во время переговоров оказал Егор Ананьевич. Он был не только переводчиком, но и искусным дипломатом.

Договор был подписан, и 22 мая мы уже находились на обратном пути. Несмотря на позднее время, по Колыме же можно было ехать верхом, но только до устья Тенке. Ниже ее русло Колымы было уже основательно промыто вешними водами.

Лошадей сопровождали два конюха. Оба ни слова не говорили по-русски и первое время смотрели на нас с некоторой опаской.

После приезда на устье Тенке мы стали готовиться в дальнейший путь. Часть груза была оставлена в бараке Вознесенского, а наиболее ценные вещи сложены в хижине Протопопова. Это был очень подвижный, веселый и гостеприимный якут. Он сносно говорил по-русски, и с ним приятно было побеседовать на разные темы. В его небольшом домике в отличие от оротукских юрт светло и чисто. У него имелся самовар, к обеду подавались каждому тарелка и вилка, соль и даже горчица. Он угостил нас жареными утками и взбитым молоком «Хайяк», очень вкусным и питательным блюдом.

Протопопов рассказал нам, что по Нелькобе бродит много совсем одичавших оленей, которых можно стрелять. Поймать их невозможно. Олени принадлежали богатому тунгусу Василию Слепцову. Когда началось раскулачивание, Василий оставил почти все свое стадо в бассейне Нелькобы, а сам с семьей, забрав небольшое, количество лучших оленей, откочевал неизвестно куда. Олени быстро одичали, и теперь якуты ездят на Нелькобу охотиться на них.

На устье Чалбыги

Хотя мы с Котовым были старинные друзья-приятели, совместное пребывание наших двух партий стало постепенно тяготить нас. То рабочие моей партии совершали что-то

неэтичное по отношению к партии Котова, то наоборот. В общем мы оба с нетерпением ждали, когда наши пути разойдутся.

Если между нами, давнишними приятелями, начинал ощущаться холодок, то взаимоотношения между остальными работниками обеих партий приобретали характер явной враждебности. Это обстоятельство: мы решили использовать.

Нужно было выделить некоторую сумму в фонд строительства оротукской школы. Мы собрали пятьсот рублей.

Узнав об этом, чтобы досадить нам, партия Котова собрала шестьсот рублей, «переплюнув» нас. Мы проглотили эту «обиду». Так или иначе школа получила свыше тысячи рублей, что при пятитысячном бюджете сельсовета было большим подспорьем.

25 мая мы отправились вверх по Тенке. Лошади были сильно истощены. Это какие-то скелеты, покрытые облезшей, свалявшейся шерстью. Якуты, как правило, не кормят их всю зиму, заставляя питаться подножным кормом, который кони сами достают из-под снега, разгребая его копытами. От такой пищи они к весне едва таскают ноги. Поэтому грузоподъемность их крайне невелика, и мы с трудом погрузили на каждую из них два — два с половиной пуда. Значительную часть продовольствия и других грузов пришлось оставить у Дмитрия Ивановича, с тем чтобы впоследствии постепенно перебрасывать их к нашей базе.

27 мая мы добрались до устья Нелькобы и надолго распростились с партией Котова, которая, проследовала дальше вверх по Тенке.

Пройдя еще километров двенадцать, мы остановились на берегу небольшой речки Чалбыги, километрах в двух от ее устья. Здесь предполагалось создать нашу основную базу.

Конюха Попова с рабочим Мишей Абтрахмановым я сразу же отправил обратно на устье Тенке захватить часть оставленного груза. Остальные принялись за строительство барака. Леса вокруг было много, подноска его нас не затрудняла, и строительство шло быстро. Основным руководителем строительства был наш промывальщик Пульман. Он самый старший среди нас. Зовут его Егор Иванович, но по имени и отчеству его никто не называет, а обращаются к нему со словами «папаша», «отец», «старик»: «Отец, иди чай пить!», «Старик, ты не видел моего ножа?»

«Отцу» пятьдесят семь лет, сложен он атлетически и любого из «сынков» заткнет за пояс в маршруте и на работе. У него широкое, густо заросшее волосами, очень добродушное лицо, светлые водянистые глаза и большой мясистый нос. Говорит он, слегка шепелявя, часто вставляя «так сказать», «как это говорится», «конечно». Поговорить «отец» любит, хотя

объясняется довольно нескладно. Руки у него работают не в пример продуктивнее языка. Он и плотничать, и столярничать, и шить, и вообще любым рукомеслом заниматься весьма горазд.

По национальности Пульман латыш, но настолько обрусел, что уже с трудом может изъясняться на родном языке. Он не силен в грамоте и очень суеверен. У него бесчисленное множество примет, которые он знает наперечет. Ему понятен язык птиц и зверей. С ним запросто говорит ворон, дятел предупреждает его о приближении человека, дерево скрипит о золоте, спрятанном в недрах таежного ключа. Нескладным, корявым языком он рассказывает нам о своих таежных скитаниях, и звери в его рассказах похожи на мудрых людей. В каждом ключе, по его глубокому убеждению, живет «хозяин» и пришельцу надо вежливо спросить разрешения остановиться на этом ключе, в противном случае обиженный «хозяин» может наслать беду.

Вообще мир для него полон загадок, и тайн, которые он пытается разгадывать. Бывший старатель, он, после того как старание запретили, пошел работать промывальщиком в полевую партию, чтобы быть ближе к природе и продолжать поиски милого его сердцу золота. Ему нравится сам процесс поисков, и в нем нет той жадности к этому металлу, которая присуща большинству старателей. Это чистейшей воды пантеист, типичный созерцатель и бескорыстный любитель природы.

Он в основном и руководил строительством барака.

Первым помощником Пульмана был его непосредственный начальник — наш прораб-поисковик Перебитюк. Его несколько непривычное имя Венедикт ребята быстро переиначили в Виктора. Перебитюку около тридцати лет. Это рослый красивый парень с наивным выражением больших серых глаз и слегка насмешливыми полными губами, с большой ямочкой на подбородке. В этом районе он уже третий год — приехал из Ачинск на старание, но скоро перешел на службу в Колымское управление. Он производит впечатление серьезного, положительного человека, физически крепок и вынослив. На Колыму Перебитюк приехал с открытой формой туберкулеза, однако суровый колымский климат с его сухими морозами и жарким ясным летом при полной стерильности воздуха быстро поправил его, и чувствует он себя прекрасно.

Примерно одного возраста с ним коллектор Ганя Ковяткин, также бывший старатель, серьезный, живой и сообразительный хлопец, очень упорный и старательный, с веселым, неунывающим характером.

Мы с ним сразу же стали ходить в маршруты. К тому времени снег на склонах сопок уже стаял и только на вершинах отдельных

гранитных массивов продолжал лежать плотным нетронутым покровом. Мы уходили в маршруты на восемнадцать-двадцать часов и возвращались усталые донельзя, с массой впечатлений. Почти круглые сутки было светло, и мы работали, пока хватало сил. Вернувшись, отсыпались и, отдохнув, принимали посильное участие в строительстве барака. В основном же его строили четверо. Кроме Перебитюка и Пульмана на строительстве его полностью были заняты два дружка — наши рабочие Гоша Родионов и Филипп Фирсов.

Родионов — краснощекий смуглый юноша лет двадцати трех – двадцати четырех, старательный, послушный, несколько медлительный, но усердный. У него сильно развита хозяйственная жилка. Он и заячье одеяло выменял у якута, и еще кое-какие вещи приобрел, но все это носит у него безобидный характер некоторой предприимчивости, отсутствующей у других ребят. Он очень аккуратен.

Его приятель Фирсов — веселый белозубый парень с вечной улыбкой на лице, горячий, вспыльчивый, но отходчивый. Любит пошутить и за словом в карман не лезет. Работает он быстро и усердно. С Георгием они большие друзья, вечно шепчутся, хихикают, подтрунивают друг над другом и трогательно заботятся одни о другом. Оба они только что демобилизовались из Красной Армии, и в них еще чувствуется воинская дисциплина.

Третий наш рабочий — Миша Абтрахманов, татарин по национальности, с типичным татарским лицом, выходец из глухой деревушки. Пребывание в армии только слегка обтесало его. Он парень с хитрецой, как говорится, «себе на уме». По-русски говорит плоховато и большей частью молчит. Если ему что-нибудь не по душе, он не скажет прямо, а начнет жаловаться на стороне. В этом отношении он прямая противоположность Фирсову, который предпочитает разговаривать с начальством сам, а не «плакаться в жилетку». Миша любит слукавить и в работе. Тайгу он не жалует и ругает себя за то, что согласился поехать на Колыму. Он единственный среди нас, кто знает толк в лошадях, разбирается в их привычках, повадках и любит возиться с ними.

Временный член нашей маленькой партии оротукский якут Петр Попов первый раз имеет дело с «нючча» — русскими и сначала побаивался нас. Скоро он распознал, что это не столь уж страшные существа, и быстро освоился. Он часто заходит в палатку «начальства», садится и смотрит вокруг широко раскрытыми глазами, добродушно ухмыляясь. Лицо у него типично якутское: жесткие черные волосы, широкие скулы, слегка приплюснутый нос, немного раскосые глаза и отсутствие

растительности на подбородке.

Петр ни слова не понимает по-русски, но мы все же кое-как объясняемся: отчасти жестами, отчасти словами. Нам помогает в этом Миша Абтрахманов. Он татарин, и его язык имеет общие корни с якутским. Правда, Миша при переводе иногда несет такую несуразицу, что приходится только руками разводить. Однако они дружески беседуют, иногда похлопывают друг друга по плечу, посмеиваются и, кажется, вполне понимают друг друга.

Последний член нашей артели, весьма ленивый и неповоротливый, — но всеми любимый, — это несравненный Кут. Он только четыре месяца назад появился на свет, и у него еще очень мало жизненного опыта.

7 июня мы торжественно отпраздновали окончание строительства барака. Подобно господу богу мы завершили наше мощное строительство в шесть дней. И вот теперь на берегу Чалбыги горделиво высится красавец барак с добротной крышей, изготовленной из лиственничной коры, которая в это время года замечательно отдирается от стволов.

— Лет пятьдесят простоит, — сказал Пульман, наш главный строитель, любовно поглаживая стены. «Нас переживет», — мысленно перевел я его слова.

Согласно обычаю, барак надо было слегка обмыть. По случаю столь торжественного события намечался обильный ужин, в котором немалую роль должна была играть свежая жареная рыба — мечта наших гурманов.

Выезжая с устья Тенке, мы купили у Дмитрия Ивановича Протопопова сетку для рыбной ловли. Длиной свыше десяти метров, сплетенная из конского волоса, она прельстила нас своей легкостью и портативностью. Мы ставили ее на Чалбыге и время от времени вытаскивали одного-двух хариусов, которых помещали в садок — маленькую лужицу среди гальки около берега. Это давало возможность сохранять рыбу живой очень долгое время.

Перед торжественным празднованием нашему «главповару» Гоше было дано указание очистить садок и всю накопившуюся в нем продукцию пустить в дело. Гоша бодро направился к садку, долго возился около него при деятельном участии чрезвычайно заинтересованного Кута и наконец со скорбным видом вернулся обратно, неся жалкую добычу — одного хариуса.

Оказывается за последнее время сильно прибыла вода, которая, просочившись через гальку, превратила лужицу в солидное озерцо с яминами и коряжинами. Глубина этого озерца доходила до колен, и выловить в нем отдохнувших хариусов не представлялось никакой возможности. Пришлось ограничиться

надоевшими консервами.

В чайнике развели некоторое количество «живительной влаги». Порции были небольшие — граммов по сто пятьдесят на человека. Только Пульману из уважения к его строительным талантам, возрасту и некоторому пристрастию к «огненной водице» по общему согласию была выдана двойная доза. Я произнес небольшой, но довольно корявый спич, ребята с азартом прокричали дружное «ура», и пир начался. Мы чокнулись, выпили, крякнули и принялись закусывать мясными и овощными консервами. Небольшой дозой спиртного угостили и не в меру любопытного Кута. Дали ему и мяса — Кут общий любимец, и кормят его, негодяя, на убой.

Загадочные обстоятельства

Первого июля мы должны были вернуть колхозу арендованных лошадей, оставив у себя только одного коня, нанятого у Дмитрия Ивановича. Лошади из управления ожидались не ранее начала августа, так что перед нами маячила невеселая перспектива больше месяца работать без конного транспорта. Поэтому надо было заблаговременно завезти продовольствие в центральную часть района, но высокая вода мешала осуществить это намерение.

К концу первой декады июня вода, однако, несколько спала и Чалбыга стала доступной для перехода вброд. 10 июня, дружески распростившись, мы разъехались в разные стороны. Ковяткин, Петр, Миша и я на семи конях отправились вверх по Нелькобе. Километрах в пятидесяти выше устья Чалбыги мы собирались соорудить лабаз — нашу будущую продовольственную базу.

Перебитюк с Пульманом, Георгием и Филиппом, взяв двух лошадей, пошли вверх по Чалбыге брать пробы на золото.

Все оставшееся имущество мы сложили в бараке, двери и окна которого прочно заколотили, опасаясь посещения непрошеных гостей: во время маршрутов нам не раз и в большом количестве встречались медвежьи следы.

При расставании было твердо условлено, что 20 июня мы должны встретиться в бараке.

С трудом перебредя Чалбыгу, мы направились вверх по берегу Нелькобы. Это своеобразная, даже несколько странная река. Ее широченная трехкилометровая корытообразная долина изобилует огромными мощными наледями, среди которых причудливо извиваются многочисленные протоки, прорезающие эти массы нерастаявшего льда. Несчетное число раз приходилось нам переходить вброд эту запутанную сеть «вен» и «артерий»

нелькобинского русла.

Погода стояла какая-то неустойчивая: то ярко светило солнце, то вдруг начинался холодный дождь с пронизывающим ветром, переходящий в мокрый снег. Обилие наледей на Нелькобе облегчало наш путь: река разбивалась на множество разрозненных проток и везде была проходима. Сильно задерживали наше продвижение лошади. Они были очень слабы и совсем выбились из сил после двух дней пути, за которые мы прошли не более 30 километров.

Миша с Петром вели коней. Мы с Ковяткиным шли отдельно, ведя съемку и местами беря пробы. Иногда в них были знаки золота. Большинство проб показывало повышенное содержание оловянного камня — касситерита.

14 июня мы добрались до места и начали сооружать лабаз. На высоком сухом берегу, поросшем стройными лиственницами, мы облюбовали группу из четырех близко растущих деревьев. Изготовив грубую лестницу, мы с большим трудом спилили их на пятиметровом уровне, получив четыре прочно стоящих столба. Это была самая трудная часть работы. На столбах мы сделали настил из жердей и соорудили на нем небольшой сруб, который покрыли корой. Получился маленький уютный свайный домик. В полу этого домика мы выпилили четырехугольное отверстие и изготовили лестницу, по которой только и можно было через это отверстие попасть внутрь лабаза. Затем перетащили туда наш груз, прикрыли отверстие, убрали лестницу и удостоверились, что для медведя этот лабаз недоступен, поскольку настил далеко выдавался во все стороны от столбов. Повозиться нам пришлось немало, зато лабаз получился на славу.

Проведя вокруг несколько маршрутов, мы отправились в обратную дорогу, чтобы к намеченному сроку вернуться в барак.

Первый день обратного пути был омрачен длительным дождем, и до барака мы добрались только вечером 20 июня.

К Чалбыге я подходил в полумраке белой колымской ночи. Ковяткин немного отстал в поисках более мелкого перехода через протоку Нелькобы, которую мы с Кутом Мужественно преодолели: я — вброд, по пояс, Кут — вплавь. Миша и Петр с лошадьми остались, далеко позади. Подойдя к берегу Чалбыги, я с удовлетворением увидел, что дверь барака, которую мы перед уходом заколотили гвоздями, настежь открыта. Значит, поисковый отряд уже вернулся. Перебредя Чалбыгу, я подошел к бараку и был неприятно удивлен, увидев, что возле него в беспорядке валяются брюки, телогрейка и другие части одежды. Под большой лиственницей лежали полушубок и подушка,

прислоненная к корню дерева. Все это было насквозь промокшим от вчерашнего дождя.

В бараке, где перед отъездом груз и вещи были аккуратно сложены, царил настоящий хаос — все было беспорядочно разбросано.

Присмотревшись внимательнее, я увидел в углу на разостланном брезенте две прикрытые одеялом фигуры с торчащими из-под него валенками. Я со злостью сбросил одеяло в полной уверенности, что под ним лежат виновники всего этого ералаша, и буквально остолбенел, увидев, что это только две пары валенок и две подушки. Стало как-то не по себе. Что же случилось? В это время в двери барака показалась темная фигура — подошел Ковяткин, а через некоторое время подъехали Петр и Миша.

Мы зажгли свечу и стали внимательно осматривать барак. Все в нем оказалось перевернутым, перепутанным и разбросанным. Создавалось впечатление, будто здесь что-то спешно искали, затем второпях выскочили из барака и больше не вернулись. Мы обнаружили узелок с продуктами, отложенные документы Родионова, отлитый в бутылку спирт, находившийся в жестяной банке. Осмотр банки показал, что спирт почти весь цел. В углу стояла японская винтовка, которую брали с собой поисковики. По оставленным следам, одежде и документам видно, что здесь был Родионов, а, быть может, и еще кто-нибудь из отряда Перебитюка. Следов лошадей около барака мы не обнаружили. Что же произошло? Куда делись бывшие здесь люда? Почему они так поспешно выбежали из барака, даже не захватив оружия, не взяв приготовленного узелка с продуктами? Мы недоумевали. Одно предположение сменялось другим. Ясно было только, что все это случилось до вчерашнего дождя, так как в противном случае под деревом не лежал бы мокрый полушубок да еще с подушкой. Видимо, кто-то в теплый ясный день отдыхал снаружи на разостланном полушубке.

Мы долго и безрезультатно ломали головы и решили наконец пройти вниз по Чалбыге, а затем по Нелькобе в поисках каких-нибудь следов.

Оставив Абтрахманова в бараке готовить ужин, мы втроем отправились вдоль берега Чалбыги.

Едва мы прошли каких-нибудь полтора — два километра, как около барака раздались два торопливых выстрела — сигнал «идите скорее сюда». Что такое?

Взволнованные, мы почти бегом направились обратно.

В дверях барака нас встретил мокрый Фирсов.

— В чем дело? — закричал я. — Где остальные?

— Пульман и Перебитюк километрах в пятнадцати отсюда. Георгия нет уже девять суток.

— Как нет? Где же он?

— Ушел больной на второй день в барак.

— Из вас кто-нибудь был в бараке?

— Нет, никто не был, мы находились на работе.

В довершение ко всему новое несчастье: оказалось, что обе лошади поисковиков сдохли. Поисковики решили добираться до барака на плоту, но потерпели крушение: залетели в завалы коряжника и утопили вьючный ящик, суму, лоток и разную мелочь. Кое-что удалось спасти. Фирсова срочно послали в барак. Остальные тоже идут сюда.

Из дальнейших расспросов выяснилось, что на другой день после того, как отряд километров на десять отошел от барака, Гоша заболел. У него разболелось горло и поднялась температура. Несмотря на уговоры, он категорически заявил, что уходит в барак и там отлежится до возвращения отряда. От провожатого он отказался:

— До барака всего 10 километров. Как-нибудь доберусь.

И вот они легкомысленно отпустили его.

До барака он добрался. Затем, по-видимому в полубредовом состоянии, стал собираться куда-то в дорогу. В бараке остались два мешочка, подготовленные в дорогу: один с продуктами, второй с вещами, деньгами и документами. Видимо, Георгий собирался уходить, находясь еще в сознании, а затем, впав в беспамятство, покинул барак, не взяв с собой ничего, даже табакерки со спичками и бумагой, которую он, как страстный курильщик, всегда держал при себе.

Через несколько часов после прихода Фирсова появились измученные, какие-то потускневшие Перебитюк и Пульман. Много горьких слов было сказано по их адресу. Оба молчали, виновато потупив голову. Да и что они могли ответить в свое оправдание? Оба признали, что сделали грубую ошибку, когда поддались уговорам Родионова и отпустили его. Надо было при всех обстоятельствах задержать его, оставить в палатке и ходить в маршруты от этой палатки как от центра. И вот результат: Родионова нет, и кто знает, жив ли он и найдем ли мы его.

Мы всей группой отправились на поиски, решив пройти цепью вниз вдоль Нелькобы до ее впадения в Хенке. Шли на расстоянии тридцати-сорока метров друг от друга, однако в этом зеленом море деревьев и кустов, в скоплениях коряг и валежника найти что-нибудь можно было только совершенно случайно. После целого дня поисков, усталые и обескураженные, вернулись мы в барак с тайной надеждой, что Георгий добрался до барака

на устье Тенке. Утром туда на лошадях отправились Петр и Миша. Вернувшись они сообщили, что Родионова на устье нет и никаких следов его не обнаружено.

Последняя надежда исчезла, но все не верилось, что Родионов погиб и что никогда больше мы его не увидим.

Отбытие транспорта. Рабочие будни

Приближалось 1 июля — срок окончания договора на аренду лошадей. 29 июня мы стали собирать Петра в обратный путь. Писались акты, письма, отношения: это ведь целое событие — оказия в жилые места, да еще такие, как Оротук, где одних взрослых людей не менее тридцати человек. В Оротуке сельсовет, уполномоченный райисполкома, вообще культура. Оттуда, возможно, отправятся на Среднекан наши письма, которые мы заранее подготовили.

Петр то и дело заходил в барак, присаживался, полуоткрыв рот, и, видимо, собирался с духом, чтобы обратиться ко мне с просьбой. Посидев немного, он тыкал рукой в какую-нибудь вещь и застенчиво произносил: «Бу (это) надо, шибко надо». Ну, раз шибко надо, приходилось отдавать — и к Петру ушло суконное одеяло, рубашка, потом разные там «бурдук» (мука), чай, сахар, консервы и т. д. На дорогу его слегка угостили «огненной водичкой», и он уехал весьма довольный.

Теперь у нас оставалась только одна лошадь Протопопова — Чалка, которой в основном пользовались поисковики. Работу нашу мы построили следующим образом. Где-нибудь в устье ключа ставили палатку с небольшим запасом продовольствия. Ковяткин и я уходили от этой палатки на два-три дня в маршрут, затем возвращались, оставляли собранные образцы, пополняли запасы продовольствия и вновь уходили.

С поисковиками мы заранее договаривались о месте очередной встречи. В своей работе мы опережали поисковиков и поэтому имели возможность снабжать их готовой картографической основой, на которой намечали место их стоянки и день встречи. Побывав у них, мы на лошади перебрасывали палатку на новое место и вновь начинали от нее как от базы проводить маршруты.

Порой нам тяжеленько приходилось от такой системы работы, но делать нечего, нужно было как-то приспосабливаться. Больше всего выматывал нас недостаток сна. Находясь в беспрерывном движении, с тяжелым грузом на спинах (вместо рюкзаков мы сделали себе таежные «сидоры» из мешков с веревочными лямками), мы спали не более трех-четырех часов в

сутки. Ночами не давали спать комары, и только днем на солнцепеке, где-нибудь на продуваемом месте, удавалось забыться коротким тревожным сном.

Частенько нас мочило дождем, но мы уже вроде как привыкли к «мокрому режиму».

Однажды, вернувшись из маршрута на стан, мы застали там ликование: Миша застрелил лося. Под утро, когда все крепко спали, два лося подошли к стану, напугав нашу лошадь, которая помчалась к палатке. Шум разбудил Мишу. Тот схватил берданку, выскочил и увидел в полутьме какую-то темную фигуру, которая опрометью бросилась в кусты. Решив, что это медведь, Миша выстрелил в нее. После выстрела он не рискнул идти в заросли и вернулся в палатку. Утром обнаружили тело крупного лося, которому пуля попала в самое сердце.

Теперь у нас мяса было хоть отбавляй: лось весил не менее восемнадцати пудов. Большую часть его Пульман закоптил. Пришлось затратить на это целый день, но зато мы теперь долго могли не думать о продовольствии. Мясо лося намного вкуснее оленьего. Из головы было приготовлено заливное — вкуснейшая вещь, особенно после бесконечных консервов.

Из дневника

14 июля

Сидим на вершине гранитного массива. Вечереет. Внезапно подул свежий ветер. Ровный, как пассат, он быстро разогнал комариную нечисть, которая только что несметными полчищами окружала нас, не давая ни минуты покоя.

Воспользовавшись отсутствием комаров, остановились на ночлег около маленького снегового пятнышка, уцелевшего в небольшой ложбинке на склоне хребтика. С каждым днем этих пятнышек остается все меньше и меньше. Питаемся мы плохо: консервы да чай с лепешками — вот наше основное питание, когда мы «на горах», т. е. в маршруте. Когда мы «в лесах», пища, конечно, несколько лучше, но там мы кратковременные гости.

Мясо лося, закопченное Пульманом, стало похоже на сыромятную кожу как запахом, так и консистенцией. В нем завелись какие-то жучки и букашки. Есть его довольно противно.

Скудно поужинав вяленым мясом и полулепешкой на человека, мы запили эту нехитрую снедь чаем и, помечтав о поросенке с хреном, мирно разошлись в свои «апартаменты»: я — под смолистый корень, Ковяткин — под куст.

17 июля

Спать хочется отчаянно. Давно уже шагаем мы по

водоразделам, то поднимаясь, то спускаясь, — и временами я начинаю впадать в прострацию. Описываешь обнажение, а рука, как неживая, начинает царапать что-то бессмысленное. Уснуть же никак нельзя: все на нас рваное, худое, и стоит хоть на пять минут прилечь, как немедленно начинается атака бесчисленных комариных полчищ на самые слабые места нашего одеяния. Я мечтаю о переносной палатке-малютке, которую можно брать с собой в маршрут и спокойно в ней отдыхать.

20 июля

Вчера к вечеру мы добрались до стана наших поисковиков. Они досыта накормили усталых голодных путников. За время нашего отсутствия Миша убил оленя, имевшего неосторожность близко подойти к палатке. На гольцах они нам часто попадаются, но так как мы ружья не берем, чтобы не отвлекаться от работы, то они нам вроде как ни к чему. По-видимому, это олени из стада Василия Слепцова, о котором говорил Протопопов.

Обед был чудеснейший: на первое — картофельный суп с олениной, на второе — жареная оленина, на третье — кофе мокко со сгущенным молоком. Давненько наши желудки, привыкшие к спартанской пище и скромным чаям, не вкушали таких яств.

После обеда, поговорив немного, мы уснули как убитые и проспали до позднего утра. Снаружи неистовствует непогодь, хлещет дождь, и так сладко спится под аккомпанемент стучащих по палатке дождевых капель. К полудню дождь прекратился, но небо оставалось грозово-хмурым. Вода в Нелькобе поднялась метра на полтора, и кроткая речка превратилась в разъяренную львицу «с косматой гривой на спине». Откуда у львицы косматая грива — пусть ответит Лермонтов.

24 июля

Утренняя заря слегка позолотила края далеких облаков. В небе серебрится луна, только наполовину утратившая свой яркий ночной блеск, а мы уже на ногах. Холодно. Июльские утренники дают себя знать. А на высоте 1200 метров много ли тепла может дать жиденький костер из тощих веток стланика! Он скорее обманывает, чем греет. Меня разбудил холод и странный треск. Когда я открыл, глаза, передо мной предстало феерическое зрелище: постель моего спутника ярко пылала, разбрасывая вокруг фейерверки искр. Сам он с искаженной физиономией, в облаках дыма стремительно покидал належанное место. Коварное пламя костра потихоньку подобралось к вороху стланиковых веток, на которых пристроился Ковяткин, и воспламенило их. Все в общем обошлось благополучно, если не считать пары новых

дырок в одеянии моего соратника.

26 июля

С одеждой у нас дело обстоит катастрофически плохо. Я, например, одет так: на мне асимметричные брезентовые брюки — их по примеру известного Тришки пришлось чинить за счет укорачивания одной штанины. Эти брезентовые брюки составляют самую прочную основу моего гардероба. Правда, комариное жало пронзает их с такой же легкостью, как игла кусок масла, но все же это защита. Под ними к телу прилегает «лоскутная империя» кальсон, которые, несмотря на систематическую починку, упорно рвутся, причем каждый раз на новом месте. К счастью, дырявые участки кальсон и брюк не совпадают, так что кое-как существовать можно.

В брюки наглухо засунута нижняя рубашка — краса и гордости моего гардероба, — добротная, без единого изъяна. Вообще с рубашками у нас дело обстоит неплохо, особенно с нижними.

Поверх нижней рубашки надета плотная черная рубашка, которая со временем становится все менее и менее проницаемой для комариных жал. Трупы убиенных комаров покрыли ее своеобразной броней, о которую ломаются комариные жала. Стирать рубашку я опасаюсь, ибо, лишенная этой брони, она потеряет значительную часть своих защитных свойств.

Теперь перейдем к обуви. Совсем недавно на ногах красовались опорки от ичиг, перевязанные веревочками, но они окончательно выбыли из строя. Вместо них на ногах появились купленные на Оротуке торбаза из коровьей кожи — «иннях-этербес». Они уже чинены-перечинены, но пока еще кое-как держатся. Основное свойство их помимо прочих качеств, присущих каждой дырявой обуви, — это способность изменять объем. Сделанные из сыромятной кожи, они на влажной почве немедленно размокают, увеличиваются в объеме, и ноги болтаются в них, как в мешке. Зато подсохнув, они стягивают ногу не хуже «испанских сапог», применявшихся членами святой инквизиции для получения от своих жертв нужных признаний. Обломочный материал, начиная от песка и кончая галькой среднего размера, свободно попадает в них через многочисленные дыры, так что, вернувшись из маршрута и сняв «иннях-этербес», можно отчетливо проследить все изменения горных пород на нашем пути. Несмотря на это, ходить в них все же несколько удобнее, нежели босиком.

На голове у меня шляпа с тюлевой сеткой. На руках спасительные перчатки из ровдуги — нечто вроде замши местной

выделки.

В таком же положении находится Ковяткин, да и у остальных дело обстоит немногим лучше.

Мы с нетерпением ожидаем прихода лошадей, которые должны привезти нам одежду и обувь, но их все нет и нет.

30 июля

Раннее тихое утро.

Съемку вчера замкнули около озера на знакомой точке и поздно вечером пришли к палатке. Вернувшись, с негодованием обнаружили безобразную проделку мошенника Кута: он дезертировал в самом начале маршрута, пришел в палатку, слопал все мясо вместе с остатками лепешек и пытался сожрать топленое сало, находившееся в консервной банке. Сплющенная банка со следами Кутькиных зубов лежала в углу наполовину опустошенная.

Сегодня придется идти к лабазу за продуктами.

…Сидим на вершине большого гранитного массива. Сегодняшний день принес нам большую радость: поддувает свежий ветерок, относящий комаров. Эта радость стала безмерной, когда по пути нам встретилось небольшое озерцо с температурой воды 21 градус Цельсия. С каким наслаждением выкупались мы в нем — впервые за все лето всласть, в такой чудесной теплой воде, да ещё при отсутствии комаров. Этого не может понять тот, кому всегда доступны такие удовольствия.

31 июля

До лабаза добрались уже в темноте, но все же успели замкнуть съемку. Рельеф был очень тяжелый, с бесконечными крутыми спусками и подъемами. Вчера доели остатки продуктов и сегодня весь день шли голодные.

Когда мы пришли к лабазу, Кут долго бегал вокруг него, обнюхивая каждый кустик, и, наконец что-то найдя, с аппетитом стал жевать. Я заинтересовался, что это он нашел, да еще такое вкусное, ибо он даже урчал от наслаждения. Подошел, посмотрел. Боже мой! Кут, который в добрые времена ленился подняться, чтобы съесть кусок лепешки, сейчас с восторгом пожирал подошву от старого ичига, смакуя и обсасывая каждый кусок кожи.

Основательно закусив, мы уютно переночевали в лабазе на высоте пяти метров от земли.

1 августа

Собираемся со съемкой идти к бараку. Верхнее течение

Нелькобы нами обследовано. Здесь почти сплошь развиты граниты. Много даек разного типа и состава. Золотоносность этой части района ничтожная. Гораздо больше перспектив на олово, особенно в тех участках, где встречаются роговики — переработанные осадочные породы, тонкой шапкой прикрывающие выходы гранитов.

Наша обувь окончательно развалилась, и мы решили сделать из нее «постолы». Изготовление «постолов» весьма несложно: отрезаются голенища, в них прорезывается шесть дырочек, через которые пропускается бечевка. На распластанное голенище ставится нога, бечевка затягивается, и «постол» прочно сидит на ноге. В этой «апостольской» обуви мы отправились в далекий маршрут.

3 августа

Раннее холодное утро. Мы находимся в бараке. Путь наш, вернее, последний этап его был сплошным приключением. Вчера лишь только мы успели привязать к знакомой вершине нашу съемку, как начался дождь, который провожал нас всю дорогу. Наша рационализированная обувь моментально разбухла, превратившись в гигантские кожаные мешки, которые к тому же успели прохудиться. Идти в них по мокрому кустарнику было сплошное «наслаждение». Они цеплялись за каждый сучок, за каждую задоринку, и нам время от времени приходилось делать замысловатые антраша, становясь на все четыре конечности. Мокрые кусты «приятно», до дрожи во всем теле охлаждали ноги, дождь освежал лицо, а ликующие тучи комаров услаждали душу и тело хоровым пением и нежными укусами.

Долго, долго брели мы в ночной тьме по бесконечным нелькобинским просторам, стремясь к желанной цели — бараку, и наконец добрались до него.

В бараке нам ударил в нос резкий запах сырости, и при свете зажженной свечи мы увидели, что его белые стены стали ярко-зелеными от плесени. Да и не только стены. Все находившееся в нем, особенно вблизи стен, приняло зеленоватый оттенок. К счастью, вещи, хранившиеся во вьючных ящиках, остались не затронутыми плесенью.

Вдруг мы почувствовали какой-то странный, болезненно жгучий зуд. Комаров в бараке не было, а между тем кожа на лице, руках и шее горела, как от клопиных укусов, С ужасом увидели мы, что тысячи мельчайших пестрых мушек носятся в воздухе, облепляя кожу и жгуче кусаясь. Сетка для них не была препятствием, они слишком мелки для нее.

Мы растопили печку, сварили кофе, поджарили мясные

консервы И с радостью обнаружили, что от сухого жара печки мошкара куда-то исчезла.

Страшная находка. Встреча с медведем

4 августа вечером к бараку подошли поисковики, закончившие обследование притоков Нелькобы в ее верховье. Опробование не дало положительных результатов. Если в среднем течении Нелькобы еще попадались знаки золота, то, чем выше по течению мы поднимались, тем хуже были пробы. Более благоприятные результаты мы надеялись получить в нижней части Нелькобы: еще весной по ключу Мокрому, находящемуся ниже Чалбыги, мы установили в пробах весовое золото.

Мы с Ковяткиным продолжали геологосъемочные работы в бассейне Чалбыги и все так же уходили в двух-трехдневные маршруты, пользуясь как базой палаткой, которую Миша перевез и поставил в среднем течении Чалбыги. Кут совсем отбился от рук и категорически отказался ходить с нами в маршруты по горам. Он предпочитал кооперироваться с Мишей, уразумев, что около лошади не пропадешь: она везет на себе и жилье — палатку, и продовольствие, а кроме того, не ходит по каменистым горам.

Поисковый отряд взялся за обследование ключа Мокрого. Он стал нашим коронным объектом, так как опробование его систематически показывало весовое золото, причем, чем ближе к верховьям ключа, тем пробы становились лучше.

9 августа наконец прибыл долгожданный транспорт. Он привёз одежду и обувь. Последнее время мы работали почти босиком, сооружая «постолы» из шкуры убитого Мишей лося. Этой обуви хватало самое большее на день-два.

Прибывший транспорт состоял из восьми лошадей. Ночью они разбрелись, и утром на поиски их пришлось отправить почти всю партию. Поиски продолжались около трех часов.

Только что мы уселись завтракать, как в барак вбежал взволнованный Миша Абтрахманов и прерывающимся голосом сообщил, что километрах в двух от барака нашел Родионова. Мы все растерянной гурьбой направились к месту страшной находки. На небольшой заросшей кустарником поляне, около двух крупных лиственниц, валялись беспорядочно разбросанные кости — черед, ребра, часть позвоночника. Несколько в стороне виднелся примятый кустарник и большое бурое пятно подгнившего мха и ветвей — здесь, по-видимому, лежало тело Родионова. Тут тоже были остатки костей — фаланги пальцев и крестец. Осматривая полянку, мы обнаружили брюки с торчащей из кармана Гошиной

трубкой и его шапку. Вот и все, что осталось от бедного Георгия. А ведь в июне, когда искали Родионова, мы проходили где-то совсем близко…

Мы собрали кости и закопали их около дерева, на котором сделали затесь с надписью: «Здесь похоронены останки трагически погибшего рабочего Нелькобинской партии Родионова Г. И. 10/08–1932 г.».

Несколько минут молча, с опущенными головами постояли мы перед могилой и тихо пошли обратно, чувствуя себя в какой-то степени виноватыми в гибели нашего товарища…

После обеда мы втроём — Ковяткин, Миша и я — отправились вверх по Чалбыге устанавливать палатку-базу. Поисковый отряд ушел заканчивать опробование ручья Родионовского — так в память погибшего Георгия постановили мы назвать ключ Мокрый, Ключ показывал хорошее золото, поэтому именно его и решили переименовать. Пришлось переделать надпись на затеси в устье ручья и изменить записи в дневниках, надписи на пробах и образцах, чтобы избежать путаницы в документации. Впоследствии здесь был организован прииск, а затем — рудник Родионовский.

Мы уже порядочно отошли от барака. Солнце клонилось к закату. На бледно-голубом небе плавали редкие кучевые облака. После дождливых дней все вокруг дышало миром и тишиной. Мы с Ковяткиным шли по крутому берегу Чалбыги, которая, журча, искрилась и переливалась под лучами заходящего солнца. Миша вместе с Кутом и лошадью Чалкой, загруженной нашим нехитрым снаряжением и продуктами, ушел вперед.

На одном из заворотов Чалбыги, около крутого берега с отчетливо выраженным напластованием галечника, залегающего на сланцевых породах, — самое удобное место для взятия пробы — мы решили задержаться и промыть пару лотков (небольшой полевой лоток всегда брался в маршрут).

Мы закончили промывку и только что собрались догонять Мишу, как услышали выстрел. Вскоре последовал второй, потом — третий, четвертый. Стрелял Миша. Мы бросились вперед и, выскочив на возвышенное место, увидали медленно двигающегося медведя, явно раненного. Медведь, прихрамывая, пробирался к противоположному берегу по широкой галечной отмели, оставшейся после растаявшей наледи. Раздался пятый выстрел. Медведь подскочил и, тяжело ковыляя, ускорил ход. Мы с Ковяткиным бросились за ним. Туда же бежал запыхавшийся Миша с берданкой в руках. Оказалось, что это медведица и что на берегу, забравшись на дерево, сидят два медвежонка.

Разговаривать было некогда. Отправив Мишу стеречь

медвежат, я выхватил у него берданку и патроны и в охотничьем азарте помчался к противоположному берегу, туда, где в кустах скрылась медведица. За мной лениво трусил откуда-то появившийся Кут. Через несколько минут мы уже были в густых зарослях.

— Ищи, ищи, Кутька, — говорил я своему, маленькому спутнику, и Кутька, бодро помахивая хвостиком, исчез среди кустов.

Прошло некоторое время, и вдруг впереди раздалось странное фырканье, похожее на шум автомобильного, работающего с перерывами мотора: «хрр-хрр-хрр-хрр!», вслед за этим послышался веселый лай Кута. Я побежал вперед. Заросли раздвинулись, и на небольшой полянке, поросшей редкими деревьями, я увидел бурое туловище медведицы, которая с яростным фырканьем на задних лапах гонялась за Кутом. Кут юрким черным шариком ловко увертывался от неуклюжих попыток схватить его и задиристо полаивал, как бы приглашая медведицу, не прекращать забавы. Среди редколесья медведица и Кут были мне хорошо видны. Правое плечо у нее было окровавлено, она быстрой танцующей побежкой преследовала Кута, подняв левую когтистую лапу, оскалив зубы и непрерывно фыркая.

Выбрав подходящий момент, я выстрелил, быстро заложил новый патрон и выстрелил второй раз. После второго выстрела медведица пошатнулась, подпрыгнула и с тем же угрожающим фырканьем ринулась на меня. Находилась она от меня шагах в тридцати пяти — сорока. Я вновь заложил патрон — это делается мгновенно и как-то непроизвольно, — опустился на колено и, когда медведица была от меня в каких-нибудь пяти шагах, спустил курок, тщательно прицелившись ей в сердце. Вместо ожидаемого выстрела послышалось какое-то гнусное «чик» — это хлопнул спущенный курок. Берданка дала осечку.

Свирепая морда с оскаленными белыми зубами, длинная рыжеватая взлохмаченная шерсть, яростно сверкающие глаза, темно-красные подтеки крови, струящейся из раны на плече и груди, узкая темная лапа с острыми длинными когтями и характерное прерывистое фырканье навсегда останутся в моей памяти.

Как стоял я, опершись на одно колено, так и остался стоять, только рука успела судорожно вздернуть курок обратно… Подбежав ко мне вплотную, медведица вдруг круто повернулась и, размахнувшись, допыталась ударить лапой появившегося откуда-то Кута. Не знаю, то ли ее смутила каменная неподвижность моей, фигуры, то ли причиной всего случившегося

она считала Кута, который не давал ей покоя, но только после новой неудачной попытки ухватить Кута она бросилась в сторону. Я пытался выстрелить в нее вторично, но взведенный курок вновь дал осечку. Пока я вкладывал новый патрон, медведица скрылась.

Наступило безмолвие. Я стоял потрясенный неожиданным разворотом событий. Где-то впереди опять раздался лай Кута и фырканье медведицы. Я медленно, уже без всякого энтузиазма, с некоторым насилием над собой направился к месту, откуда раздавались звуки. В это время поблизости послышались крики ребят. Медвежата успели куда-то скрыться, и ребята, услышав мои выстрелы, запыхавшись, прибежали ко мне «снимать шкуру с неубитого медведя». Мы втроем пошли за медведицей. Шли осторожно. Впереди еще раза два послышался лай Кута и медвежье фырканье, но мы так и не смогли увидеть медведицу.

Через некоторое время вернулся Кут, очень довольный приятно проведенным временем. Он немедленно принялся с азартом гоняться за какой-то мышкой. Стало темнеть. Мы вернулись к месту, где была оставлена лошадь. Здесь разбили палатку и остановились на ночлег.

На следующее утро мы обратили внимание на громкий птичий грай, раздававшийся в той стороне, где вчера скрылась медведица. Кричали в основном кедровки — азартно, с надрывом. Ориентируясь на птичий крик, мы километра через полтора нашли мертвую медведицу. Она лежала около корня большой лиственницы, уткнув морду в лапы. Шерсть ее была покрыта подтеками засохшей крови, на теле оказались четыре пулевые раны — одна в плече, две в груди и одна в боку.

На обед у нас была медвежатина. Мясо показалось нам довольно вкусным, но немного жестковатым. Конечно, Куту были преподнесены самые вкусные, самые нежные кусочки жареной медвежатины. Даже Чалка не отказался отведать кусочек мяса.

Между прочим, о Чалке. Чалка — восхитительная лошадь, предмет зависти каждого хозяина. Это крупный белый конь с рыжими пятнами, когда-то худой и безобразный до ужаса, теперь же округлившийся и даже с небольшим брюшком. Каждое утро он сам приходит к стану, никогда не заставляет себя искать и ест все, кроме разве мыла, даже мясо и рыбу потребляет с видимым аппетитом. Чалка очень терпелив, выносливый и смирен. По тайге с вьюком он идет сам. Миша обычно шагает сбоку или бредет сзади, всецело доверяя Чалке. Через топи Чалка перебирается с исключительной осторожностью, чуть ли не на цыпочках. В медведицу, которая, стоя, фыркала в каких-нибудь тридцати шагах, Миша первый раз выстрелил, положив берданку на спину неподвижно стоявшего Чалки. Вообще Чалка уникум, такого коня

мне не приходилось еще видеть. Миша привязан к нему до чрезвычайности.

Некоторые детали встречи с медведицей выяснились позднее.

Идя с Чалкой, Миша услышал вблизи какое-то хрюканье и, оторвавшись от своих мыслей, узрел какого-то диковинного желто-бурого зверя, которого он принял сначала за кабана. Он схватился за берданку, висевшую через плечо. Подбежавший в это время Куг увидел «кабанят» и, конечно, немедленно бросился к ним. «Кабанята», к великому изумлению Миши, немедленно взобрались на лесину, а «кабан» с ревом встал на задние лапы и превратился в медведицу. Миша, не раздумывая, всадил в нее пулю. Медведица упала на землю, завертелась, опять поднялась, получила вторую пулю, вновь упала и вдруг ринулась прочь, забыв о медвежатах. Видя, что она только ранена, Миша бросился к Чалке, развьючил его, вытащил из кармана притороченной тужурки горсть патронов и побежал за медведицей, стреляя на ходу. Чалка даже в первые минуты встречи с медведицей был абсолютно спокоен и не сделал попытки убежать.

Мясо медведицы мы запрятали во льду большой наледи; их осталось еще немало по Нелькобе и по Чалбыге. Затем отправились дальше.

Обычный день

Еще рано — только восемь часов утра. Где-то в городах и поселках люди солидно допивают чай и собираются «на службу» в душные помещения, где им предстоит сидеть целый день. Мы же давным-давно уже на работе. Сейчас мы остановились попить чайку около небольшой лужицы на вершине гранитного массива. Маленький чахлый кустик кедрового стланика, единственный, выросший здесь среди мха и покрытых лишайником камней, не пережил встречи с нами, и его ветви, шипя и треща, греют воду.

День знойный. Даль окутана густой синеватой дымкой, сквозь которую просвечивают силуэты ближних гор. Назойливо звенят комары, и тяжело сопит, свесив розовый дрожащий язык, соизволивший пойти с нами Кутька. Когда мы уходили, он оставался с Мишей, который должен был с палаткой перебраться в условленное место и ожидать нас. Теперь, имея «собственную» лошадь, мы можем каждый вечер приходить ночевать в палатку, которая ежедневно перекочевывает на новое место.

В маршрут мы ушли в пять часов утра и были крайне удивлены, увидев часа через два неожиданно появившегося Кутьку. Эта маленькая бестия обладает воистину изумительным чутьем. Так же просто, как мы, идя по улице, читаем: «Аптека»,

«Универмаг», «Булочная», он, уткнув в землю свою смоляно-черную мордочку с блестящим, влажным, подвижным носом, на мху, на песке, на голых камнях читает незримые письмена запахов: вот след Чалки, вот бурундука, вот хозяина — и мчится по следам с завидной скоростью.

Мы торопливо пьем горячий чай и обсуждаем важный вопрос: в кого стрелял Миша? Примерно часа через полтора после нашего ухода мы слышали выстрел. Значит, вечером будут новости. Наш маленький, как эта лужица, мирок имеет свои собственные интересы, печали и радости, быть может смешные и ничтожные для тех, кто живет в водовороте бешено несущейся жизни, но весьма значимые для нас, оторванных от цивилизованного мира, заброшенных в места, где природа свежа и дика, как тысячи лет тому назад. Выстрел Миши так же интересен для нас, как, скажем, для москвичей шахматная партия Алехин — Боголюбов.

Жизнь в тайге полна захватывающего интереса. Нужно только, чтобы немного зорче, чем обычно, были глаза и чуть больше насторожены уши. Я не говорю уже о наших геологических делах, где каждый день приносит что-то новое, интересное. В тайге много новостей и другого порядка. Какой, например, интерес представляет для горожанина валяющийся среди кустов кусок оленьей шкуры? Никакого.

А здесь он заставляет остановиться, внимательно рассмотреть его и подумать: откуда он? Что здесь происходило?

И воображение нарисует какую-нибудь картину — яркую, свежую, не всегда правдоподобную, но интересную.

…Как приятно в туманном мраке надвинувшейся ночи увидеть далекую яркую вспышку огня, особенно если ты основательно прозяб и все вокруг мокрешенько. С деревьев падают сочные, тяжелые капли, с кустов при каждом прикосновении к ним сыплются фейерверком холодные увесистые брызги. Весь ты промок, кажется, до подкожного слоя, но быстрая ходьба все-таки немного согревает, ровно настолько, чтобы не лязгать зубами.

Время от времени ты бросаешь в холодное безмолвное пространство дикий призывный клич и, навострив уши, прислушиваешься, не слышно ли желанного отклика. Но вокруг стоит мертвая тишина, и только эхо насмешливо бросает тебе обратно обрывки твоего истошного вопля. Проходит долгое время, и вот наконец откуда-то издалека, чуть слышным слабым отголоском доносится ответный звук — желанная весточка, что тебя услышали. Итак, связь установлена. Это первая радость, первое достижение, но они несравнимы с тем восторгом, который охватывает тебя, когда твой глаз увидит наконец яркую огненную

точку. Так было и сегодня, да и только ли сегодня?

А когда мы находились на вершине гольца, набежала неожиданно гроза и вымочила нас как следует. Тщетно пытались мы соорудить себе защиту из каменных плит, в изобилии валявшихся вокруг. Каждый построил себе домик сообразно со своими архитектурными наклонностями, но, когда полил дождь, стало казаться, что сидишь под водосточной трубой. Со всех сторон хлестали холоднее струи, И это удовольствие продолжалось бесконечно долго. Гроза пронеслась, надвинулась вторая, и мы решили убираться прочь, чтобы не заночевать в горах.

Когда Левша приехал в Петербург, то, в ужасе оглядываясь кругом, он с тоской вопрошал: «Господи, куда же меня завезли? Где же Расея-матушка? Пропала моя бедная головушка». Вдруг, увидев шелуху от подсолнухов, густым налетом покрывавшую землю, он радостно завопил: «Семечки! Семечки! Мать честная, семечки! Так, значит, я в Расее!»

Этот эпизод из постановки лесковского «Левши» во втором МХАТе припомнился мне, когда мы, проходя по какой-то полянке, обратили внимание на странные цветочки, в изобилии покрывавшие ее, и, приглядевшись к ним, радостно закричали: «Лук! Лук! Мать честная, лук! Ура! Живем!» и с наслаждением начали поедать прямо на ходу сочную пахучую травку. Пучок ее мы принесли на стан, и наше меню приобрело на редкость пронзительный «расейский» запах.

Через Тенкинские пороги

Сижу, комфортабельно устроившись за столом, в просторном чистеньком бараке у устья Тенке и с некоторым содроганием вспоминаю вчерашний день.

Несколько дней тому назад поисковый отряд отправился к устью Тенке. Работа была закончена. Хорошие данные по золоту в бассейне Нелькобы были получены только в ключе Родионовском. Надо было использовать оставшееся время для опробования нескольких ближайших притоков Колымы. Чтобы облегчить лошадей, решили часть груза сплавить на плоту вниз по Тенке до ее устья.

Отправив поисковиков, мы с Ковяткиным и Мишей задержались на несколько дней, чтобы закончить геологическую съемку. И вот наконец все сделано и можно распроститься с Нелькобой.

В свое время Пульман вместе с Петром сделал на устье

Чалбыги из ствола большого тополя неуклюжий батик, названный нами «Нелькобстрой». Батик был наполовину; выжжен, наполовину выдолблен. Это низенькое длинное суденышко чрезвычайно неустойчиво. Оно переваливается с боку на бок, и сидеть в нем надо прямо на дне. Нос его несколько «повело» в сторону, и оно имеет тенденцию все время впадать «в правый уклон».

Зная, что впереди по Тенке имеются пороги и что нам предстоит неизбежное купание, мы все наши вещи отправили с Мишей на Чалке, захватив с собой только два брезентовых плаща, телогрейки и кое-какую мелочь, крепко привязанную к распоркам между стенками батика.

Проводив Мишу, за которым последовал Кут, мы с Ковяткиным вскоре отчалили от устья Чалбыги.

День был ясный, солнечный. Правда, вдали заглушенно рычал гром, но кто будет обращать внимание на такие пустяки, когда над головой синеет небо и «солнце Ниагарой льет лучи». Для большей устойчивости мы привязали с обеих сторон батика по жердине, и зеленоватые воды Нелькобы рванули наш «Нелькобстрой» и понесли его по рокочущей струе вниз по течению.

Вначале путешествие доставляло нам сплошное наслаждение. Батик то стрелой летел по пляшущим барашкам волн, то медленно скользил по тихой глади плесов. Свежий ветерок отгонял прочь назойливую мошкару, солнышко весело улыбалось с голубого неба, и все дышало прелестью ясного августовского дня. Мимо проносились живописные берега с торчащими утесами, окаймленными то зеленым кружевом лиственниц, то желто-багряными купами тальника и золотистых березок. Время от времени на зеркале плесов чернели многоточия утиных выводков, однако небо постепенно покрывалось тучами, все ближе и ближе раздавались раскаты грома, и наконец полил дождь. Мы вылезли на берег, перевернули батик и, комфортабельно расположившись под надежной крышей, с аппетитом стали закусывать лепешками с консервированным молоком. Дождь из бурного перешел в мелкий затяжной, и мы решили двигаться дальше.

Уже без удовольствия, поливаемые дождиком, понеслись мы дальше по серой поверхности Тенке, покрытой сеткой дождевых капель.

Перекаты стали попадаться чаще. Камни уже не прятались под воду, а серыми клыками угрожающе торчали из-под нее, и белые пенистые волны в буйной ярости дробились об их массивные окатаные бока. Батик бросало из стороны в сторону,

волны бились о его утлые бока, перехлестывая через борт. Ковяткин рьяно вычерпывал воду, но разве можно объять необъятное? После каждого переката батик, выйдя на тихую воду плеса, почти на четверть оказывался заполненным водой.

А между тем река становилась все уже и уже. Высокие отвесные берега образовывали причудливые нагромождения мрачных иззубренных утесов, местами покрытых завалами наносного леса. Время от времени посреди реки попадались одиноко торчащие утесы-останцы, мимо которых мы лихо проносились по белым барашкам волн, а издали все яснее, все отчетливее доносился глухой многообещающий рев. Это был первый настоящий порог, где разрозненные гребни выступающих из-под воды порфировых жил создавали сложный извилистый каменный частокол. Между камнями ревели бело-зеленые валы, каскадами взлетая вверх, кружась и набегая друг на друга. А посредине этого ревущего хаоса, нелепо накренившись, стоял плот… нашего поискового отряда!

Прочно посадило его, беднягу, на острый каменистый зуб, накренило под углом тридцать градусов, прижало к какому-то серому выступу, и остался он здесь зловещим памятником неудачной попытки проскочить через первый Тенкинский порог. Поисковики же, бросив застрявший плот, видимо, отправились берегом.

Мы быстро промчались мимо плота. Сотни ведер воды бурным потоком хлынули в батик, борта его исчезли под волнами, и он превратился в подводную лодку, а мы — в торчащие из-под воды перископы. Наша «подводная лодка» вихрем пронеслась между острыми зубьями камней и очутилась в тихом глубоком улове, погружаясь все глубже и глубже. Бешено работая веслами, почти по пояс в воде, подплыли мы к спасительному берегу и благополучно выбрались на сушу. Вылили из батика воду, выжали одежду и вновь понеслись вниз по реке навстречу новым приключениям.

Пороги сменялись порогами, и каждый раз наш батик на три четверти наполнялся водой, но все же честно проскакивал через каменные барьеры, преграждавшие ему дорогу. Рев, царивший в воздухе, стал уже привычным для уха, но вот оно уловило новый ритм, новую мелодию еще более мощного грохота.

Мы пристали к берегу и, осмотрев порог, пришли к заключению, что перебираться через него надо одному из нас и без вещей. Было решено, что Ковяткин заберет все наше имущество и пойдет берегом, а я поплыву через порог. Налегке, босиком, в одной только рубашке и кальсонах, я сел в батик и оттолкнулся от берега. Вокруг что-то ревело, гудело, вихрилось.

Мимо мелькали в водовороте белой пены смоляно-черные остовы гигантских камней, и наконец меня вместе с батиком с полутораметровой высоты сбросило в бушующий вихрь зеленой воды и белой пены. События развертывались с непостижимой быстротой. Не помню, как это произошло, но я уже сидел верхом на перевернутом батике в тихом плесе и подгребал к берету.

Мы вылили из батика воду и в предвечерних серых сумерках, еще достаточно светлых, поплыли дальше, к последнему, самому мощному порогу. Опять Ковяткин, нагрузившись нашими мокрыми пожитками, пошел по берегу, и опять батик нырнул в ревущую пасть порога.

На этот раз дело оказалось серьезнее. Порог тянулся на добрых полкилометра, а батик перевернулся уже через каких-нибудь полтораста метров, попав в воронку каскадом хлещущей через каменистый гребень воды. Помню только, как, стоя по колени в воде на каком-то осклизлом камне, я тщетно тянул к себе батик, который течением рвало у меня из рук, как до боли напрягались мускулы спины и рук, как наконец я втащил на камень батик, перевернул его и вылил воду, а через мгновение вновь сидел на дне перевернутого батика, опять тащил его на какой-то камень, изнемогал, задыхался, но все-таки опять перевернул его, освободил от воды и опять в третий, последний раз подплывал к берегу на перевернутом суденышке в тихом глубоком плесе, оставив позади себя ревущий порог. Зубы мои отплясывали трепака, когда я натянул на себя верхнюю рубашку и надел куртку. Тщетно пытался я согреться усиленной греблей. Пришлось остановиться, развести большой костер, как следует отогреться и высушить одежду. Болели и сводились судорогой мускулы рук, ныла спина, и в теле чувствовалась неимоверная усталость.

Уже основательно стемнело, когда мы поплыли дальше по спокойной поверхности реки, в полной уверенности, что впереди не будет более препятствий.

Было уже совсем темно, когда мы опять услышали ревущее гудение. Ехать в темноте даже через небольшой порог — слишком рискованная затея, поэтому волей-неволей нам пришлось вылезти из батика и отправиться далее пешком. Однако, пройдя немного, я почувствовал, что продрог донельзя. Мы остановились, развели огромный костер, согрели чай, поужинали и ухитрились даже уснуть на ворохе веток около ярко пылавшего костра. Рано утром, как только немного рассвело, снова сели в батик и благополучно проскочили через маленький порожистый перекат, только самую малость черпнув бортом воды. Дальше уже шли тихие беззлобные плесы, и через каких-нибудь полтора часа мы подплывали к устью

Тенке, лихо причалив к берегу у самого барака.

Возвращение

Быстро промелькнула половина сентября. Мы провели дополнительные геологические и поисковые работы в бассейне прилегающих речек, целиком выполнив взятые обязательства. Пора было возвращаться.

Мы могли быть довольны результатами работ. Правда, хорошее золото было обнаружено только в ключе Родионовском, но зато мы установили повышенную оловоносность почти на всей обследованной территории. Геологическое исследование района показало, что здесь широко развиты гранитные интрузии и многочисленные жилы (дайки) изверженных пород. Изучение их привело к интересным выводам: с одними типами гранитов связана золотоносность, с другими, более молодыми по возрасту — оловоносность. В нашем районе были преимущественно развиты более молодые гранитные интрузии.

18 сентября на устье Тенке прибыла партия Котова, и мы стали собираться в обратный путь. Быстро были изготовлены четыре больших плота, по два на каждую партию, и вот рано утром 21 сентября в бурную штормовую погоду мы покинули устье Тенке. Лошадей отправили обратно на Таскан, откуда они были нам присланы. День 20 сентября был занят подготовкой к отъезду — упаковкой вещей, составлением актов, расчетами и прочей писаниной.

Плыть было неприятно. Дул пронизывающий встречный ветер, и в затишных местах наши плоты неподвижно стояли на месте, а иногда их даже сносило назад. Постепенно погода улучшилась, ветер стих, и мы довольно быстро продвигались вперед, делая за день 40–45 километров. Утрами стояли уже основательные морозы, и хотя шуги еще не было, в затишных местах у берегов намерзала плотная корка льда. К утру плоты наши тоже украшались льдистыми наслоениями, которые днем постепенно таяли.

Всех нас беспокоила мысль о предстоящей встрече со знаменитыми Колымскими порогами, о которых мы столько слышали. Еще на Среднекане несколько наших товарищей, которые в 1931 году совершили маршрут по Детрину и сплыли через эти пороги, захлебываясь от удовольствия, рассказывали нам о могучих двухметровых валах, о нагромождениях камней, угрожающих гибелью, о крутых заворотах и капканах-омутах, попав в которые плот не в состоянии выбраться и его будет кружить «до скончания века».

Самым страшным считается пятый порог — своего рода колымские Сцилла и Харибда. Надо обладать почти сверхчеловеческими способностями, чтобы благополучно проплыть через него. Порог образует, по словам очевидцев, узкую струю воды, по одну сторону которой расположено огромное улово — омут, где происходит круговорот воды, а по другую — трехметровый косой слив в какую-то бездну. Плот надо суметь направить по этой узкой струе, чтобы не соскользнуть в омут, где его часами будет носить по замкнутому кругу, или, упаси боже, не попасть в косой слив, где путника ожидает верная гибель.

Естественно, что мы с некоторым трепетом ожидали страшных порогов. Еще задолго до них русло реки значительно сузилось. Тихая и полноводная Колыма медленно протекала среди обрывистых гранитных берегов. Пульман внимательно Присматривался к окружающей обстановке, ища соответствующих примет. Внезапно над нами со звонким криком пролетел большой черный ворон. Лицо Пульмана просияло:

— Все в порядке, ребята, — довольно улыбаясь, сказал он, — хозяин дал разрешение на переход через пороги, так что нечего бояться.

Фирсов мрачно посмотрел на него:

— Брось трепаться, старик, вот когда проплывем пороги, тогда и будем говорить, что все благополучно.

Плоты двигались цепочкой, держась на расстоянии двухсот метров один от другого. Пульман, Фирсов, я и Кут плыли на первом плоту, за нами следовали плот с Перебитюком, Ковяткиным и Мишей и два плота Котова.

Вещи наши были со всех сторон укутаны в брезент и плотно привязаны к бревнам и стойкам плота.

Русло реки становилось все уже и уже. Гранитные утесы со всех сторон сдавили его. Виды один красивее и величественнее другого медленно проплывали перед нами. Но вот впереди послышался глухой басовитый рев и показалась белопенная полоса бурунов. Русло Колымы сузилось до каких-нибудь пятидесяти метров, быстрое течение подхватило плот и со скоростью курьерского поезда понесло его вперед. Руки крепко стиснули гребь, замелькали зеленовато-белые свистоплясы вздыбленных валов, плот запрыгал, закачался, затанцевал, и холодные белопенные волны окатили нас до пояса. Быстро работая гребями, мы вихрем пронеслись мимо каменистых берегов по кипящей поверхности реки и, постепенно замедляя движение, вновь заскользили по тихой спокойной воде запорожного плеса.

Но вот четыре порога остались позади… Мы с трепетом

ожидали появления зловещего пятого. Наконец впереди опять замелькали косматые белые валы. Всплески их настолько внушительны, что мокрый Кут, лежащий на самом верху кучи вещей, стал тихонько, с тоской скулить. У нас тоже немного защемило сердце, когда мы увидели совсем вблизи грозные косматые протуберанцы ревущих волн. То поднимаясь на их вершины, то глубоко зарываясь носом в зеленые провалы, наш плот стремительно пронесся по взбудораженной волнистой поверхности и со всего размаху низринулся в тот самый слив, где «путников ожидала неминуемая гибель». Нас бросило вниз с полутораметровой высоты в клокочущую водяную яму. Видно было, как глубоко под нами промелькнули сглаженные очертания крупной гранитной глыбы. Огромные волны обрушились на плот и едва не сбив нас с ног, окатили до самой шеи каскадами холодной воды. Кута сбросило вниз, и быть бы ему за бортом, если бы не Пульман, который успел ухватить его за загривок.

Все это продолжалось какие-то считанные мгновенья. Не успели мы опомниться, как порог остался позади и плот опять лениво заскользил по тихой, спокойной поверхности воды. «Погибельный» слив оказался вполне приемлемым для сплава.

Так же благополучно проплыли пороги все остальные плоты.

От пятого порога до устья Бахапчи осталось каких-нибудь 7 километров, и мы, пользуясь тихим предзакатным часом, решили, не останавливаясь, добраться до устья этой симпатичной реки, изобилующей рыбой и дичью.

Здесь мы остановились на ночлег и с удовольствием распили неприкосновенный запас «огненной водицы», специально оставленной для того, чтобы отметить благополучный сплав через пороги.

От устья Бахапчи плыли спокойно, без всяких приключений, если не считать одного малоприятного события на устье Оротукана.

Был ясный, холодный и тихий день. Мы приближались к Оротукану. До устья Среднекана оставалось свыше 200 километров, и мы решили плыть дотемна, не останавливаясь на Оротукане. Но вот и Оротукан. Зажатый между скалистыми берегами, он стал виден только тогда, когда плот почти вплотную подошел к его устью. Мы плыли на расстоянии ста – ста пятидесяти метров от берега. Внезапно послышалась густопсовая матерная ругань. Несколько человек, угрожая винтовками и обливая нас помоями нецензурной брани, категорически потребовали, чтобы мы немедленно пристали к берегу. В ответ на наши объяснения снова последовал шквал ругани и категорическое требование немедленно пристать. Пришлось

подчиниться, особенно после того, как раздалось два предупредительных выстрела и пули с противным повизгиванием пронеслись над нашими головами. Мы подгребли к берегу. Нас окружили одетые в военную форму люди. Вскоре подошел молоденький командир. Проверив наши документы, он извинился за грубость своих подчиненных. Однако изысканная вежливость командира не могла рассеять тяжелого впечатления от странного приема.

Поскольку уже стало темнеть, мы решили остановиться на ночлег. Вежливый и подтянутый командир со своеобразной фамилией Дероберти (впоследствии мне не раз приходилось встречаться с ним в самых отдаленных, пустынных местах Колымы) всеми силами старался загладить неприятное впечатление. Надо сказать, что это ему в значительной степени удалось. Он многое рассказал нам о той своеобразной обстановке, которая создалась на Колыме в связи с организацией здесь исправительно-трудовых лагерей. Вольнонаемной рабочей силы на Колыме сейчас мало. Основной контингент составляют заключенные уголовники, которые с большим трудом поддаются перевоспитанию. Часто бывают побеги, в связи с чем и приходится прибегать к таким не слишком вежливым способам задержки подозрительных лиц, а мы именно такими и были, так как о нашем существовании ни ему, ни охране ничего не было известно.

На следующее утро мы отплыли дальше и 30 сентября были уже на устье Среднекана.

Кунаревское зимовье

Полевой сезон окончился. Наступили будни камерального периода. Впрочем, для меня он продолжался недолго. В декабре мне пришлось опять на время покинуть Усть-Среднекан.

Декабрь 1932 года отличался устойчивыми лютыми морозами. Температура редко поднималась выше минус 55 градусов по Цельсию, снижаясь иногда до 60. Поселок Усть-Среднекан, в котором мы жили, утопал в густом морозном тумане. При дыхании на открытом воздухе изо рта с характерным шуршанием вылетала струя белого пара. Жгучий холод цепко впивался в нос и щеки.

Жили мы в маленьких бараках, построенных собственными силами. Работали в небольшом здании конторы УДПИ (управления по добыче полезных ископаемых). Главное управление Дальстроя находилось в бухте Нагаева, в 500 километрах от Усть-Среднекана. Жилось убого и скудно. Во всем

чувствовался недостаток, но по сравнению с зимой 1931 года, когда район буквально голодал, наше существование было сносным.

В это время разведочные работы на россыпное золото кроме речек Среднекана и Утиной в большом объеме проводились в бассейне Оротукана. Здесь геолог С. В. Новиков летом 1931 года при поисковых работах обнаружил хорошее золото.

Разведочных кадров было мало. Геологоразведочное бюро на Оротукане возглавлял молодой геолог Яша Фейгин, только что окончивший институт и не имевший еще опыта в разведке россыпей. Поскольку мне уже приходилось работать на разведке, Билибин решил направить меня на два месяца на Оротукан для налаживания геологической документации и для контроля над правильностью ведения разведочных работ.

До Оротукана зимним путем около 65 километров. Дорога шла по руслу Колымы, а затем по одному из ее правых притоков переваливала в ключ Таежный, в устье которого находятся база и геологоразведочное бюро Оротуканского прииска.

С оленьим транспортом, который шел на Оротукан, кроме меня отправлялись еще человек семь или восемь, в том числе инженер Лось, прораб Перебитюк, топограф Артемьев, коллектор Кунарев и несколько рабочих.

В 35 километрах от Усть-Среднекана, на правом берегу Колымы, находилось небольшое зимовье и был хороший олений корм. Ближе остановок не было.

В эти годы зимовья — небольшие бараки, специально построенные вдоль дорог, по которым следовал транспорт, были единственным местом, в котором усталый, намерзшийся путник мог остановиться, отогреться, подкормиться (если у него были продукты) и отдохнуть.

Утром 13 декабря транспорт медленно пополз вверх по Колыме, оставляя за собой тонкую струйку морозного пара.

Я задержался в Усть-Среднекане. Мне о многом надо было переговорить с нашим геологическим руководителем Билибиным, а поскольку я знал, что дальше зимовья транспорт не пойдет, то спокойно мог выйти позднее.

Было очень холодно. Термометр показывал 62 градуса ниже нуля. Быстро промелькнул короткий зимний день. В это время года в районе Среднекана уже в три часа дня на небе зажигаются крупные сверкающие звезды.

Из-за сопки выплыла луна, и все вокруг приняло какой-то сказочно-призрачный облик.

Я вышел из поселка часов в шесть-семь вечера.

Дорога была хорошо укатана, и при свете полной луны идти

было чудесно. Правда, местами из боковых долинок тянул резкий ветерок — «хиус», который колючими иглами вонзался в лицо, но все же не настолько сильно, чтобы мешать быстрой ходьбе. Идти же надо было быстро. Я был одет в ватные брюки и ватную телогрейку, подпоясанную кушаком. На голове у меня была шапка ушанка. Шею и лицо прикрывал шерстяной шарф, через который приходилось дышать, чтобы не обморозить нос и щеки. На руках варежки и заячьи рукавицы. Ноги были обуты в обыкновенные валенки. Предыдущая зима многому научила нас, главное же тому, что в пеший путь надо отправляться одетым сравнительно легко. Для таких походов хороша куртка из выделанного пыжика, но куртки у меня не было. Ее в какой-то степени заменяла обычная телогрейка, большим достоинством которой является то, что она свободно пропускает испарения человеческого тела. При этом надо идти в определенном темпе, достаточно скором, чтобы не зябнуть.

Я шел ровным, размеренным шагом. Дыхание с характерным шипением вырывалось из груди. Это шипящее дыхание начинается при температурах ниже 48 градусов и обусловлено тем, что находящиеся в выдыхаемом воздухе пары воды моментально замерзают. Сталкивающиеся частички ледяной пыли и создают этот своеобразный шорох.

Несмотря на близорукость, я шел без очков. В такие морозы они бесполезны. Выдыхаемый воздух немедленно покрывает их слоем инея. Когда я начинал ощущать признаки усталости, то вынимал из кармана кусочки взятых на дорогу галет и, жуя их на ходу, чувствовал, как бодрость вновь вливается в тело.

Вокруг стояла могильная тишина, нарушаемая только шорохом дыхания да редкими гулкими взрывами трескавшегося льда.

Вдруг впереди на ярко освещенной лунным светом укатанной снежной дороге я увидел какое-то большое, шевелящееся черное пятно. Я никак не мог понять, что это такое. Животное? Но почему оно находится на одном месте? Коряжина? Почему же она шевелится? Я замедлил шаги и, пристально вглядываясь, стал приближаться к странному предмету.

Велико было мое удивление, и даже ужас, когда я увидел, что это стоящий на четвереньках, пытающийся встать человек. Он производил впечатление пьяного, беспомощно качаясь, он пытался подняться, падал, опять приподнимался и вновь падал — и все это с ужасающей медлительностью и без единого звука.

Я подошел вплотную и нагнулся над ним. Он опять попытался встать. На меня в упор смотрели широко раскрытые невидящие глаза. Освещенная луной часть лица была покрыта

инеем и отливала мертвенно-белым цветом, в то время как часть, находящаяся в тени, казалась угольно-черной. Мурашки пробежали у меня по спине. Кто это? Откуда?

Мысль о том, что это может быть кто-нибудь из нашего транспорта, даже не пришла мне в голову. Ведь я вышел из Усть-Среднекана через шесть часов после отъезда транспорта, и все наши давно должны были быть в зимовье.

В первый момент в голове мелькнуло нелепое предположение, что в зимовье подвыпили какие-то проезжие и один из них пьяным вышел на дорогу.

— Кто ты?! Что с тобой?! — закричал я.

Человек, тяжело ворочая губами, произнес что-то, и я скорее догадался, чем услышал слово «ослаб». С трудом приподняв его, я сунул ему в рот кусочек галеты. Он стал медленно жевать.

«Что делать?» — мучительно раздумывал я. Дорога проходила посредине русла Колымы. Берега ее чернели вдали на расстоянии около километра каждый, и добираться до них надо было по глубокому снегу. Мелькнувшую было, мысль дойти до берега и, разложив там костер, отогреть замерзающего, пришлось отбросить. При первой, же попытке сойти с дороги я глубоко увяз в нетронутом снегу.

Я приподнял человека и взял под руку, пытаясь вести, но он, пройдя два-три шага на несгибающихся ногах, падал в снег. Я оттирал ему руки, лицо, совал в рот раскрошенные галеты и вновь заставлял встать и двигаться дальше. Повиснув на мне, он делал несколько подкашивающихся шагов и снова камнем падал на дорогу. С каждым разом поднимать его становилось все труднее и труднее, и вот наконец он упал и не было никакой возможности заставить его подняться. При попытке поставить его на ноги туловище валилось то в одну, то в другую сторону; бедняга, по-видимому, потерял сознание. Я взвалил его на спину и понес, но, пройдя каких-нибудь триста-четыреста шагов, почувствовал, что выбиваюсь из сил. Тело дрожало мелкой дрожью, ноги сводила судорога, кружилась голова, безумное желание прилечь и уснуть охватило меня.

Стало ясно, что, продолжая нести его, я не смогу ему помочь, так как сам скоро дойду до такого же состояния. Остается одно: положить его, как можно быстрее бежать к зимовью, поднять там тревогу и с одеждой на нартах выехать за ним. Я опустил его на край дороги. Ярко светила огромная безмолвная луна, и на голубоватой поверхности, распластавшись, лежала черная неподвижная фигура. Слезы потекли у меня из глаз. Я чувствовал себя маленьким, жалким, беспомощным. Не оглядываясь, я побежал вперед, рассчитывая, что зимовье находится

сравнительно недалеко и что помощь еще поспеет. Километра через полтора я увидел быстро мчащуюся навстречу нарту. Подъехав ко мне, каюр остановился.

— Зачем посылай олешка? — раздраженно произнес он, взглянув на меня. — Твоя совсем хорошо ходи сам зимовье.

Я растолковал ему, что олени нужны не мне, что надо скорее забрать человека, который лежит без сознания на дороге. Он понял, засуетился. Я сел в нарту, на которой лежал ворох одежды, и мы быстро поехали к месту, где я оставил незнакомца.

Он неподвижно лежал на дороге. Мы попробовали привести его в сознание, но это нам не удалось. Мы укутали его в привезенную одежду и веревками привязали к нартам. Олени помчались.

По дороге человек умер. Его занесли в зимовье, и только здесь при тусклом свете огарка я с трудом признал в нем нашего коллектора Сашу Кунарева. Мы раздели его, стали оттирать снегом, делали искусственное дыхание — все было напрасно. Он лежал холодный, недвижный, белый, как воск, без малейших признаков жизни. Снова и снова растирали мы его, снова и снова подносили к его губам осколок карманного зеркала, пытаясь уловить хотя бы слабые признаки дыхания, и, наконец убедившись в тщетности наших усилий, завернули тело в одеяло, вынесли из зимовья и уложили на нарту.

Двадцатилетним юношей приехал Саша на Колыму из Ленинграда, где состоял членом писательского кружка, для сбора материалов, характеризующих экзотику геологической работы на Севере. Только одно лето удалось провести ему в полевой партии, и вот такой трагический конец.

А в углу барака раздавались стоны и всхлипывания. Опустив голые ноги в ведра, наполненные водой и льдом, сидели на нарах, корчась от нестерпимой боли, Перебитюк и Лось, обморозившие себе ноги. Они то вынимали их из снежной каши и оттирали, то вновь погружали туда, стараясь восстановить кровообращение. Полностью этого не удалось сделать ни тому, ни другому.

Из расспросов выяснилась картина событий этого трагического дня. Выйдя из Усть-Среднекана, вся группа двинулась вперед. Каюры, постепенно ускоряя ход оленей, оторвались от шагавших людей, которые вскоре разбились на несколько небольших группок, цепочкой растянувшихся по дороге.

Кунарев шел вместе со своим другом Толей Артемьевым. Постепенно он стал уставать.

— Проклятые валенки, — жаловался он. — Только недавно

получил их и не успел разносить. Здорово мешают идти.

Напрасно Артемьев подбадривал его, доказывая, что зимовье близко и что надо торопиться, чтобы согреться. Саша стал выбиваться из сил.

— Иди, Толя, скорее к зимовью, — сказал он товарищу. — Постарайся выслать навстречу оленей, а то я чувствую, что не дойду.

Артемьев быстро зашагал вперед. Через некоторое время он почувствовал непреодолимое желание отдохнуть и присел на торчащую из-подо льда коряжину. Его охватило блаженное чувство успокоения. Стало как-то тепло, и веки его непроизвольно стали слипаться. Вдруг острая, как игла, мысль пронзила сознание: «Ведь я замерзаю!» Он сразу вскочил на ноги и почувствовал, насколько продрог. Тело буквально сводило судорогой от холода. Боязнь замерзнуть влила в него новые силы. Он обрел, как говорится, второе дыхание и вскоре, быстро шагая вперед, восстановил в организме утраченное тепловое равновесие.

Вдруг он наткнулся на сидящего без сил Лося, через некоторое время — на лежащего Перебитюка. Ему удалось уговорить их идти дальше, хотя оба жаловались, что не чувствуют ног и настолько устали, что не в состоянии двигаться. Барак оказался почти рядом. Каюры с неохотой вышли искать оленей, которые паслись где-то в стороне. Пока искали и ловили оленей, пока запрягали нарты, время шло, и его ход был роковым для Саши Кунарева.

На другой день скорбный кортеж отправился в Усть-Среднекан. И Лося, и Перебитюка пришлось отправлять обратно чуть ли не силком. Оба были психически настолько травмированы, что одна мысль о том, что опять придется очутиться на шестидесятиградусном морозе, приводила их в неописуемый ужас. Они сознавали, что оставаться в бараке — значит наверняка заполучить гангрену, но в то же время не могли заставить себя согласиться на отъезд.

Кое-как удалось уговорить их. Укутав обоих, как детей, и привязав к нартам, мы простились с ними.

Сашу Кунарева похоронили на устье Среднекана. Перебитюку ампутировали большой палец правой ноги. Лось отделался длительным лечением. А зимовье, около которого произошло это трагическое происшествие, стало известно под названием «Кунаревское зимовье».

Через несколько дней после похорон Саши Кунарева на половине пути между Усть-Среднеканом и зимовьем была поставлена большая палатка с печкой, в которой проходившие

или проезжавшие путники могли остановиться, передохнуть и обогреться.

Дорога домой

В конце января 1933 года я вернулся в Усть-Среднекан и взялся за составление отчета по полевой партии прошлого года. Надо было торопиться. Приближалась весна, мы полностью отработали свой договорный срок и мечтали о предстоящем отпуске.

Однако руководство Дальстроя не хотело расставаться с нами, хотя за истекший год приехало много новых геологов. Мы считались старыми, «обстрелянными» колымчанами. И вот однажды заместитель Берзина А. Н. Пемов, возглавлявший находившееся на Среднекане управление по добыче полезных ископаемых, пригласил нас на товарищеский ужин. Со свойственным ему умением подойти к людям он обратился к нам от имени руководства Дальстроя с просьбой еще одно лето поработать в поле. Это было сделано в такой тактичной форме, без всяких следов административного нажима, что почти все мы согласились остаться до осени, несмотря на безумное желание провести лето на «материке», среди родных и близких. Только несколько человек, которые, как они выразились, «были сыты Колымой по горло», решительно отказались. Они уехали и больше на Колыму не вернулись.

Наступила весна. Мы опять разъехались по полевым партиям. Количество их в 1933 году возросло до тридцати шести, но это была капля в море. Нам казалось, что для обследования этой территории не хватит труда нескольких поколений. Будущее показало, насколько мы ошибались.

Прибывающие с «материка» геологи сразу же переключались на полевые работы. Много партий работало на побережье Охотского моря и вдоль трассы строящейся к приискам автодороги. Остальные проводили исследования в бассейне Колымы, уточняя данные предыдущих лет. Благодаря работам этих партий уже к концу 1933 года стали отчетливо прослеживаться контуры золотоносной зоны, которую Билибин еще в 1930 году так прозорливо наметил на основании крайне скудного фактического материала. Эта зона широкой полосой тянулась в северо-западном направлении, упираясь в область еще не исследованных белых пятен.

За геологами шли разведчики. В долинах ключей, которые, по данным полевых партий, были золотоносными, проходились шурфы, уточнялся характер россыпей, подсчитывались запасы

драгоценного металла. Разведка обнаружила несколько новых богатых россыпей. Стал «золотить» Оротукан, в бассейне которого началась золотодобыча на вновь открытом богатом прииске Пятилетка.

Если с россыпным золотом все обстояло благополучно и прогнозы Билибина подтверждались, то с рудным золотом дела были очень плохи. Правда, геолог И. Л. Соловейчик открыл золоторудное месторождение в верховьях речки Утиной, но оно даже отдаленно не походило на то уникально богатое месторождение рудного золота, каким раньше представлялась Среднеканская дайка. Разведочные работы, интенсивно проводившиеся на этой дайке в течение трех лет, показали, что она является непромышленной.

Руководство Дальстроя нервничало. Ведь именно под Среднеканскую дайку были отпущены громадные средствам даны заказы на соответствующее оборудование. Правда, положение с россыпным золотом было неплохое, но это золото требовало распыления сил и средств и пока что не давало уверенности, что запасы его будут достаточными, чтобы окупить затраты. Поэтому к разведке россыпных месторождений руководство Дальстроя подходило с известной осторожностью, считая, что разведочные работы надо вести в ближних, более или менее обжитых участках. Билибин же настаивал, чтобы наряду с этим было организовано несколько отдаленных разведочных баз, которые широким фронтом вели бы разведочные работы на дальних участках, где полевые партии обнаружили золото.

Были у него расхождения с руководством Дальстроя и по другим вопросам, относящимся к организации золотодобычи.

Все эти разногласия привели к тому, что осенью 1933 года Билибин покинул Колыму.

(Впоследствии Билибин работал в бассейне Алдана, а затем переключился на обобщение огромного материала, собранного им на Колыме и Алдане. Один из способнейших геологов нашего времени, он написал ряд блестящих монографий по вопросам образования россыпей, петрологии и металлогении и стал крупнейшим специалистом по золоту.

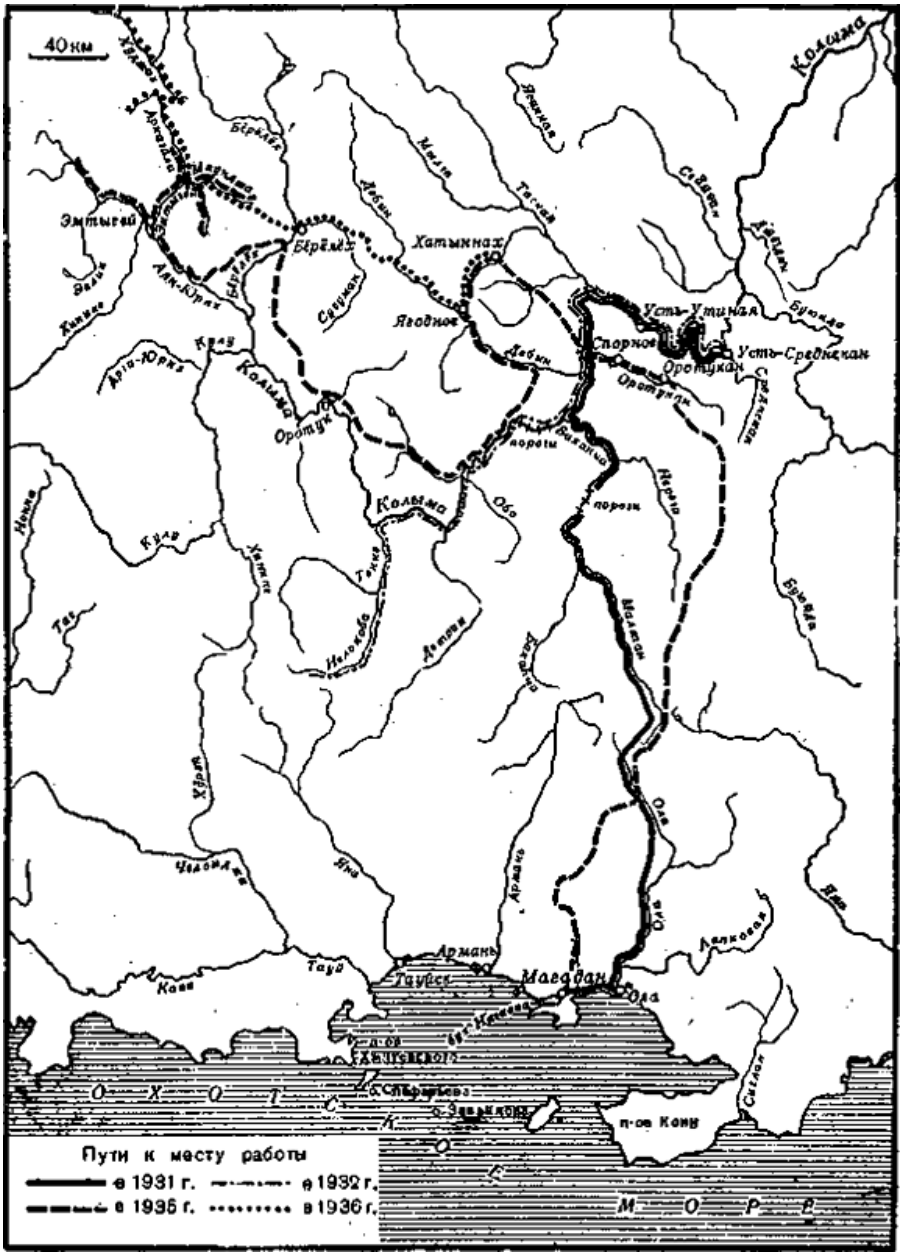
Позднее, уже будучи известным ученым, он не раз приезжал на Колыму в составе специальных комиссий для дачи заключений о дальнейшем направлении геологических работ в этом районе, хотя непосредственно на Колыме уже больше не работал. В 1946 году Билибин был избран членом-корреспондентом Академии наук, и в этом же году ему в числе шести геологов было присвоено звание лауреата Государственной премии первой степени за открытие и изучение золотых месторождений на

Северо-Востоке СССР.)

Я встретился с ним в октябре 1933 года в Магадане, куда прибыл для отъезда в отпуск.

Моя партия работала в бассейне Бахапчи и по договоренности с Пемовым после окончания полевых работ должна была выйти на Охотское побережье, к Магадану. Наш путь проходил по местам, где сейчас проложена автодорога, связывающая Магадан с приисками. Тогда там не было даже намека на нее. В устье речки Мякит мы встретили дорожника Илью Семенова, проводившего изыскание трассы будущей автодороги. Автодорога! Это казалось нам далекой, несбыточной мечтой.

Однако мечта на наших глазах стала превращаться в явь. В верховьях Мякита нам стали попадаться небольшие, но приятно оформленные поселки дорожников с настоящими домиками отнюдь не барачного типа. Я никогда не забуду, как наш конюх, тасканский якут Петр Венцель, увидев в одном из поселков десятка два кур, которые с клохтаньем бежали к женщине, рассыпавшей им корм, молниеносно схватил ружье, и его с трудом удалось удержать от выстрела, который мог принести нам много неприятностей. Вид свиньи поверг его в глубочайшее изумление. «Зачем такой?» — недоуменно спрашивал он, рассматривая диковинное животное.



На месте теперешней Атки находилась основная перевалочная база. Сюда, преимущественно на лошадях, из Нагаева завозились грузы. С Атки они — зимой на оленях, а летом сплавом — доставлялись на прииски.

Нам повезло. В день нашего прихода — это было 13 октября — на Атку пришла первая автомашина, груженная мукой. Обратным рейсом она довезла нашу партию до Магадана — вновь возникшего административного центра Колымы.

Летом 1931 года на месте Магадана, на правом берегу речки Магадана, расстилался широкий, окруженный густым лесом луг, на котором паслись лошади и стояла маленькая избушка для конюхов. Теперь лес далеко отступил в сторону. На месте луга вырос большой, беспорядочно разбросанный грязноватый поселок. Главное управление Дальстроя находилось в длинном приземистом одноэтажном здании, вокруг которого лепились низенькие домики-хибарки. Помещаться было негде, и мы устроились в наших палатках, разбитых на берегу Магадана.

На этот раз руководство Дальстроя не стало нас задерживать. Нам разрешили отчет о полевых работах писать в Москве и, кроме того, предоставили за счет Дальстроя путевки на курорт.

Билибин также собирался уезжать, но только не в отпуск, а совсем. И вот в начале ноября на пароходе «Свирьстрой» мы отплыли из бухты Нагаева.

Это было длительное и «веселое» путешествие, во время которого я окончательно убедился, что море не моя стихия. Целых двадцать три дня плыли мы в штормовую погоду в грязном железном трюме грузового парохода, прямо на полу, в обстановке, по сравнению с которой плавание на «Днепрострое» казалось верхом комфорта.

Из Владивостока мы поездом выехали в Москву и скоро были дома.

Первая поездка на Колыму закончилась.

Уголь и золото

Рождение Аркагалы. Год 1935-й

Вступление

В верховьях Колымы, в бассейне ее левого притока Эмтыгея, находится Аркагалинское каменноугольное месторождение. Здесь бьется энергетическое сердце «Золотой Колымы». Отсюда мощная электростанция снабжает током многочисленные поселки и предприятия, разбросанные на широких просторах колымской тайги. Вереницы груженых машин мчатся во всех направлениях, неся в отдаленные районы тепло и свет, скрытые в черных блестящих кусках угля, доверху заполняющих кузова машин.

Это месторождение — «черная жемчужина Колымы» было открыто в 1935 году.

Мне хочется рассказать, как и при каких условиях оно было найдено.

Сейчас геолог, отправляющийся в поле, отчетливо предоставляет себе, где и как он будет работать. В его распоряжении имеются точные карты и материалы аэрофотосъемки. Ему ясен не только внешний облик района работ, но и основные черты его геологического строения. Из многочисленных отчетов ранее работавших исследователей он

может получить необходимые сведения как о своем участке, так и о смежных площадях.

А тогда, в то далекое время, мы, геологи, выезжая на полевые работы, не представляли себе ни точных границ своего района, ни его топографии, не говоря уже о геологическом строении. Карт у нас не было, и только редкие астрономические пункты, разбросанные на необъятной пустынной территории, являлись опорными точками, к которым, да и то не всегда, мы могли привязать геологическую съемку.

Нам приходилось работать в районах белых пятен, относительно которых часто не было никаких сведений. Получать их удавалось путем расспросов местного населения, которое изредка встречалось на нашем пути. По этим, порой путаным и противоречивым, рассказам мы составляли схему гидросети района наших будущих работ. Несмотря на грубость и примитивность, эти схемы представляли для нас исключительную ценность: других ведь не было.

Отсутствие карт очень осложняло работу. Приходилось, наряду с основным занятием — геологической съемкой, требующей неустанного напряженного внимания, заниматься составлением топографической карты, пользуясь методом так называемой глазомерной съемки.

В нормальных условиях геологу полагается иметь помощников — коллекторов и старших коллекторов. По инструкции Геологического комитета коллектором мог быть студент первого или второго курса геологического вуза. Что касается старшего коллектора, то его обязанности мог выполнять либо студент пятого курса, либо выпускник высшей школы. Поскольку нам приходилось работать в не совсем нормальных условиях, нашими ближайшими помощниками были так называемые коллекторы-съемщики, на обязанности которых лежало ведение глазомерной съемки. Это в основном были малограмотные парни, обычно из числа заключенных уголовников с небольшими сроками заключения. Они кончали краткосрочные трех-четырехмесячные курсы, после чего их распределяли по полевым партиям. Их все время надо было направлять и контролировать, так что у геолога на составление топографической карты уходило не меньше трети рабочего времени. О старших коллекторах при той нехватке кадров, какая существовала на Колыме, не приходилось даже и мечтать.

К месту работ, нередко за сотни километров, нужно было добираться по бездорожью, обычно поздней весной, на измученных зимними перевозками оленях, торя дорогу по снежной целине.

Но все эти трудности окупались сознанием того, что ты первый ступаешь на новую, никем еще не исследованную территорию. Тебе выпало счастье первому ознакомиться с ней, раскрыть ее сущность и поведать о ней другим. Вот это ни с чем не сравнимое ощущение первооткрывательства в сочетании с молодостью и верой в богатейшие перспективы края давало нам возможность сравнительно легко переносить трудности, которые в других условиях, может быть, и казались бы непреодолимыми.

Перелистывая сейчас пожелтевшие, выцветшие страницы многочисленных дневников, я опять переношусь в то далекое неповторимое прошлое, когда мы, молодые, здоровые, полные сил, энергии, юношеского задора и энтузиазма, штурмовали тайгу, с каждым годом все дальше проникая в ее необозримые владения.

Начало пути

В начале мая 1935 года я вернулся из отпуска в Магадан. К этому времени он стал уже вполне оформившимся, большим поселком, даже с некоторой претензией на щегольство. Некоторые домики радовали глаз своим своеобразным архитектурным оформлением. Хотя в основном поселок состоял из одноэтажных строений барачного типа, в нем уже было около десятка двухэтажных стандартных домов. Некоторые из них сохранились до настоящего времени. Грязь в нем, правда, стояла непролазная, но кто будет обращать внимание на такие мелочи при рождении нового города, который строится ураганными темпами!

Сразу же по прибытии, я получил назначение на должность начальника отдаленной Аян-Юряхской партии, работавшей в истоках Колымы. Временно возглавляемая геологом И. Д. Гавриловым, она уже находилась в поле.

Время было позднее — вот-вот в тайге начнется весенняя распутица. До ее наступления нам надо было добраться до Горного управления, находившегося в 400 километрах от Магадана, в среднем течении Оротукана. Там нам должны были обеспечить дальнейшее продвижение.

Из Магадана я взял с собой прораба-поисковика — своего старого знакомого Алексея Николаевича Успенского. Он раньше работал смотрителем разведочных работ на Среднекане и тоже только что вернулся из отпуска. Алексей Николаевич — высокий, слегка рыжеватый, невозмутимо покуривавший вечно торчащую изо рта трубочку, спокойный, рассудительный и молчаливый.

Больше всего нас беспокоило, успеем ли мы до наступления

ледохода перебраться на противоположный берег Колымы. Нам сообщили, что пока еще Колыма не тронулась, но до вскрытия ее остаются считанные дни, а быть может, даже часы.

По Оротукану почти во всю его ширину с шумом бежала верховая вода, а так как зимняя дорога переходила с одной стороны русла на другую, нам много раз приходилось переезжать его. Вода местами доходила лошадям почти до брюха.

Проехав километров двенадцать, мы с удовлетворением увидели, что опередили движение воды. Перед нами лежало заснеженное русло Оротукана. В пути нам пришлось немного задержаться, чтобы дать отдых уставшим лошадям, и к Спорному мы подъезжали в предвечерних сумерках. Только что мы перебрались на противоположную сторону Оротукана по запорошенной снегом поверхности — льда, как вдруг услышали какое-то всхлипывающее бульканье. По руслу журча побежали сначала струйки, затем потоки и, наконец, каскады воды, которые в несколько минут превратили сухое русло в бурный, бушующий поток.

Расторопный начальник оленьего транспорта Сыромятников, предупрежденный по телефону, успел подготовить к нашему приезду оленей, и рано утром 15 мая мы отправились в дальнейший путь. Идти пришлось целиной, торя дорогу по раскисшему снежному покрову. Мы шли цепочкой, с трудом вытаскивая ноги из кисельного месива талого снега. За нами, хрипя и задыхаясь, с трудом тащили нарты худые, измученные зимними перевозками олени. Солнце струило с неба потоки жарких лучей. Любители загара шли раздетые по пояс.

Мы спешили изо всех сил, но все же, подойдя утром 17 мая к Колыме, увидели, что она уже вскрылась. Пришлось сгрузить вещи на берегу, разбить палатки и, отправив обратно оленей, искать выход из положения. Выход же был только один. Надо было как-то добираться до Хатыннаха и просить Краснова помочь нам перебросить груз конным транспортом.

Напротив нашей стоянки в Колыму впадал небольшой ключик Бюченнах, в устье которого виднелось несколько небольших бараков. Там раньше велась золотодобыча. Сейчас на ключе оставалось только два или три человека, причем у них была лодка. После небольшого совещания было решено, что мы с Успенским отправимся на Хатыннах договариваться с Красновым, а Котов подготовит грузы обеих партий для переброски их вьючным способом, чтобы не задерживать лошадей, которых пришлет Краснов.

На небольшой утлой лодчонке, которую нам любезно перегнал один из обитателей Бюченнаха, мы с Успенским

переехали на противоположный берег Колымы и быстро зашагали по раскисшему зимнику, ведущему на Хатыннах.

Дорога на Хатыннах

Нам предстояло пройти около 100 километров. Дорога была не из легких. Особенно трудной показалась она Алексею Николаевичу: у него и комплекция немного «сыровата», и темперамент не тот, а главное, годы дают себя знать — ему ведь уже под пятьдесят. Он частенько отставал и время от времени облегчал душу крепкими забористыми выражениями. Да и как не выругаться, когда вокруг густые заросли, кочкарник, раскисшие болота и огромные пятна пропитанного водой снега, который проваливается под ногами, каждый раз заливая за голенища новую порцию ледяной воды. Какой-нибудь крошечный болтун-ключишко, у которого летом с трудом выпросишь воды для чая, теперь бунтует, ревет и бесится, норовя сшибить тебя с ног и унести в тартарары. Ключи побольше были уже почти непреодолимой преградой.

Нам приходилось делать нехитрые мосты через все эти большие и малые потоки: рубить растущие на их берегах деревья и по ним перебираться на другую сторону, Успенскому тяжело достается переход по этим, с позволения сказать, мостам. Сначала он пытается, по моему примеру, своим ходом перейти по шатающемуся бревну на противоположный берег, но нервы его не выдерживают, и он после двух-трех робких шагов возвращается обратно. Немного постояв, он решительно машет рукой и либо на четвереньках, либо сидя переползает на другую сторону, не выпуская изо рта своей неизменной трубочки.

Зимняя дорога отчетливо выделялась на местности широкой полосой густо рассыпанного овса — след зимних перевозок. Задевая за кусты и деревья, непрочная упаковка не выдерживала, рвалась, и овес беспрерывной струйкой высыпался на землю, оставляя заметный след, который четко обозначал дорогу.

Солнце уже начинало склоняться к горизонту, а мы все еще шли по унылой однообразной равнине, устало хлюпая натруженными ногами. Стало подмораживать. Впереди послышался глухой шум, который по мере нашего приближения становился все громче и громче. И вот наконец показался берег какого-то большого ключа, который с гулом и клёкотом мчал свои вспененные воды по широкому руслу. Здесь уже не перебросишь на противоположную сторону спасительное дерево-мост. Мы грустно брели вдоль берега, но, увы, подходящих для перехода мест не было видно. А на противоположной стороне из-

за небольшой рощицы, как будто поддразнивая нас, к небу поднимались синеватые струйки дымков, говорящие о жилье, ночлеге и отдыхе.

В одном месте поток, встретив большую наледь, разбился на несколько отдельных русел. Здесь мы и решили перебрести его.

Крепко взявшись за руки, мы после нескольких бесплодных попыток с большим трудом, по пояс в воде, наконец добрались до противоположного берега. Иззябшие и мокрые, лязгая зубами, потрусили мы к жилью — небольшой дорожной командировке. Ее начальник устроил нас в своей маленькой конторке, и мы, поужинав и напившись чаю, крепко уснули.

На следующее утро, распростившись с гостеприимным хозяином, мы вновь зашагали по раскисшему зимнику.

Вечер застал нас на берегу Ат-Юряха, довольно крупного притока Колымы. Нам говорили, что осенью через Ат-Юрях был перекинут мост, однако весенним паводком его снесло. Перед нами встала трудная задача — переправиться на ту сторону. Решение ее мы отложили до утра, а пока что, выбрав местечко посуше, разложили огромный костер и, поужинав горячим чаем с галетами и сгущенным молоком, попытались уснуть на прогретом галечнике. Однако ночь была слишком холодная. Снизу нас припекало, сверху, наоборот, приморaживало. Мы на короткое время впадали в зябкую полудрему, беспрерывно переворачивались с одного бока на другой и, наконец, видя, что уснуть все равно не удастся, взялись за изготовление маленького плотика, который должен был перебросить нас через бурный Ат-Юрях.

Теоретически мы знали, как вяжутся плоты, но теория и практика — разные вещи. Теория, как известно, — это «как сшить сапоги», а практика — «сшить сапоги». Воплотить на практике наши теоретические познания оказалось нелегко. Особенно трудно досталась нам вязка плота с помощью распаренных тальниковых прутьев. Начав работать в два или три часа ночи, мы закончили наше сооружение только к девяти часам утра. Выглядело оно не особенно солидно. Плот был собран из шести пятиметровых сухих тополевых бревен, соединенных тальниковыми кольцами с двумя поперечинами — ронжами. Весел у нас не было, их заменяли длинные шесты. Сделав на плоту небольшой помост, мы положили на него наши рюкзаки и, оттолкнувшись от берега, отдали себя во власть стихии.

Течение подхватило плот и быстро помчало вниз. Плот вел себя превосходно, и сердца наши радовались при виде того, как основная струя постепенно приближает нас к противоположному берегу. Однако на полпути плот внезапно стукнулся о коряжину

и… стал распадаться на составные части, Мы с ужасом увидели, как вниз по течению, покачиваясь на волнах, поплыли кольца, связывавшие бревна.

К счастью, авария произошла на отмели. Стоя по колени в мутной, бешено несущейся воде, мы, с трудом удерживая остатки плота, принялись за ремонт. Уцелевшие кольца были перевязаны, к ним добавлены наши пояса, и разрозненная, разъезжающаяся в разные стороны груда бревен вновь обрела облик плота. Взобравшись на него, мы поплыли дальше, ежеминутно ожидая аварии. Белопенная струя поднесла нас к берегу, крепко ударила о него, и хотя мы оба кувырком полетели в воду, но все же успели и сами выбраться на берег, и спасти вещи.

В общем все обошлось благополучно, и наш дальнейший путь практически проходил без происшествий. На третий день к вечеру мы добрались до Хатыннаха.

Краснов встретил нас очень тепло и быстро организовал конный транспорт. Через несколько дней все было переброшено на Хатыннах. Первый этап пути был благополучно завершен.

Началась сложная процедура подготовки ко второму этапу. Несмотря на старую дружбу и теплые взаимоотношения (мы вместе зимовали в Усть-Среднекане в 1931 году), Краснов беспощадно сокращал наши заявки по всем пунктам. Объективно рассуждая, винить его было не за что. Он сам испытывал во всем острый недостаток, ему надо было в кратчайший срок наладить золотодобычу в совершенно новом районе. Нам, однако, от этого легче не было.

Ссылаясь на то, что в полевые партии заброшено в достаточном количестве все необходимое, он выдал нам на дорогу месячный запас продуктов по очень скромным нормам, а также кое-какое снаряжение и оборудование в дополнение к привезенному из Магадана. Больше всего я был рад тому, что получил от него хорошего промывальщика — заключенного с забавной фамилией Кулеш. Он был мне выдан под расписку на мою личную ответственность.

Теперь я был спокоен. Имея прораба и промывальщика, можно было начать работу в любых условиях.

В хлопотах и сборах время проходило быстро. Все мы с нетерпением ожидали дня отъезда, и вот наконец он наступил.

Мы покидаем Хатыннах

9 июня мы распростились с Хатыннахом и отправились в далекий неведомый путь. Проводником у нас был якут Винокуров из партии Котова. До якутского поселка Оротука обе партии шли

вместе, потом пути наши расходились: Котову надо было идти на Кулу, мне — в верховья Аян-Юряха.

Винокуров собирался вести нас несколько странной дорогой, через Дусканью и Уйкан. Это примерно то же, что ехать из Москвы в Ленинград через Курск. Однако Винокуров уверял, что другого пути для лошадей нет. Перевал из Сухахы в Тыллах в это время года для лошадей непроходим из-за снега. Даже продвигаясь выбранным нм путем, наши лошади будут страдать от плохих кормов. Нам приходилось верить ему на слово, хотя и обидно было делать такой огромный крюк.

Мы ехали втроем — Успенский, промывальщик Кулеш и я. Слово «ехали» не совсем верно: все мы шли пешком.

В нашем распоряжении было девять лошадей, невзрачных, тощих, слабых. Столько же было у Котова.

Перевалив в небольшой приток Дебина — ключ Ягодный, мы пошли вниз по его широкой долине, где в изобилии был прекрасный корм для наших коняг.

Значительно хуже стало, когда мы подошли к Дебину и стали спускаться вниз по его долине. Тропа, по которой мы шли, скоро уперлась в русло. Ее продолжение виднелось на противоположном берегу. Из-за высокой воды Дебин в это время года недоступен для перехода вброд. Пришлось идти по его левой, заболоченной террасе, покрытой ягелем, где для коней не было корма. Мы шли по только что прорубленной просеке с уходящими вдаль рядами белых телефонных столбов. Только поздно вечером нам удалось отыскать небольшую полянку, покрытую чахлой травой, которой явно не хватало для наших восемнадцати лошадей.

В довершение всего выяснилось, что в двух километрах ниже Дебин прижимается к левому берегу и пройти с лошадьми в этом месте невозможно.

Пришлось задуматься над тем, как двигаться дальше. Надо было как-то переправляться. Мы внимательно осмотрели местность. В одном месте посередине Дебина находился большой остров, и ширина реки здесь не превышала шестидесяти метров. Около этого острова мы решили организовать паромную переправу на плоту. У нас, к счастью, было много тонкой и прочной вьючной веревки, изготовленной из манильской пеньки.

Вскоре был сооружен небольшой плот, состоящий из семи четырехметровых сухих тополевых бревен. Поднимал он 150–170 килограммов груза. Главное было перебросить на остров конец веревки, привязанной к носовой части плота. Вторую веревку закрепили на корме; теперь плот можно было перетягивать вручную с берега на берег.

Коллектор котовской партии Грайков и я, оба любители водных процедур, взяли на себя выполнение этой задачи. Захватив зубами конец веревки, мы кролем перемахнули через Дебин и перетащили к себе плот с первой партией груза. После этого плот, как по расписанию, задвигался от берега к берегу. Плохо было только, что выгрузка происходила сначала на острове и процедуру переправы пришлось повторять дважды. Лошадей мы перегнали вплавь.

Переправа через Дебин заняла у нас около семи часов непрерывного труда. Зато теперь мы могли быть спокойны. Крупных рек по пути до Оротука не было. Вскоре мы вышли на оротукскую тропу.

Дни пути проходили неторопливой чередой, заполненные однообразными дорожными происшествиями. Установилась ясная теплая погода, и комары все сильнее давали себя знать. Наши бедные лошади сильно страдали от этой нечисти. На ночевках приходилось раскладывать огромные дымокуры, чтобы дать коням нормально отдохнуть. Для этого надо было найти, собрать и принести побольше разного гнилья, которого, как нарочно, встречалось немного. Без дымокура лошади быстро вышли бы из строя от истощения.

Дымокур — это своего рода лошадиный клуб. Около него все время толпятся лошади. Поест, поест какой-нибудь коняга вкусной сочной травки и, смотришь, галопом несется к дымокуру, лезет чуть ли не в самый огонь. Очистится немного от назойливого гнуса и стоит с блаженным выражением на морде, дремлет, отдыхает. Постоит, отдохнет и опять рысью мчится на кормежку.

18 июня тропа свернула в сторону от Дебина и повела нас по долине его правого притока — речки Дусканьи. Дорога по Дусканье была неплохая — сухая, с достаточным количеством травы и отчетливо выраженной тропой. Раньше в заболоченных просторах долины Дебина тропа часто терялась и на поиски ее приходилось тратить много времени.

Единственное, что нас беспокоило, — это перевал из Дусканьи в приток Колымы — ключ Уйкан. В памяти крепко сидели слова из отчета проходившего здесь в 1932 году геолога А. А. Арсеньева: «Перевал из Дусканьи очень высокий и крутой, трудно преодолимый». С ними перекликались слова нашего проводника Винокурова: «Однако перевал-то кусаган да кусаган (плохой да плохой), много тас (камня). Шибко высокий, и, наверно, снег будет лежать». Нас не на шутку беспокоило, как нам удастся перевалить его с нашими слабыми, истощенными лошадьми.

Все, однако, обошлось благополучно. Наши лошади, хотя и с трудом, преодолели этот крутой и длинный перевал, и мы спустились в долину Уйкана, впадающего непосредственно в Колыму.

Теперь дорога шла по хорошо видимой тропе, которая местами исчезала, упираясь в огромные тарыны — наледи.

Своеобразное зрелище представляют эти громадные, свыше километра в поперечине, пятна белесо-голубоватого льда, окаймленные густой зеленью леса. Идти по льду замечательно. Нога спокойно ступает по плотной сухой поверхности, на которой только в понижениях образуются лужицы и небольшие озерки. Лицо обвевает прохладный ветерок, и количество комаров сразу уменьшается. Мощность тарынов достигает пяти и более метров, и многие из них за лето не успевают растаять.

Временами после наледей мы теряли тропу и шли просто долиной реки. Однажды метрах в ста пятидесяти от нас я увидел медвежонка-пестуна, очень похожего на плюшевую игрушку.

В отличие от взрослых медведей, которые имеют черную или бурую окраску, он был грязно-серый. Не замечая нас, медвежонок медленно двигался наискосок, углубившись в свои медвежьи думы.

Отчетливо ощутив во рту вкус жареного медвежьего мяса, я тихонько вложил в свою, двустволку пару жаканов, крайне сожалея, что винчестер находится у Успенского, который медленно плелся где-то сзади. Все шло как нельзя лучше, но вдруг кто-то, внезапно увидев медвежонка, закричал: «Медведь! Ату, ату его, Айка!» (Айка — маленькая невзрачная собачонка из партии Котова). Конечно, после этого крика медвежонок пустился наутек и мгновенно исчез.

Вместо мяса пришлось удовольствоваться диким луком, который в изобилии рос прямо на прибрежной сланцевой щетке. Рабочие с жадностью набросились на него, да и все мы отдали честь этой славной целительной травке.

Мы только что приехали с «материка», и в наших организмах было еще достаточное количество витаминов; впрочем, даже те, кто оставались здесь зимовать, почти забыли о цинге, которая страшно свирепствовала в первые годы освоения Колымы. Я помню, с каким ужасом смотрели мы, как на «Днепрострой», на котором мы прибыли в 1931 году в бухту Нагаева, грузили на носилках желтых, исхудалых, похожих на тени людей, которые сами не в состоянии были двигаться. Все это были жертвы цинги — немногие счастливцы, которые выжили до прихода парохода. Попав на «материк», они быстро поправлялись.

Медицинская служба Дальстроя сразу повела серьезную

борьбу с этим недугом. Противоядие против него нашлось на месте. Это была хвоя кедрового стланика, содержащая большое количество витамина «С». Мелко нарубленная, залитая горячей водой, она выделяла наряду с прочими веществами необходимый витамин. Эта горьковато-кисловатая жидкость со своеобразным вкусом и запахом стала могучим целительным средством против грозного недуга, ежегодно уносившего большое количество человеческих жизней. Интересно, что средство это давно было известно старателям-таежникам, но как-то не получило широкого распространения. Большой заслугой медслужбы Дальстроя было то, что она воскресила и в обязательном порядке внедрила этот старинный народный способ, полностью ликвидировав заболевания цингой.

Прибытие в Оротук. Дальнейший путь

До Оротука мы добрались только 28 нюня, т. е. через девятнадцать дней после выхода из Хатыннаха.

Поселок Оротук находится на правом берегу Колымы, а наш дальнейший путь пролегал по левобережью.

Однако нужно было познакомиться с местными властями и попытаться найти проводника. Поэтому, мне и Успенскому пришлось перебираться на другую сторону. По узенькой тропке мы направились к берегу Колымы. Тропка привела нас к небольшой заводи, куда, судя по следам, приставала лодка. Сейчас там было тихо и пустынно. В течение получаса нарушали мы истошным криком тишину знойного летнего дня и время от времени стреляли в воздух. И вот наконец от противоположного берега отчалила лодка с двумя людьми. Один из сидевших в лодке был вооружен и оказался стрелком ВОХРа (внутренней охраны). Стрелок сообщил нам, что около Оротука было задержано несколько беглых лагерников — «беглецов», как их здесь именуют, и рекомендовал, принять меры предосторожности против посещения этих незваных гостей.

На лодке мы быстро переехали Колыму и остановились в протоке, около которой расположен Оротук. Я бывал в этих местах в 1932 году, и мне интересно было посмотреть, какие изменения произошли здесь за три года.

По узенькой тропинке поднялись мы на высокую залесенную террасу и после десяти-пятнадцати минут ходьбы вышли на большую поляну со следами свежей порубки.

На поляне высилось новое здание длиной около пятидесяти метров. Около него, утопая в облаках густого едкого дыма, спасаясь от комаров, стояло, десятая два низкорослых якутских

коров с телятами. Морды телят были закреплены дощатыми тисками для того, чтобы они не сосали своих мамаш. Это был недавно выстроенный колхозный скотный двор. Маленькая якуточка при виде нас поспешно скрылась в дверях низенькой хибарки, но скоро выглянула оттуда и с любопытством стала нас рассматривать. На наш вопрос, где находятся школа и фактория, она ответила, показывая рукой куда-то в сторону: «Бу (там) школа, фактория — одна компания».

Идя по тропке в указанном направлении, мы примерно через километр хода по густой тайге вышли к «одной компании». Школа и фактория действительно находились почти рядом, на расстоянии каких-нибудь ста метров одна от другой. Это были два новых деревянных здания, причем не бараки таежного типа, а добротно выстроенные помещения. Я припомнил, как в 1932 году наши партии внесли свою посильную денежную помощь в строительство этой школы, и с особым любопытством стал рассматривать ее. Все в ней оказалось в полном порядке, за исключением того, что окна вместо стекол были затянуты кусками белой материи.

В фактории нас приветливо встретил ее заведующий Паколин, высокий чернявый человек, лет под сорок, с чуть заметной косинкой темных наблюдательных глаз. Он давно уже работает в таежных торговых организациях и вот теперь приехал поработать на Колыме, о которой так много наслышался. Вскоре подошел секретарь сельсовета Костя Андреев, молодой белобрысый парень, веселый и подвижный; он быстро согласился выделить нам проводника-каюра.

Паколин пригласил нас к себе в дом. Нашлась и заветная чарочка. Правда, закуска была довольно скудная: фактория сидела без сахара, соли, муки, крупы и других необходимых продуктов. Основным видом довольствия были местные ресурсы — свежая рыба.

После обеда Костя Андреев пошел подыскивать каюра, а мы с Успенским остались у Паколина.

Вечером к фактории стали подходить местные жители. Среди них оказалось много старых знакомых по 1932 году. Лица я узнавал, но имена и фамилии безбожно путал, что вызывало веселый смех и шутки, соли которых я по незнанию языка не разумел.

Костя познакомил меня с нашим новым каюром — Семеном Кривошапкиным. Это был пожилой рослый якут, который, несмотря на свои пятьдесят девять лет, выглядел не старше сорокапятилетнего. Степенный, полный собственного достоинства, он произвел на меня очень хорошее впечатление, и

мы быстро договорились. Хорошо было и то, что он сносно говорил по-русски, так что теперь у нас был свой переводчик.

Мы начали советоваться с ним о дальнейшем пути. В нашем распоряжении была карта К. А. Салищева, участника экспедиции С. В. Обручева в 1929–1930 годах, очень схематичная. Я показал Семену, каким путем мы шли, место, куда нам надо попасть, и спросил, может ли он показать, как мы будем двигаться дальше и скоро ли доберемся до места. Он долго и сосредоточенно рассматривал карту, поворачивая ее то так, то этак. Затем, попросив карандаш и бумагу, стал рисовать схему нашего дальнейшего продвижения.

У меня волосы встали дыбом, когда я увидел, каким сложным, запутанным путем придется добираться нам к месту работ. Мы уже сделали огромный крюк, а впереди намечается еще больший. От Оротука надо идти до Ухомыта и подниматься вверх по нему, а затем по Бёрёлёху до жилья якута Ильи Балаторова, у которого есть лодка. Переправившись на противоположную сторону, мы должны идти вниз по Бёрёлёху, а затем подниматься по Аян-Юряху.

Я спросил, есть ли возможность сократить путь. Кривошапкин отрицательно покачал головой. Через Бёрёлёх с нашим грузом мы сможем переправиться только около юрты Балаторова. Что касается срока прибытия, то дорога займет по меньшей мере полмесяца.

Итак, наш маленький отряд увеличился на одного человека и на одну лошадь. У Семена был свой красавец конь, богатырь светло-серого цвета, похожий на одного из васнецовских коней. Между прочим, все якутские лошади имеют белесую окраску в отличие от наших «материковских», разномастных.

Кривошапкин попросил на сборы два дня. Пришлось согласиться. А пока что в наш лагерь приходили целые толпы посетителей. Мужчины и женщины, старики и молодежь в одиночку и группами с утра до вечера толпились у нашей палатки. Мы не могли, разумеется, оставить гостей без угощения. За эти два дня нашим продуктам, в особенности сахару и муке, был нанесен серьезный ущерб, а мы и без того переживали жесточайший продовольственный кризис.

Иногда фортуна повертывалась к нам лицом. Как-то, проходя по тропе, мы обнаружили небольшую полянку, покрытую рассыпанными зернами чечевицы. Мы тщательно собрали ее вместе с мхом. Поскольку чечевица тяжелее воды, ее очень быстро отсортировали, промыв в лотке. Полянка «подарила» нам около пяти килограммов питательного вкусного продукта.

Как впоследствии выяснилось, чечевицу нечаянно рассыпали

стрелки ВОХРа, у которых ее много. Они заходили к нам в гости и на мой вопрос, не согласятся ли они сменять свою чечевицу на урюк, консервированное молоко, компот и прочие вкусные, но не сытные вещи, ответили восторженным согласием. По словам начальника охраны, он вообще не потребляет этой «гадости», которую неведомо зачем включили в норму. И вот тут-то мы сделали крупнейший тактический просчет. Мы угостили их в числе прочего прекраснейшими пирожками, начиненными смесью чечевицы с мясными консервами. Отведав их, стрелки осознали свою ошибку и под разными предлогами отказались от мены.

Наконец прибыл Семен на своем красавце коне, нагруженном сверх меры всяким добром, и мы отправились в путь.

На Бёрёлёхе

Только 4 июля мы добрались до жилья Ильи Балаторова на берегу Бёрёлёха, недалеко от устья ключа Салгыбастаха.

Дорога нас основательно вымотала. Каждый день мы двигались в течение десяти-одиннадцати часов — казалось бы, не так уж много. Однако это ходовое время приходилось разбивать, перемежая его несколько раз трех-четырехчасовым отдыхом. Без этого наши слабые лошади были бы не в состоянии двигаться дальше. Им необходимо было немного подкормиться и отдохнуть. В пути их слишком донимали комары: серой копошащейся массой они сплошь покрывали все незащищенные места. На остановках приходилось раскладывать многочисленные дымокуры. Особенно страдали наши «материковские» лошади. Якутские гораздо спокойнее относятся к этому привычному неизбежному злу.

Последние дни пути стояла ненастная, дождливая погода, и мы все время останавливались на ночлег мокрые и иззябшие. Радовало только, что корм для лошадей был очень хороший и что ни одна из них не вышла из строя. В этом — была и заслуга нашего промывальщика Кулеша. Он до самозабвения любит лошадей, из-за которых и попал в лагерь. Кулеш — еще совсем молодой парень, лет двадцати восьми – тридцати, родом из Владикавказа. Там с группой сотоварищей он промышлял кражей колхозных коней, которых они перекрашивали, по-иному обстригали, чтобы их не узнали, и продавали горцам. За эти «художества» Кулеш получил десять лет исправительно-трудовых лагерей. До окончания срока ему остается около полутора лет, и его, как краткосрочника и добросовестного работника, отпустили в полевую партию.

Кулеш прекрасно разбирается в самочувствии лошадей и их хворостях и умеет вовремя применить необходимое лечение. У

одной из лошадей случилась задержка с мочеиспусканием. Не знаю, как Петр и Семен определили это, но только Семен, покачав головой, мрачно произнес: «Однако совсем кусаган (плохо), кончал конь, чисто кончал». Петр, загадочно усмехнувшись, потрепал Семена по плечу и произнес: «Ничего не кончал. Учись, как у нас на Кавказе лошадей лечат». Петр вскипятил в чайнике воду, заставил держать лошадь и крутым кипятком стал поливать ей крестец. Видимо, от нестерпимой боли, которая заставила лошадь тонко, по-бабьему взвизгнуть, у нее пошла моча, и лошадь была спасена. Семен только удивленно покачал головой и после этого стал с почтением относиться к Петру.

К юрте Ильи Балаторова мы подъехали около полудня. Она стоит на самом берегу Бёрёлёха в очень живописном месте. Здесь и река, и лес, и большая поляна для пастбища, покрытая густой сочной травой, и неизменное озерко, в котором водится рыба и гнездятся утки.

Илья встретил нас очень приветливо. Это высокий, худой одноглазый пожилой якут с каким-то скорбным, загнанным выражением лица. Живет он совершенно один и большую часть времени проводит у своего более зажиточного брата, обитающего несколько выше по Бёрёлёху, около устья Сусумана.

Развьючив коней и отпустив их пастись, мы расположились в одной на юрт, разместившись на широких, просторных лавках каждый по своему вкусу. В юрте было сыро и неприглядно, но ярко горящий камелек вскоре создал приятную атмосферу тепла и уюта. Мы напились чаю, поужинали и, согревшись снаружи и изнутри, улеглись спать.

А ночью, как говорится в детской сказке, «пришли хабиасы» в виде обильных струек дождя и запели: «Зальем, зальем избушку». Целую ночь раздавалось их назойливое пение и с потолка юрты каскадами лилась вода, образовавшая на полу огромные лужи. К счастью, над лавками капало сравнительно мало, и мы встали только слегка подмокшими.

Наступило утро, а дождь все лил и лил, то усиливаясь, то слегка затихая. Бёрёлёх вспух и почернел. По его пенистому руслу неслись, кружась в водоворотах, коряжины, кусты и ветви. За ночь вода прибыла более чем на метр, и юрта, стоявшая вчера на крутом, обрывистом берегу, сейчас находилась почти у самой воды, которая все прибывала и прибывала. Время от времени с гулким шумом в воду обваливались участки берега. Пришлось срочно вьючить лошадей и выбираться на более возвышенное место. Мы отошли подальше и разбили палатки на одной из террас Бёрёлёха.

Было очень обидно сидеть сложа руки в ожидании

возможности переправиться на ту сторону реки. До устья Эелика, где находилась база нашей партии, по словам Кривошапкина, оставалось около 200 километров скверной дороги. Единственным утешением в этом вынужденном сидении было то, что наши коняги немного отдохнут и поправятся на сытных, сочных кормах. Зато с продуктами у нас дело обстояло очень плохо, и мы систематически недоедали. Щеки наши ввалились, и ни единой капли лишнего жира в организмах было не сыскать. Успенский, гордо носивший выпяченное вперед брюшко, давно уже подтянул ремень до последней дырочки и теперь прорезывал в нем новые отверстия.

Дождь прекратился только 7 июля, и мы стали готовиться к переправе. У Ильи была старая дырявая лодка, которую он вместе с Семеном привел в более или менее пригодное состояние, плотно законопатив щели обыкновенным мхом.

Вода стала быстро спадать, и 8 июля мы приступили к длительной и сложной процедуре переправы.

Вещи, сложенные в удобном месте на косе, частями грузились в лодку, которая под управлением Семена совершала рейсы вниз по течению и приставала к галечной отмели противоположного берега. Здесь вещи складывались на сухое место, и лодка возвращалась к исходному пункту. Эта операция повторялась более десяти раз.

Если с переброской вещей дело обстояло весьма прозаично, то переправа лошадей оказалась сплошной романтикой и заняла гораздо больше времени, нежели переброска вещей.

По плану все должно было происходить очень просто. У лошадей весьма развито чувство подражания. Если, например, одна из лошадей, допекаемая комарьем, вдруг вздумает немного поваляться с грузом на спине, немедленно начинается всеобщее кувырканье. По нашему общему мнению, стоило только одного авторитетного члена конского «коллектива» пустить вплавь, держа на поводу, как все остальные слепо поплывут за ним. Так и было сделано. Семен решил даже двух коней взять на причал, и вся орава, понукаемая нашими криками, дружно бросилась в воду.

Однако через некоторое время, когда резвое течение быстро понесло всех вниз по реке, начались крупные неполадки. В несколько ином варианте повторилась история с раком, лебедем и щукой: две причаленные к лодке лошади поплыли в разные стороны, и одну из них пришлось отпустить во избежание неприятностей. Все остальные лошади с полдороги завернули к знакомому берегу и скрылись в кустах. До места после долгого пути добрался только конь, которого буксировала лодка.

Пришлось ловить лошадей, подгонять их к прежнему месту и т. д. Все это продолжалось очень долго.

Теперь коней взялся переправлять по кавказскому методу Пётр. Скинув брюки, он взгромоздился на Рыжку и бодро поплыл вниз по течению, а мы с воплями и применением физических мер воздействия стали загонять лошадей в воду. Они долго сопротивлялись, но наконец, не выдержав нашего натиска, беспорядочной кучей поплыли вслед за Рыжкой и благополучно добрались до противоположного берега.

Словно тяжесть спала с души после того, как мы перебрались на другую сторону Бёрёлёха. Здесь, мы устроили роскошное пиршество. Подумать только, обед из целых трех блюд! На первое у нас был жирный бульон, на второе — поджаренные макароны с мясными консервами, на третье — кисель. Нам так омерзел вечный пшенный супец-кондер или неизменные галушки, что это пиршество надолго осталось в памяти. Затем мы тепло простились с Ильей, дав ему немного табаку, конфет, урюку, спичек и ружейного масла. Он остался очень доволен.

После обеда мы завьючили лошадей и отправились дальше.

От Бёрёлёха до Аян-Юряха

Дорога сразу изменилась к худшему. Теперь наш путь шел по болотам, в которых нога тонула почти до колена. Лошади шли надрываясь, еле вытаскивая ноги из хлюпающей коричневатой жижи. Количество комаров не поддавалось описанию. Это было какое-то комариное царство, в котором главная роль принадлежала крупной рыжей разновидности, кусающейся как-то особенно болезненно. Если нам, защищенным сеткой и плотной одеждой, порой приходилось невтерпеж, то надо себе представить, что чувствовали наши бедные лошади. Даже дымокур не давал им достаточного отдыха.

В свое время Билибин разработал шуточную шкалу определения количества комаров. Если удается идти, только изредка отмахиваясь от комаров, то «комара нет». Если беспрерывно приходится отмахиваться одной рукой, то «комар появился». Если недостаточно одной руки и приходится прибегать к помощи другой, то «комара мало». Если все время приходится отмахиваться двумя руками, то «комара порядочно». Если же и двумя руками не удается отмахиваться от них, то «комара много».

Здесь, пожалуй, не хватило бы и десяти рук, чтобы отбиться от этой нечисти. Комариная метель — вот подходящее определение для этого воющего ада.

На ночлег мы остановились только около двенадцати часов ночи, после того как выбрались на более сухое место.

На следующий день в одном из притоков Бёрёлёха мы наткнулись на брошенную почту, которую зимним путем не успели довезти до места и оставили на дороге. Зрелище это поразило нас. Две большие кожаные сумы, каждая пудов на пять, запломбированные, по-видимому с посылками и ценной корреспонденцией, валялись под открытым небом около старенького невзрачного барачка с дырявой крышей. В барачке было сложено семь или восемь рваных мешков с газетами и письмами, значительная часть которых успела превратиться в мокрую заплесневелую кашу.

Немного дальше белела большая полянка, усыпанная беспорядочно разбросанными газетами. Здесь же валялись два растерзанных мешка, которыми, как видно, всласть позабавился косматый хозяин тайги Михаил Иванович. Газеты были довольно свежие по этим местам — по первое марта включительно.

Перевалив через крутой водораздел, мы очутились наконец в системе Аян-Юряха, в его левом притоке Лошкалахе.

В устье Лошкалаха стоит астропункт, определенный экспедицией С. В. Обручева. Это невысокий деревянный столб с надписью «АП КОАН 1929 г.», т. е. астропункт Колымского отряда Академии наук. Рядом находится юрта якута Константина Аммосова, который живет здесь с женой и маленьким сыном. У Аммосова большое стадо. Мы насчитали больше двадцати коров разной расцветки, возраста, габарита и нрава. Удойность их очень невелика — полтора-два литра на корову.

При подходе к юрте создается впечатление, что здесь только что окончился пожар, настолько все затянуто густым едким дымом. Вокруг разложены небольшие дымокурчики из сухого коровьего помета, которые дают возможность людям и животным отдохнуть от комаров. За два коротких летних месяца на дымокуры расходуется весь навоз, заготовленный в течение года.

У Аммосова мы купили свежей рыбы, молока и масла, внеся приятное разнообразие в наше однообразное и скудное меню.

Привязавшись к астропункту, мы пошли далее уже со съемкой, время от времени беря пробы из галечных отложений. На мой вопрос, как перевести «Аян-Юрях», Семен растолковал мне, что по-якутски «аяныр» значит «далекий», а все вместе — «далекая река».

Наше продвижение по долине Аян-Юряха, несмотря на многочисленные заболоченные участки, проходило в общем вполне сносно. Вокруг расстилались роскошные пастбища с густой великолепной травой, и наши отощавшие кони смачно

жевали ее на ходу и в часы отдыха. Даже комаров стало как-то меньше, особенно после того, как 13 июля ударил хороший утренник, посеребривший инеем траву.

Опробование Аян-Юряха давало обычно пылевидные знаки золота — один-два знака на лоток. Чувствовалось, что золото выносится откуда-то выше, так как пробы из боковых притоков оказывались пустыми.

14 июля мы добрались до Эмтыгея — крупного левого притока Аян-Юряха. Около его устья расположено небольшое якутское урочище из нескольких юрт, в которых живут две семьи — Алексея Сивцева и Николая Ляглева.

Здесь, в небольшом, отдельно стоящем бараке, возглавлявший аян-юряхскую партию Гаврилов оставил на хранение несколько мешков муки, сахар, масло, консервы и другие продукты, что оказалось весьма кстати, так как наши продовольственные ресурсы подошли к концу и последнее время мы питались почти исключительно дарами природы — в основном рыбой, которую ловили Петр и Семен, пока мы с Алексеем Николаевичем брали очередную пробу. Оставив в бараке расписку с перечнем взятых продуктов, мы устроили настоящее пиршество.

Поручив Петру и Семену произвести перегруппировку наших вьюков, мы с Успенским отправились вверх по Эмтыгею для опробования.

Русло реки в устьевой части разбивается на многочисленные протоки, легко проходимые вброд на перекатах. Обращало на себя внимание разнообразие гальки. Здесь были и сланцы, и порфиры, и граниты, и кварц, и туфы, и какие-то странные шлаковидные породы разных расцветок; Пробы, взятые с кос и отмелей, неизменно содержали многочисленные знаки золота. Мы единогласно включили Эмтыгей в «резерв первой очереди» для дальнейшего исследования.

По словам Алексея Сивцева, протяженность Эмтыгея свыше 100 километров и он принимает в себя много крупных притоков. Вообще же ни Сивцев, ни Ляглев не жалуют почему-то Эмтыгей и почти не бывают в его бассейне. Они предпочитают охотиться по самому Аян-Юряху и его притоку Хинике.

15 июля поздно вечером мы добралась до устья Эелика — крупного правого притока Аян-Юряха, где находилась основная база Гаврилова. Его мы не застали. Он дня два тому назад со всем составом партии покинул базу. Сам Гаврилов отправился вверх по Аян-Юряху, а его помощник Филиппов — вверх по Эелику.

Всё это сообщил нам абориген этих мест, глубокий старик якут Николай Сивцев. Странно было видеть его, одетого, почти

как Робинзон, в одежду, сшитую целиком из выделанных звериных шкур. Так же была одета и его жена — маленькая сморщенная старушка. Он с незапамятных времен вдвоем с ней живет на устье Эелика, ведет типичное натуральное хозяйство, занимается охотой и рыболовством, имея в придачу пару десятков коров, из которых каждая дает молока меньше, чем незавидная коза в центральных частях Союза. Вся одежда Сивцева и его жены, начиная с обуви и кончая головными уборами, сделана ими самими.

Мы пригласили Сивцева и его жену поужинать с нами. Для последней это приглашение было, по-видимому, большой и неожиданной радостью. Она даже взвизгнула от восторга и время от времени смеялась счастливым детским смехом, сидя в нашей компании и восторженными глазами оглядывая обстановку внутри палатки. Ни она, ни ее муж почти ни слова не говорили по-русски, и переговаривались мы с помощью нашего переводчика — универсала Семена, который прекрасно разбирается в тонкостях якутских диалектов, значительно отличающихся у якутов, живущих в разных районах Колымы.

Так же как и якутов, живущих на устье Эмтыгея, я подробно расспрашивал Сивцева о характере рельефа и гидросети в верховьях Аян-Юряха, и его притоках, о тропах, кормах, проходимости и прочем; это давало возможность составить какое-то представление о совершенно незнакомой для нас местности, где нам предстояло работать. Беседа шла оживленно, и мы разошлись довольные друг другом.

Утром мы осмотрели лабаз, построенный Гавриловым недалеко от жилья Сивцева. Продуктов там было вполне достаточно. Рядом с лабазом белела палатка, но людей в ней не было. Около лабаза в беспорядке лежали приготовленные к отправке в партию мешки, ящики и кульки.

Через некоторое время к лабазу подъехали два якута. Расспросив их, мы узнали, что они работают конюхами партии и прибыли, чтобы перевезти подготовленный к отправке груз, и что стан Гаврилова находится в 20 километрах от устья Эелика. Вместе с ними мы и отправились в путь.

В лагере Гаврилова

17 июля, после тридцати восьми дней пути, мы добрались наконец до лагеря Гаврилова, расположенного в устье ключа Кону-Юрях. К сожалению, самого Гаврилова мы не застали: он ушел в трехдневный маршрут. Его помощник, прораб Дронов, проводил шлиховое опробование очередного притока Аян-Юряха

и должен был вернуться вечером. Я ждал его с большим нетерпением, рассчитывая получить первые надежные сведения о перспективности района, который, судя по моим беглым наблюдениям, в золотоносном отношении не представлял ничего интересного.

Разбив свою палатку, я обошел лагерь, чтобы познакомиться хотя бы в общем с бытом партии, которую мне предстояло возглавлять. Дисциплина была явно не в порядке. Начальство находилось на работе, а в палатках почему-то сидели трое толстомордых здоровых парней, которые целый день ничего не делали, развлекаясь борьбой, похабными анекдотами и уничтожением продуктов.

Публика эта встретила наше появление с явным неодобрением.

К вечеру вернулся из маршрута Саша Дронов, молодой смуглый хлопец с живыми черными глазами, говорливый и подвижный. Он бойко сыпал специальными терминами: «базис эрозии», «боковой размыв», «величина стока» и т. д. Его эрудиция ошеломила Алексея Николаевича, который почувствовал себя, несмотря на свой почтенный возраст, жалким приготовишкой по сравнению с этим молодым парнем, свободно оперирующим такими сложными понятиями. А у меня перед глазами стояла крупная надпись «Кл. Ашипка», каллиграфически выведенная на стволе дерева в устье одного из притоков Кону-Юряха. В элементарной грамоте Саша был не силен, ухитрившись в слове «ошибка» сделать две «ашипки».

У Дронова была схематическая карта верховьев Аян-Юряха, составленная им на основании опроса местных жителей, встречавшиеся по пути. Я показал ему свою аналогичную карту, после чего мы пришли к заключению, что такими картами можно пользоваться только в случае крайней необходимости. Это даже не схема, а только подобие схемы.

О геологическом строении района Дронов не мог сказать ничего определенного, поскольку эту часть работы проводил Гаврилов. С золотом дело обстояло плохо, но зато были признаки оловоносности во многих притоках Эелика и Аян-Юряха.

Я выразил удивление по поводу того, что в лагере находится так много бездействующих людей. Дронов объяснил мне, в чем дело. Оказалось, что недавно во время маршрута работники партии наткнулись на беглеца. Сейчас он находится у них в лагере, и за ним приходится все время присматривать — мало ли что может случиться.

…Две недели назад в жаркий летний день небольшой опробовательский отряд продвигался по узкой таежной тропке

вверх по Аян-Юряху. Люди размеренно шагали, спотыкаясь о многочисленные корни деревьев, узловато выпиравшие из-под мохового покрова. В воздухе колыхалась сплошная комариная завеса. Было нестерпимо душно. Шедший впереди промывальщик внезапно остановился. Перед ним на земле неподвижно лежал человек, одетый в грязные лохмотья. Человек был без сознания, и только судорожно вздымавшаяся грудь свидетельствовала о том, что он еще жив. Лицо его, густо заросшее рыжеватыми волосами, было прикрыто рваной сеткой. Человек изредка стонал. Истощен он был до невероятности, и если бы не случайная встреча с отрядом, то ему, вероятно, навсегда пришлось бы остаться на этом месте. У кого-то из рабочих в кармане случайно оказалось несколько сухарей. Приведенный в чувство, человек с жадностью съел их. После этого он с неимоверным трудом в течение чуть ли не пяти часов, поддерживаемый рабочими, преодолевал трехкилометровое расстояние до стана партии.

Сейчас он оправился и чувствует себя неплохо. По его словам, он бежал 8 мая из Магадана, где отбывал в лагере наказание за подделку денежных документов. Сам он бывший студент Ногинского электротехнического техникума. Срок заключения ему определен в три года, из них он уже два с половиной отсидел. На побег его подбил один из земляков, работавший кладовщиком в лагерном ларьке. Продуктами они были обеспечены примерно на месяц и надеялись, что к этому сроку успеют добраться до Якутска — обетованной земли, куда стремятся все беглецы из колымских лагерей. Во время перехода через какую-то речку он упал и сильно вымок. Выбравшись на берег, стал обсушиваться у костра, а в это время его товарищ потихоньку ушел, оставив его одного. Поскольку большая часть продуктов находилась у спутника, он вскоре начал голодать, но все же шел вперед, не теряя надежды выйти к жилью. В конце концов он добрался до брошенного поселка какой-то партии. Это оказалась база геолога Одинца, года два тому назад работавшего в верхнем течении Индигирки. В качестве вещественного доказательства он показал исписанную страничку из тетради, найденную им на базе. Она содержала начало описания геологического маршрута. Последние полмесяца он питался исключительно грибами, кореньями да прошлогодними ягодами, потеряв всякую ориентировку и пробираясь по тропе в надежде встретиться с людьми. Звать его Алексей, фамилия Соловьев, 1911 года рождения.

Я присмотрелся к беглецу. Внешне он производил неплохое впечатление. За время пребывания у Гаврилова он несколько подкормился, посвежел и, чисто выбритый и прилично одетый,

выглядел парнем хоть куда.

Появление в лагере беглеца заставило Гаврилова выделить двух человек для неусыпного наблюдения за ним. Дальнейшая судьба его оставалась неясной. Отправить его в Оймякон, за 120 километров, или в Оротук, почти за 200 километров, с выделением транспорта и людей для его доставки в разгар полевых работ было для партии непосильной задачей.

Оставался еще один выход — оставить его в партии и приспособить к работе, тем более что он сам усиленно просил об этом. Однако Гаврилов боялся, что беглец может сбежать, захватив все необходимое, включая лошадей, с гем чтобы еще раз попытаться добраться до Якутска. Гаврилов колебался и никак не мог принять окончательного решения.

Неудачный маршрут

В ожидании Гаврилова я решил провести маршрут в сторону большого ключа, который, согласно нашей карте-схеме, находился километрах в пяти выше Кону-Юряха и впадал в Аян-Юрях (впоследствии выяснилось, что это был ключ Бячела). Успенский вместе с Кулешом должен был направиться туда с утра и, поставив палатку в устьевой части ключа, приступить к его опробованию.

Кривошапкин завьючил трех лошадей, и маленький отряд отправился в путь.

Я задержался на базе: нужно было обстоятельно ознакомиться с материалами Дронова, чтобы составить себе более или менее отчетливое представление о положении дел в партии. Освободился я только во второй половине дня и, не теряя времени, быстро зашагал вверх по долине Аян-Юряха.

Свое ружье я отдал Успенскому: по словам Дронова, в этом районе зверя и дичи очень мало. Вряд ли можно было встретить какую-нибудь живность на пятикилометровом расстоянии до ключа, тем более что до меня по этому пути пройдет Успенский.

Ключ оказался не в 5, а в 18 километрах от лагеря, и до его устья я добрался только к семи часам вечера. Палатки на устье не оказалось. Я внимательно осмотрелся. Долина ключа, расположенная среди низких, покрытых лесом сопок, выражена не отчетливо, а его русло в устьевой части безводно, так как вся вода уходит в нагромождение галечника. Поэтому ключ можно было пройти, не заметив его.

Километрах в трех выше, на той же правой стороне, виднелась отчетливо выраженная долина какого-то большого притока Аян-Юряха.

Подумав немного, я решил дойти до него: чем черт не шутит, быть может, Успенский не заметил ключа и прошел дальше, тем более что ему было дано твердое задание подняться вверх по Аян-Юряху до первого правого ключа, длина которого будет не менее 15 километров, и там остановиться. До этого же места с правой стороны притоков не было.

Пройдя эти три километра, я вышел на широкое заболоченное пространство в устьевой части ключа, но никаких следов Успенского не обнаружил. Надо было возвращаться. Стало немного грустно при мысли, что предстоит долгий голодный путь назад. Утром мы напились чаю, а уходя из лагеря, я только слегка закусил в надежде основательно поесть у Успенского на устье ключа — долго ли пройти каких-нибудь пять километров. Подтянув потуже ремень и напившись воды, я отправился в обратный путь.

Солнце давно уже закатилось, и только на западе, постепенно тускнея, раскаленными углями тлели края багрово-темных облаков. Часы показывали одиннадцать, но идти можно было свободно, так как белые ночи еще не кончились. Я быстро шагал по галечным отмелям Аян-Юряха, русло которого было разбито на многочисленные мелкие протоки. Не верилось как-то, что эта маленькая речушка есть не что иное, как один из истоков могучей Колымы.

Ночь была теплая, какая-то душная. Комары с назойливым завыванием тучей неслись за мной, нещадно кусая руки. Время тянулось томительно медленно. Чертовски, хотелось есть, а до лагеря было еще далеко.

Вдруг на обширной, покрытой травой полянке я увидел Карьку — одного из наших коней, которые отправились в маршрут с Успенским, Других коней, однако, нигде не было видно. Карька мирно пасся, и я, с одной стороны, был рад добраться до своих, а с другой — досадовал на Успенского за его нерасторопность.

Когда до Карьки осталось шагов тридцать, я невольно обратил внимание на его странные движения: он как-то неуклюже продвигался вперед, тыкаясь головой из стороны в сторону. Подойдя к какой-то коряжине, он вдруг встал на задние ноги, а передними начал трясти корень коряжины. Лошадиный облик сразу исчез, и «Карька» превратился в огромного медведя, который, не замечая меня, занимался своими медвежьими делами. Стоял он ко мне боком, и стрелять в него было-бы чудесно, но увы, ружья у меня не было, а жалкий нож, висевший у пояса, отнюдь не годился даже для защиты от возможной медвежьей агрессии. А посему без долгих размышлений я решил

благоразумно ретироваться, не выдавая своего присутствия.

Ретирада совершилась благополучно, хотя и сопровождалась немым диалогом. Одна часть моего «я» беззвучно, но внушительно беседовала с другой. «Ага, голубчик, сдрейфил, — говорила она. — Почему ты не крикнул или не засвистал, чтобы обратить медведя в бегство?» «Да, — оправдывалась вторая, — закричи, а он вдруг бросится на тебя, что ты тогда будешь делать?» И вторая часть опасливо оглядывалась назад. «Эх ты, трусишка, — укорливо ворчала первая, — ведь у тебя есть нож. Вернись, посмотри еще разок на медведя». «Ну тебя к черту, — раздраженно отвечала вторая, уторапливая шаг, — с тобой, брат, в два счета втяпаешься в такую историю, что придется калекой ходить. Мало, что ли, я из-за тебя разных невзгод перенес? Убирайся и не надоедай!» «Струсил, струсил, струсил!» — дразнилась первая. Однако вторая быстро шагала вперед, не обращая внимания на назойливые приставания первой, и вскоре я был уже далеко от места неожиданной встречи.

Не расставайся в тайге с ружьем, — говорит неписаное таежное правило. Несколько раз нарушал я его, и почти каждый раз мне приходилось горько сожалеть об этом. Как будто нарочно получалось, что именно тогда в поле исключительной доступности оказывалась дичь или зверь, которых обычно не приходится встречать, когда с тобой ружье.

Было уже далеко за полночь, когда, проходя мимо устья небольшого ручья, расположенного с левой стороны Аян-Юряха, я вдруг с изумлением увидел нашу палатку. Это, конечно, была полная случайность, своего рода лотерейный выигрыш: обнаружить в тайге свой передвижной дом, координаты которого тебе неизвестны.

Полотняная дверь палатки была плотно закрыта изнутри, Костер уже потух, и только легкая струйка синеватого, дымка вертикально ввинчивалась в теплый неподвижный воздух. Около палатки, сочно хрумкая и пофыркивая, паслись все три наши лошади. Отогнав комаров, я вошел в палатку. Там все спали крепчайшим сном. Можно себе представить, какой веселый разговор произошел у меня с Успенским, который принял левый приток Аян-Юряха за правый. Он шел вверх по Аян-Юряху, поэтому и остановился в ключе справа по ходу.

Встреча с Гавриловым. Новые планы

После вчерашнего перехода я, вероятно, долго спал бы, если бы не слишком ласковое солнце, которое так нагрело палатку, что пришлось проснуться раньше положенного времени.

Выйдя наружу, я увидел в той стороне, где был расположен стан партии, густое серо-черное облако дыма, высоко поднимавшееся к небу. Таежный пожар в это время года, когда вокруг все высохло, — настоящее бедствие. Он быстро распространяется, оставляя после себя огромные пространства выгоревшего леса. Кто-то из состава партии (как впоследствии выяснилось, якутенок-каюр) зажег на речной косе лесной завал, от которого загорелась прибрежная часть леса. Мы быстро свернули палатку, завьючили лошадей и направились к устью Кону-Юряха.

Неподалеку от стана на тропу вышли два человека, которые при виде нас удивленно остановились. Один из них, невысокого роста, с круглым лицом и торчащими ежиком стрижеными волосами, держал в руках геологический молоток. Это был Гаврилов, который, увидев дым пожара, прервал маршрут и встревоженный возвращался в лагерь. Мы познакомились. Встреча была теплая и дружественная. Разговаривая на ходу, мы быстро шли по направлению к стану.

Пожар распространялся довольно быстро, так как дул сильный порывистый ветер. Наши попытки потушить огонь оказались безрезультатными: нас было слишком мало, а пламя, раздуваемое ветром, очень быстро продвигалось по сухой траве и мху. Пришлось отложить тушение до ночи, когда стихнет ветер. Часам к одиннадцати вечера ветер прекратился, на землю пала обильная роса, и, провозившись до четырех часов утра, мы с трудом, но все же одолели огненную стихию, которая оставила после себя мрачное смоляно-черное пятно выгоревшего леса площадью свыше трех квадратных километров.

При тушении пожара особенное усердие проявил отдохнувший и оправившийся беглец, который самоотверженно лез в самые опасные места и показал себя молодцом. Ему основательно досталось. Волосы у него слегка обгорели, руки были обожжены, и он, весь черный от сажи, стоял и смущенно улыбался, слушая раздававшиеся со всех сторон возгласы одобрения.

Следующий день был посвящен серьезному, деловому разговору.

Как я и думал, бассейн Аян-Юряха выше Эмтыгея в смысле

золотоносности интереса не представлял. Здесь, по-видимому, основное значение будет иметь олово, которое, по всей вероятности, связано с крупными гранитными массивами, слагающими расположенный поблизости хребет Тас-Кыстабыт. Характер и масштабы этой намечающейся оловоносности пока неясны.

У меня не выходила из головы мысль об Эмтыгее: ниже его устья по Аян-Юряху прослеживалась знаковая золотоносность, да и сам он показывал признаки золота.

Разговор с Гавриловым и просмотр его полевых материалов показали, что он толковый, знающий геолог, который вполне освоился с таежной обстановкой и условиями работы. Чувствовалось, что он слегка обижен тем, что ему прислали «начальство», в то время как он и сам неплохо справляется с работой.

Мы тщательно обсудили положение, и я предложил Гаврилову такой вариант работы.

Наша основная задача заключается в том, чтобы по возможности скорее пробудить от тысячелетней спячки этот дикий, пустынный край, а для этого здесь надо что-то найти, причем в таком количестве, чтобы это «что-то» заставило бросить сюда средства и людей для дальнейшей работы. Наиболее ценное минеральное сырье для первоначального освоения района — это золото. Его на этой части территории, по-видимому, нет, но оно, судя по всему, имеется в бассейне Эмтыгея. Здесь же установлено наличие олова, которое также является весьма ценным сырьем. Однако, если оно не окажется здесь исключительно богатым, сюда сейчас вряд ли будут вкладываться средства: район этот слишком удален, безлюден и труднодоступен. Если же в бассейне Эмтыгея будет найдено золото, то положение сразу изменится. Туда будет проведена дорога, начнется золотодобыча, а поскольку Эмтыгей находится неподалеку, то, вероятно, начнут заниматься и оловом.

Кроме того, мне не хочется лишать Гаврилова возможности работать самостоятельно, так как он вполне справляется с работой. Поэтому я думаю организовать отдельную партию и провести изыскания в бассейне Эмтыгея. Основной костяк работников у меня есть, правда, нет коллектора и рабочих, но если Гаврилов выделит мне пару рабочих, то я выйду из положения и обойдусь как-нибудь без коллектора.

Поскольку в партии был еще один отряд (в его составе были прораб Филиппов и геолог Тараканов), который находился в бассейне Хинине, мы распределили работу так: Гаврилов с Дроновым заканчивают исследование верховьев Аян-Юряха;

Филиппов с Тараканoвым проводят работы по Эелику и Хинике, а мы с Успенским берем на себя бассейн Эмтыгея.

Подсчитав наши людские ресурсы, мы пришли к заключению, что Гаврилов может выделить мне только одного рабочего. Кроме того, мы договорились, что я заберу с собой беглеца и сдам его якутам, живущим в устье Эмтыгея, с тем чтобы они переправили его на Оротукский оперпост.

Перспектива везти с собой беглеца была малоутешительной, но делать было нечего, надо было как-то решать эту проблему.

Распростившись с Гавриловым, мы направились к устью Эелика, чтобы там запастись продовольствием, а затем следовать к Эмтыгею и приступать к работе. На устье Эелика я долго и подробно с помощью Семена Кривошапкина «беседовал» с Николаем Сивцевым о подходах к Эмтыгею, о характере этой реки, ее притоках, о кормах и удобных стоянках и о прочем, столь необходимом исследователю, впервые направляющемуся в совершенно незнакомые места. Николай даже ухитрился начертить мне грубую схему гидросети Эмтыгея — бесценный документ, который давал возможность наметить предварительный план будущих работ. Сборы заняли у нас целый день, и только поздно вечером 22 июля мы наконец были готовы к отъезду.

На следующее утро мы выступили в дальнейший путь. Итак, теперь состав нашей партии полностью определился: я в качестве начальника и коллектора, Успенский — прораб-поисковик, Кулеш — промывальщик, Кривошапкин — каюр-конюх, и Трусов — рабочий, которого выделил нам Гаврилов и который, конечно, оказался «лучшим из лучших». Кроме того, до Эмтыгея с нами двигался «принудительный ассортимент» — Алексей Соловьев.

Транспорт наш состоял из девяти лошадей, в достаточной мере измученных, причем у некоторых были потертости, так что их пришлось вести почти налегке. Все мы, конечно, шли пешком. Даже Семен Кривошапкин, чистокровный якут, считавший для себя позором идти пешком, когда у него есть добрый конь, доверху загрузил своего серого красавца жеребца и уныло плелся, ведя его в поводу.

Душное утро сменилось знойным безветренным днем. На небе багровым диском висело солнце, тускло просвечивая сквозь синеватую дымку сухого тумана. Где-то далеко буйно цвели пожары; отголоски их добрались и сюда в виде густой хмары, которая застилала горизонт, придавая местности смутно-расплывчатый облик.

Мы медленно тащились по узкой извилистой тропинке, которая то скрывалась в лесу, то выходила на широкие

заболоченные поляны, поросшие густой травой и кустами тальника и карликовой березки. Стояла томительная тишина. Время от времени я измерял температуру с помощью термометра-праща. Она достигала 32 градусов по Цельсию.

По сравнению со Средней Азией — здесь, конечно, прохладно. Однако следует учесть, что из-за комаров, тучами поднимающихся из травы и кустов, людям приходится идти плотно одетыми и под покровом черной тюлевой сетки, так что разница не так уж велика.

Неожиданно ко мне подошел Алексей.

— Борис Иванович, можно мне с вами поговорить?

— Пожалуйста.

— Борис Иванович, не передавайте меня якутам, оставьте работать в отряде!

Алексей обещал трудиться честно и добросовестно. Сказал, что, испытав все прелести беглой жизни и чуть не погибнув, он больше ни за что не побежит и своей хорошей работой постарается смягчить наказание, которое ожидает его по возвращении в лагерь. Он сознает, что совершил большую глупость, согласившись бежать, а то время как ему оставалось сидеть в лагере каких-нибудь шесть-семь месяцев. После всего, что ему пришлось перенести, он твердо решил исправиться и начать честную трудовую жизнь.

Я посмотрел на него: молодой парень двадцати трех – двадцати четырех лет, с симпатичными правильными чертами лица, с нервно подергивающимися мускулами правой щеки. Глаза наполнены слезами и во взгляде безмолвная мольба. Мне стало жалко этого мальчишку, и я решил рискнуть и оставить его до осени в отряде. Когда я сказал, что верю ему и оставляю его у себя, он расплакался, как ребенок, и долго шел, всхлипывая, позади транспорта. Учитывая, что он парень достаточно развитой, я решил подучить его глазомерной съемке и использовать в качестве коллектора.

Успенский крайне неодобрительно отнесся к этому решению. Остальные члены отряда хранили молчание.

На Эмтыгее

23 июля по знакомой, хорошо наезженной тропе мы добрались до устья Эмтыгея. Привязавшись к астропункту, находящемуся около устья, в непосредственной близости от якутских юрт, я закончил съемку, которую вел от Кону-Юряха. Поскольку мне пришлось делать зарисовку рельефа, вести счет шагов, брать барометрические отметки и проводить кое-какие

записи, я сильно отстал от своих спутников и встретился с ними уже в жилище эмтыгейских якутов, где они с наслаждением отдыхали.

Теперь нам предстояло идти с работой вверх по мрачной долине Эмтыгея, покрытой густыми зарослями и изобилующей болотами, старицами и извилистыми заводями. Троп по Эмтыгею не было, надо было самим изыскивать дорогу. Я подробно расспрашивал якутов о дороге, кормах, охоте и прочих особенностях Эмтыгея, по которому Семену еще ни разу не довелось проходить. Семен был моим переводчиком, и разговор у нас шел довольно быстро и непринужденно. Меня несколько смутили рассказы якутов о каких-то таинственных топях, которые засасывают крупных животных. По рассказам одного из якутов, он, охотясь на оленей в среднем течении Эмтыгея, сам видел, как убегавший от охотника олень вдруг остановился и судорожно встал на дыбы, стараясь вырваться из захватившей его трясины, в которую он все глубже и глубже погружался, пока полностью не скрылся в ней. Вообще к среднему течению Эмтыгея якуты чувствовали какое-то недоброжелательство и летом не особенно любили ходить туда. «Плохая дорога, — говорил Семен, покачивая головой, — однако коней совсем кончать будем».

Плохая или нет, а идти надо. Немного отдохнув и плотно закусив, мы тронулись в путь. Семен с Кулешом, Трусовым и Алексеем отправились с транспортом вверх по Эмтыгею. Они должны были пройти вверх километров пять-шесть и, выбрав подходящее место с достаточным количеством корма для лошадей, остановиться на ночлег, разведя на галечной отмели большой, сигнальный костер, который служил бы нам маяком. Мы с Успенским собирались идти со съемкой и опробованием и поэтому должны были значительно отстать от своих спутников.

Отправив транспорт, мы привязались к астропункту и пошли, отсчитывая шаги, вверх по долине Эмтыгея. Однако уже через километр начались почти непроходимые древесные завалы. Пришлось выходить на водораздел, чтобы иметь возможность вести съемку дальше, а кроме того, заметить дым костра, который должны были разжечь наши спутники.

Было около девяти часов вечера, когда мы взобрались на водораздельный гребень. Багровый овал заходящего солнца скрылся за горизонтом. Комары бесчисленными полчищами атаковали нас со всех сторон, и Эмтыгей, дикий и неприветливый, лежал внизу перед нами, являя безотрадное зрелище. Его широкая плоская долина поблескивала бесчисленными точками, запятыми и многоточиями болот и озер, среди которых извилистым лабиринтом тускло сверкала густая

сеть проток и стариц. Где-то далеко, прижимаясь к густо залесенному левому берегу, белели широкие галечные отмели главного русла. Вдали в туманной дымке смутно маячили очертания невысоких гор. Дикая, угрюмая и безрадостная картина.

Мы шли по заросшему водоразделу, приглядываясь к расстилающейся впереди местности, стараясь разглядеть желанный огонек.

Было уже около двенадцати часов ночи, когда мы наконец заметили вдалеке светящуюся красную точку костра. Эмтыгей в этом месте далеко отходил в сторону, и нам долго пришлось путаться среди густых зарослей, пока мы наконец не выбрались к руслу реки. Где-то неподалеку булькнул выстрел, и на душе у нас стало веселее.

Эмтыгей очень своеобразная река. Русло его то разбивается на многочисленные протоки, а то вдруг превращается в широкий, медленно текущий поток, подмывающий крутые берега, на которых хаотически дыбятся громады лесных завалов; пробраться через них можно только с большим трудом, рискуя сломать себе ноги. К тому же еще темнота, усталость, беспокойство за судьбу транспорта. А вдобавок ко всему комары. Как они осточертели! Идти в сетке слишком темно, а без сетки… брр, даже подумать страшно.

Только к часу ночи добрались мы до стана. Как приятно было при свете ярко горящего костра увидеть две наши палатки. Около них были в беспорядке разбросаны вещи, значительная часть которых оказалась подмоченной. Транспорт вынужден был почти все время идти по руслу, и лошадям частенько приходилось на глубоких местах пробираться чуть ли не вплавь. Попытки выбраться на берег и идти вдоль него неизменно оканчивались неудачей. Транспорт каждый раз забирался в такие дебри, из которых только с большим трудом удавалось опять выйти к руслу.

Семен и Кулеш сообщили нам печальную новость: беглец исчез. Он долгое время шел с ними, а затем отстал; когда же они хватились его, Алексей как сквозь землю провалился.

Успенский укоризненно посмотрел на меня. На душе у меня было отнюдь не весело.

Мы с жадностью стали пить крепкий чай и только успели сделать несколько глотков, как услышали где-то вдалеке глухой человеческий крик. Через некоторое время крик повторился. Семен выстрелил в воздух. Голос послышался еще раз, теперь уже где-то неподалеку, и через некоторое время наш беглец, усталый и измученный, но с радостным лицом вынырнул на свет костра из

прибрежных зарослей. Никуда он, оказывается, бежать не собирался, а, не желая лезть в воду, пошел вдоль берега, запутался в дебрях лесных зарослей и завалов и потерял всякую надежду найти нас. Он долго кричал, но его голоса, очевидно, не было слышно. Бедняга стал приходить в полное отчаяние, когда вдруг, к величайшей своей радости, услышал выстрел, сделанный Семеном.

Итак, мы снова оказались все вместе.

Мелкие неприятности

На следующее утро, оставив Семена сушить подмоченный груз, мы все снова отправились на устье Эмтыгея, так как вчера успели сделать очень мало.

Почти во всех взятых на Эмтыгее пробах оказались знаки золота. Это нас очень обрадовало: видимо, где-то выше имеются коренные или россыпные источники золота, возможно достаточно серьезные. Я внимательно рассматривал галечный материал, слагающий прибрежные косы. Меня очень интересовала странная разноцветная галька, похожая на застывший шлак. Такие породы мне никогда раньше не попадались. Где они выходят и как залегают?

Мы довели съемку до нашего лагеря и стали готовиться к дальнейшей планомерной работе.

Я вместе с Алексеем решил отправиться в маршрут по правому водоразделу Эмтыгея, а Успенский с транспортом должен был двигаться вверх по долине, ведя опробование. Договорились, что он остановится на правой стороне Эмтыгея, около устья его первого крупного притока — Большого Непесекчана. Судя по карте-схеме, он находился километрах в тридцати от устья Эмтыгея. В маршрут мы взяли маленькую походную палаточку размером два на полтора метра и весом около полутора килограммов, легко укладывающуюся в рюкзак.

Забрав с собой трехдневный запас продовольствия, мы распростились с нашими спутниками и стали медленно взбираться на водораздел.

Алексей оказался толковым парнем, съемка его заинтересовала, и я был уверен, что дело у него пойдет на лад.

Работа не дает возможности быстро идти вперед. То надо остановиться замерить и описать обнажение горных пород, поискать ископаемую фауну, отобрать образцы, то внимательно рассмотреть развал кварцевой жилы, взять пробу, сделать зарисовку, нанести на карту линию маршрута с необходимыми деталями. За день мы прошли не более 9–10 километров.

К вечеру второго дня погода стала портиться. Поднялся ветер, небо затянуло сплошной пеленой туч, и как-то внезапно хлынул ливень. Он был настолько силен, что не успели мы оглянуться, как промокли до нитки. С большим трудом удалось поставить нашу маленькую палаточку. Мы залезли в нее и, лязгая зубами, скрючились на мокрой земле, тесно прижавшись друг к другу в тщетных попытках согреться. Дождь лил как из ведра, и не было никакой возможности развести костер, чтобы обсушиться и сварить ужин. Пришлось поужинать всухую несколькими сухарями, запивая их дождевой водой.

После ужина мы опять тесно прижались друг к другу и забылись в зябкой полудремоте. Мне невольно вспомнились уютные слова из классического труда «Полевая геология» Вебера: «Полевая работа геолога тяжела физически, поэтому ему нужен хорошо обставленный отдых. Геолог, не будучи сибаритом, должен брать с собой складную кровать, обыкновенную (не надувную) подушку, и покрываться надо не полушубком или пальто, а одеялом». Какой насмешкой звучали эти прописи классика геологии в наших условиях!

Дождь лил, почти не переставая, больше полутора суток. Во время краткого перерыва мы ухитрились развести огромный костер, обсушились, нагрели щебенистую поверхность земли, наложили на нее ворох мокрых стланиковых веток, которые сразу же окутались облаком ароматного пара, и поставили над ними нашу палаточку. Забравшись в нее, мы заснули крепчайшим сном на влажной, но теплой постели.

Когда мы проснулись, дождя не было, но все вокруг тонуло в густейшем тумане. Мы сварили завтрак из остатков наших продуктов и, похлебав жидкой кашицы, с нетерпением стали ждать, когда туман рассеется.

Идти дальше со съемкой было невозможно. Мы установили на месте ночлега каменную пирамиду и, затесав со всех сторон ствол крупного дерева, написали на затеси номер точки съемки и дату. Потом мы решили потихоньку добираться до лагеря.

Через некоторое время туман стал постепенно подниматься. Воды вокруг было хоть отбавляй. Она хлюпала под ногами, сочилась из-подо мха, ручейками стекала вниз по склонам, лужицами, лужами и озерами преграждала нам путь в пониженных местах. Каждый ничтожный ручьишко ревел как бешеный, скаля белопенные зубы бурунов и каскадами низвергаясь вниз.

После короткого прояснения горизонт опять затянуло серой завесой облаков, которые постепенно превратились в густые темные тучи, начавшие нещадно поливать нас обильным дождем.

Долго шли мы, переползая с сопки на сопку, напряженно всматриваясь в тщетных поисках спасительного дымка. Напрасные старания: впереди расстилалась мокрая туманная даль и маячили густые заросли леса по берегам мутного Эмтыгея. Трудно было рассчитывать, что нам удастся рассмотреть в этой влажной мгле струйку дыма от далекого костра.

Алексей совсем пал духом. Ему вновь пришлось испытать пережитое прежде. Я тоже чувствовал себя не в своей тарелке и втайне дал себе слово, что впредь буду уходить в маршрут только тогда, когда буду точно знать местонахождение лагеря. Надо представить себе всю «прелесть» блуждания по тайге, когда не знаешь, ни где находится лагерь, ни где ключ, в устье которого он должен стоять, ключ о существовании которого тебе известно только со слов якута, бывавшего здесь во времена своей далекой юности.

Уже перед вечером, когда дождь несколько стих, перед нами появилась широкая долина большого притока Эмтыгея. Видимо, это был Большой Ненесекчан. Пристально вглядываюсь в сторону его устья, мы с трудом уловили слабенькую, чуть заметную синеватую струйку дымка, такую ничтожную, что, если бы не слегка прояснившаяся даль, мы бы ее не увидали. Обрадованные, направились мы к спасительному дымку, путаясь в валежнике и по колени утопая в болоте, пока наконец не подошли к берегу Эмтыгея. На противоположной, левой стороне его весело горел костер; рядом с ним белела палатка.

Эмтыгей яростно вздулся. Его мутные воды несли вывороченные с корнем деревья, коряжины, пучки травы, сломанные ветки и прочий хлам. Перейти реку вброд не было никакой возможности.

На наш крик раздался ответный возглас, и из палатки показались фигуры наших спутников.

Стоять на месте промокшему до нитки в ожидании, пока переправят лошадей, мне отнюдь не улыбалось, тем более что в груди моей клокотал вулкан ярости и гнева на моего прораба, на каюра, вообще на весь состав партии, ухитрившийся остановиться на противоположной от нас стороне реки.

Чтобы ускорить события и дать разрядку накопившимся эмоциям, я, вытащив из карманов все, что там было, и передав Алексею, бодро вступил в пенистые воды Эмтыгея и, как был, в одежде и ичигах, «вольным стилем» поплыл к противоположному берегу.

Переправившись на ту сторону и слегка лязгая зубами, я направился к костру. Навстречу мне с жалкой виноватой улыбкой шел Успенский, и на него обрушился первый шквал моего гнева.

Он робко оправдывался, говоря, что пришел только перед дождем, что лагерь разбили без него Семен и Николай. Я ехидно спросил его, почему же стан не перенесли на правую сторону; он жалобно взглянул на меня и умолк, потупив взор. В лагере тоже досталось кое-кому. Главный же виновник — наш каюр Семен — куда-то предусмотрительно исчез.

С трудом кое-как переправили мы на конях Алексея и наше снаряжение, сверх ожидания даже не подмочив его.

Как приятно было после перенесенных невзгод очутиться в тепле, с комфортом устроившись на ночлег в сухом, мягком спальном мешке!

Аркагала и Мяунджа — уголь и золото. Куда идти?

В основе работы геолога, как и всякого полевого работника, должно лежать неукоснительное, железное правило: «не записанное не наблюдалось». Поэтому во время маршрутов все наблюдения тщательно заносились в записную книжку. Записи эти делались карандашом и отличались лаконичностью. Классики геологии рекомендуют ежедневно все эти записи и зарисовки в обработанном виде переносить в специальные дневники. Эту работу предлагается делать вечером, сидя за столом в палатке. Помимо этих истин, изложенных в специальном курсе полевой геологии, существовало немалое количество других полезных рекомендаций.

К сожалению, в наших условиях от многих из них приходилось отступать. В частности, составление дневника по записям в полевых книжках, вычерчивание набело карты, этикетирование и упаковку образцов мы вынуждены были проводить только после маршрута, поскольку в маршрутных условиях это было практически невозможно. Поэтому при возвращении на стан у нас всегда накапливалось большое количество «хвостов», для подгонки которых дождливая погода — самое подходящее время. Жалко тратить на это ясное, погожее время, которого так мало в наших условиях.

— Ну, давайте, Алексей Николаевич, вашу съемку, — сказал я Успенскому, — попробую увязать ее со своей, проведенной до оставленной точки.

Успенский гордо преподнес мне карту своих маршрутов за эти дни, вычерченную тщательно, даже с некоторой претензией на щеголеватость. На ней были изображены долина и русло Эмтыгея, нанесены пробы, выделены террасы разных уровней и боковые притоки. Внешне карта выглядела вполне прилично, но меня удивило в ней одно странное обстоятельство: Большой

Ненесекчан, опробованный Успенским в нижнем течении, который по всем законам природы должен был находиться на правой стороне Эмтыгея, чудесным образом переместился на левую.

На вопрос, почему у него Эмтыгей течет от устья вверх, Успенский сделал обиженное лицо и долго не мог уразуметь, в чем дело. Пришлось проверить его познания в части вычерчивания карты. Составление карты обычно проводилось глазомерным способом. Основную площадную съемку вел я с помощью буссоли Шмалькадера. Расстояния измерялись шагами. Высоты определялись анероидом. Алексей Николаевич во время своих маршрутов вел горным компасом только съемку гидросети. Однако в простоте душевной он проводил отсчет азимутов по южному концу стрелки, так что при вычерчивании вся съемочная ситуация получалась у него в «перевернутом» виде. Мне довольно долго пришлось повозиться с ним, прежде чем он достаточно ясно уразумел характер своей ошибки.

Все остальное оказалось в порядке, причем было сделано тщательно и с любовью, в меру его сил и возможностей.

Меня очень порадовали данные опробования. По мере продвижения вверх по Эмтыгею количество проб со знаками золота в его долине заметно увеличивалось.

Через день погода наладилась. Вместе с Успенским мы прошли с опробованием вверх по Большому Ненесекчану. Маршрут показал, что Ненесекчан, так же как и другие правобережные притоки Эмтыгея, мало перспективен: почти все пробы оказались пустыми. Результаты опробования очень хорошо увязывались с данными геологической съемки. Как правило, золото встречается в тех местах, где имеются выходы изверженных пород и развиты кварцевые жилы. Кварц — обычный спутник золота, хотя далеко не всякая кварцевая жила золотоносна. По правобережью Эмтыгея мы не встретили ни изверженных пород, ни кварцевых жил. Не оказалось в этой части района и золота. Его надо было ожидать выше по Эмтыгею и в его левых притоках.

Возвратившись на стан, который Семен перенес километров на пять вверх по Эмтыгею, я заметил, что вода за прошедшие два-три дня сильно упала. Рассматривая, как обычно, галечный материал на отмелях, я увидел на заиленных участках, оставшихся после спада воды, какие-то черные блестящие маленькие кусочки, очень легкие, не тонущие в воде. Детальное исследование их показало, что это мельчайшие частички каменного угля. Где-то вверху, значит, находились коренные выходы угля, которые постепенно размывались, и продукты их

размыва транспортировались вниз по реке. Понятнее стал комплекс странных пестрых шлакообразных пород, галька которых в таком изобилии встречалась на отмелях Эмтыгея. Это были горные породы, обожженные пожарами, обычными в каменноугольных районах. Горение пластов угля вызывает обжиг окружающих пород и даже их переплавку.

Мы медленно продвигались вверх по Эмтыгею. Количество угольной мелочи постепенно увеличивалось. Стали попадаться более крупные куски сильно выветренного каменного угля. Одновременно увеличивалось и количество знаков золота. Уголь и золото тесно, рука об руку, шли рядом, интригуя нас необычностью такого сочетания.

Через 40–45 километров мы подошли к стрелке Эмтыгея — месту слияния двух его основных притоков: Аркагалы справа и Мяунджи слева. Отсюда и начинается собственно Эмтыгей. Здесь мы разбили лагерь.

Веселое место — стрелка Эмтыгея. Это широкая, поросшая травой и кустарником поляна, окаймленная густым лиственничным, почти строевым лесом, в котором в изобилии водятся жирные, упитанные глухари. Соединение двух долин на широком открытом месте создавало постоянный «сквозняк», отгоняющий мошкару и комаров.

Хорошо было бы здесь остановиться дня на два, но для этого не было времени. Нам надо было выяснить, куда идти: налево, по Аркагале, или направо, по Мяунджe?

Я решил пройтись с Успенским километра на три вверх по обоим истокам Эмтыгея, чтобы принять обоснованное решение.

Взяв с собой Кулеша, мы пошли сначала вверх по Аркагале. В глаза сразу бросилось резко увеличивающееся количество кусков каменного угля. Он встречался теперь не только в виде мелочи, но иногда отдельными крупными кусками до полуметра в поперечнике. Зато опробование показывало только слабые знаки золота.

Маршрут вверх по Мяунджe показал противоположную картину: очень слабую («знаковую») угленосность и повышенное содержание золота во взятых пробах.

Длина Мяунджи, судя по характеру русла и водоносности, равнялась примерно 60 километрам. Такой же длины была, по-видимому, и Аркагала.

Что же делать? Куда идти? За углем или за золотом?

Мне пришлось крепко призадуматься. Наконец я решил идти вверх по Мяунджe, которая, безусловно, представляет интерес с точки зрения возможной промышленной золотоносности. Закончив работу по Мяунджe, я расшибусь в лепешку, но выкрою

время подняться вверх по Аркагале до выходов каменного угля. Здесь мне не надо будет проводить кропотливого шлихового опробования, так как разбросанные по долине куски угля сами приведут меня к месторождению, осмотр которого даст возможность вывести предварительное заключение о его ценности и перспективах.

Приняв это решение, я сразу успокоился, и через день мы уже двигались вверх по Мяундже.

Необоснованные опасения. Неприятное происшествие

Погода наладилась, наладилась и наша работа.

Мы с Алексеем ходили в маршруты на день-два. Успенский с Кулешом, а иногда еще и с Николаем проводили опробование долин. Семен перебрасывал на конях наш немудрящий груз. На устье Мяунджи мы сделали замаскированный лабаз, в котором оставили часть продуктов и снаряжения, и на облегченных конях довольно быстро продвигались вперед.

Сначала я, уходя в маршруты, несколько опасался Алексея, оставаясь с ним один на один. Кто знает, что ему может прийти в голову.

Ведь с нами маленькая палатка — таежный переносный дом, хорошо защищающий от всяких невзгод. Технику теплого ночлега на разогретых камнях Алексей прекрасно освоил. Иногда я брал с собой ружье — легкий американский винчестер калибра 25×25 с достаточным количеством патронов, очень портативный и меткий. Мы обыкновенно забирали продуктов на два-три дня, причем по дороге нам всегда попадалась какая-нибудь дичь. Когда приходилось пересекать долину Мяунджи или ее боковых притоков, то мы, остановившись на короткое время у русла, быстро пополняли наши продовольственные запасы чудесными хариусами, которые в изобилии водились в этих девственных местах. В поймах долин в изобилии росла созревшая голубика. В избытке встречались грибы. После дня тяжелой, напряженной работы я спал как убитый. Долго ли было Алексею стукнуть меня топором по голове и вновь, теперь уже хорошо снаряженному, отправиться в манящий его Якутск.

Вскоре я пришел к заключению, что мои мимолетные опасения вряд ли обоснованны. Алексей по натуре оказался неплохим парнем, только слишком слабовольным, что, по-видимому, и довело его до лагерной жизни. Здесь, в нашем маленьком коллективе, он чувствовал себя полноправным членом. Работа ему нравилась, а сознание того, что он делает какое-то полезное дело, возвышало его в собственных глазах.

Чувство благодарности за оказанную услугу невольно прорывалось у него в обращении со мной. Кроме того, перенесенные лишения, приближающаяся осень и незнание дороги тоже, видимо, заставляли его отказываться от мысли о побеге, если даже она и мелькала иногда в его голове.

Парень он был способный, но крайне невнимательный, неорганизованный; какой-то несобранный и страшно рассеянный. Он старался работать добросовестно, но все у него выходило как-то боком. Из-за его невнимательности я не рисковал доверить ему что-либо существенное, так как он все безбожно путал, и почти всю глазомерную съемку мне приходилось вести самому. Он брал буссолью засечки, проводил отсчеты анероида, но его все время приходилось проверять и с грустью убеждаться, что он опять напутал. Физически он был слабоват и быстро утомлялся. Возможно, сказывались лишения, пережитые во время блуждания по тайге.

Время от времени в нашу, однообразную, полную напряженной работы жизнь врывались «ЧП» — чрезвычайные происшествия, небольшие бури в стакане воды, которые, однако, для нас бывали весьма существенными.

Один из таких случаев произошел в первой декаде августа.

Нам надо было передвинуться километров на шесть вверх по Мяундже. Погода была прекрасная, видимость замечательная. Неподалеку от нашего стана находилось отчетливо видное устье ключа. Алексей натер себе ногу, и я оставил его с Семеном и Николаем. Они должны были провести транспорт к устью этого ключа и там остановиться.

Так как наша обувь основательно прохудилась, то, обувшись в запасные ичиги, я поручил Николаю по прибытии на новое место заняться починкой обуви, поскольку он мастер на все руки и с этой работой хорошо знаком. Успенский и Петр отправились брать пробы вверх по Мяундже. Я пошел со съемкой по правобережью Мяунджи, с тем чтобы к вечеру выйти к месту нового стана.

К вечеру, закончив работу, я подошел к устью этого ключа, но никаких признаков лагеря не заметил. Солнце тусклым красным диском спускалось к туманному горизонту, вокруг безмолвно чернела тайга, глухо шумел ручей… Нигде не было каких-либо следов близкого присутствия человека.

Уходя в дневной маршрут в твердой уверенности, что место, намеченное для лагеря, находится совсем близко и его нельзя спутать, я отправился налегке, даже не захватив с собой продуктов. И вот опять какая-то чертовщина. Где же этот проклятый лагерь?

Я решил выбраться на водораздел, чтобы сверху рассмотреть огонек костра, который должен быть где-то неподалеку. Пришлось идти километра два по топкому кочковатому болоту, спотыкаясь и утопая по колени в грязной и холодной болотной жиже. Солнце скрылось за горизонтом, и сразу похолодало. Комары, как демоны, с воем носились над головой, кусая каждый незащищенный кусочек тела. Поднявшись на вершину сопки, я остановился и долго всматривался в темнеющую даль. Никаких признаков костра. Пришлось примириться с мыслью о голодной ночевке в тайге. Утешало только то, что стояла ясная погода.

В это время в мое ухо чуть слышно ударил глухой пробочный звук далекого выстрела. Я немедленно взял компасом направление, но, сколько ни приглядывался, не мог заметить признаков костра. Чувствовалось, что звук шел издалека, со стороны одного из притоков Мяунджи, находящегося километрах в пяти от меня.

Уже основательно стемнело, и путь по кочкам, болотам и лесным зарослям сулил очень мало приятного. Призывая «благословения» на головы своих подчиненных, я, держа направление компасом, отправился в путь. Можно, конечно, было бы переспать у костра и утром прийти к лагерю, но мне не хотелось терять завтрашний день, а кроме того, надо было выяснить, в чем же дело.

Началась долгая мучительная дорога в темноте. Я спотыкался, падал, забирался в густые заросли, попадал в какие-то вязкие, топкие провалы, но все же наконец добрался до стана. Около палаток горел большой костер, который можно было заметить, только подойдя почти вплотную, так как он был разложен на небольшой полянке, окаймленной кустами и деревьями.

У костра мрачно сидели Алексей Николаевич и Петр. Из палатки доносилось пьяное бормотание Николая вперемежку с переливчатым храпом Семена. Вскоре оттуда вышел, пошатываясь, подвыпивший Алексей; с развязной улыбкой он попытался было завести разговор о недостойном поведении Николая. Пришлось прикрикнуть на него, после чего он с обиженным видом вернулся в палатку. Я стал расспрашивать Алексея Николаевича и Петра.

Постепенно, как на проявляющееся пластинке, стала выявляться негативная картина событий сегодняшнего дня.

Оставив своих спутников, Успенский и Кулеш отправились на работу и, продвигаясь с опробованием по долине Мяунджи, добрались до устья ключа, где намечалась стоянка. Они поднялись вверх по ключу, ваяли нужное количество проб и

вернулись на устье. К их глубокому изумлению, транспорт туда еще не прибыл. Решив, что выезд по какой-либо причине задержался, они отправились к месту прежней стоянки, но никого там не застали. Они пошли обратно, приглядываясь к конским следам, и обнаружили, что транспорт неожиданно свернул в сторону. Медленно продвигаясь по следам, которые то отчетливо виднелись на мшистой поверхности, то полностью терялись на каменистых местах, два следопыта наконец набрели на место нового табора. Он был разбит в скрытом, уединенном месте, далеко от намеченной точки, с явным намерением «затеряться».

Все трое — Семен, Николай и Алексей — были изрядно выпивши и старались объяснить Успенскому, что заветная банка со спиртом, которая хранилась в одном из вьючных ящиков, дала течь. Одна из лошадей, везшая эту банку, якобы споткнулась, и, спирт стал просачиваться из банки. В качестве вещественного доказательства указывалось на то, что от ящика пахнет спиртом. Все это было сделано нагло, неумно и неумело: ящик снизу был сухим и явно облит сверху впоследствии. Остановились они не там, где намечалось, потому, что якобы заблудились, и собирались, по их словам, на следующее утро разобраться в обстановке и приехать на нужное место.

— Совершенно ясно было, что все это сделано нарочно и стан они специально разбили в таком месте, где его трудно было найти. Хорошо, что Петр, привыкший иметь дело с лошадьми и прекрасно разбиравшийся в следах, был с Успенским. Без него тот не в состоянии был бы найти новое место стоянки.

Через некоторое время после моего прихода охмелевший Николай впал в буйство, ругался, проклинал меня, Успенского и весь белый свет за то, что мы сгубили его молодую жизнь и он, вместо того чтобы жить по-человечески, должен проводить свои годы в тайге, занимаясь печением лепешек, починкой обуви и прочей чепухой. Размахивая ножом и выкрикивая дикие ругательства, он грозился перерезать вам глотки. Пришлось связать его, оставив разбор дела до следующего дня.

Как выяснилось, терроризированный Алексей Николаевич несколько раз стрелял вверх, пытаясь дать мне сигнал о местонахождении нового стана, но только последний выстрел достиг моих ушей.

Я долго размышлял, что мне делать. Можно, конечно, в качестве меры наказания отправить Николая на Бёрёлёх, но это полностью сорвет нашу работу. Пришлось прибегнуть к паллиативным мерам.

Утром я долго разговаривал с протрезвившимся и притихшим Николаем. Я сказал ему, что за вчерашний проступок его следует

сдать в оперпост с соответствующей характеристикой, а чем это грозит ему, он сам знает. Николай был осужден за убийство на десять лет, ему оставалось пробыть в лагере каких-нибудь полтора года, в связи с чем ему и разрешили отправиться в полевую партию.

Николай каялся, просил прощения, клялся, что такое поведение никогда больше не повторится, что он будет хорошо работать. В то же время он упорно отрицал, что пил спирт и был пьян: «Какой спирт? Никакого спирта я не видел и не знаю, где он у вас. И совсем я пьян вчера не был, а просто распсиховался, вспомнил семью и вольную жизнь. А что касаемся спирта, то вы, конечно, начальник, а наше дело подневольное».

Алексей сам заговорил о случившемся: «Не понимаю, что это Николаю пришло в голову взять спирт? Я его отговаривал, но он не послушался, открыл гвоздем замок и сперва отлил один раз, потом другой, после чего закрыл ящик и сверху полил его спиртом». Пришлось и Алексею сделать основательную проборку, напомнив ему, что его положение слишком тяжелое и сложное, чтобы допускать такие «художества», и что только хорошей, честной работой он может заслужить некоторое смягчение ожидающего его наказания за побег. Он призадумался, помрачнел и, расплакавшись, сказал, что этого больше не будет.

Семен к событию отнесся безразлично. Его дело — заботиться о лошадях, что он и делает по мере своих сил, а что касается остального, то он не вмешивается в дела «нючча». Приказал ему Николай свернуть в сторону — он свернул. Угостили его спиртом — он с удовольствием выпил, а как этот спирт попал в руки Николая — это его не интересует. Держался Семен степенно, с сознанием собственного достоинства. Разговаривать с ним было очень трудно, ибо чувствовалось, что слова до него не доходят, наша работа ему непонятна и чужда.

Первое время своей работы у нас он иногда капризничал; его недовольство выражалось в том, что он вдруг переставал понимать по-русски и переходил на якутский язык, который я, к сожалению, знаю очень плохо. Отучить его от этого удалось несколько своеобразным способом. Когда на него напал очередной приступ недовольства и он обратился ко мне с длинным периодом на якутском языке, я с серьезным видом ответил ему не менее длинной фразой на английском языке, что привело его в крайнее недоумение. Он попробовал еще что-то произнести по-якутски, в ответ я вновь загнул длинный период по-английски. После этого он ошарашенно произнес: «Моя не понимай, что ты говоришь». Я с тем же серьезным видом ответил: «Моя тоже не понимай, что ты говоришь, поэтому давай будем

разговаривать по-русски», После этого мир был восстановлен и Семен больше не пытался не понимать по-русски.

Наши будни. Дела и люди

Дни проходили в беспрерывной напряженной работе, ставшей привычной. Мы с Алексеем почти все время находились в многодневных маршрутах.

Ох уж эти маршруты! Они слишком выматывают нас. Особенно дает себя чувствовать убийственная тяжесть геологических образцов, количество которых к концу маршрута катастрофически возрастает. И в то же время без них не обойдешься. Это геологические документы, а геология здесь сложная, документов набирается много. Для организма это дополнительная нагрузка — ему и так приходится нелегко при многочасовом беспрерывном движении вверх-вниз по крутым водоразделам.

Сегодня, например, за четырнадцать часов работы — с шести утра до восьми вечера — мы смогли пройти только 11–12 километров. Обычно мы за день проходим с работой 17–20 километров, но сегодняшний маршрут был особенно трудным. Нам приходилось шагать по острым гребнем, покрытым глыбами и ускользающими из-под ног обломками камней. На каждом шагу мы рисковали сломать ноги. Помимо этого сегодня в изобилии встречались дайки, а так как каждая дайка представляет большой интерес, нам приходилось задерживаться почти около каждой — описывать, замерять, брать пробу, отбивать образцы. И наконец, эта злосчастная глазомерная съемка, которая отнимает массу времени. Не верится даже, что где-то люди работают, имея добротные точные карты.

…Поздний вечер. Мы расположились на ночлег. Холодная колымская ночь, мерцая огоньками созвездий, тихо сошла на землю. Ярко горит костер. И эту ночь, как и многие предыдущие, проведем мы вдалеке от остальных, на ворохе ветвей, настланных на горячую щебенку, под тонким кровом бязевой палатки, с полевой сумкой и ичигами вместо подушки и телогрейкой в роли одеяла. По совести говоря, я устал от этих многодневных маршрутов и жажду хотя бы небольшой передышки. Хочется поспать по-человечески, раздетым, с подушкой и одеялом. Хочется как следует поужинать — не каким-то месивом, а настоящим супом или борщом, досыта — и не из котелка, а хотя бы из миски (о тарелке я и не мечтаю). Хочется просто посидеть, пописать, отдохнуть от этого беспрерывного шатания с тяжелым грузом за спиной вверх-вниз, вверх-вниз.

Я пытаюсь взглянуть на наше теперешнее существование со стороны: какое оно убогое, жалкое, но в то же время… завидное. Да, завидное.

Человеку, каким бы он ни был, необходимо общение с праматерью-природой. Эта тяга к природе, сознательно или бессознательно, живет в душе каждого из нас: прогулки, дачи, туристские походы, охота, рыбная ловля — во всем этом выражается стремление хоть ненадолго уйти от сложностей цивилизованной жизни в другую, более простую обстановку, ближе к природе, И это общение с природой, пусть даже кратковременное, неизменно дает свои плоды: делает людей более здоровыми, бодрыми, жизнерадостными, вливает в них новые силы.

Работа геолога-полевика больше, чем какая-либо другая, наполнена этим тесным общением с природой, причем не с окультуренной, ручной природой, а с дикой, суровой, первобытной — такой, какой она была тысячи лет назад.

Приспособились мы к ней неплохо и физически чувствуем себя превосходно. Нас поддерживает сознание важности и полезности нашей работы, однако слишком большие порции сверхпримитивного быта все-таки заставляют иногда мечтать хоть о каких-то благах цивилизации.

Дни летят быстро и незаметно. Не успеешь оглянуться, как трех-четырехдневный маршрут подходит к концу и мы возвращаемся на стан усталые, но удовлетворенные. Все данные говорят о том, что район очень интересен и что золото здесь будет.

Вернувшись из очередного маршрута, я надолго засиживаюсь с Успенским, и мы вместе намечаем план дальнейших действий.

Мне очень нравятся исключительная заинтересованность и трудолюбие этого славного старика. Он во многом не разбирается, многое путает, ему не дается съемка, но в нем есть искорка, стремление «прицепиться» к признакам золотоносности и по отдельным знаковым пробам добраться до богатого золота. Он волнуется, ищет, вновь и вновь берет пробы, не ограничиваясь шаблонным набором их через определенные расстояния, в точном соответствии с инструкцией, как это часто делают более грамотные, но менее радивые прорабы-поисковики. Он старается дать возможно полное описание обследованных ручьев. Правда, «письменная часть» у него получается весьма примитивной. Зато он умело, тщательно, вдумчиво и с толком выбирает места опробования.

Что касается Алексея, то он во многом «поднаторел»: освоил практику работы с буссолью и анероидом, может неплохо

зарисовать рельеф и самостоятельно вести маршрутно-глазомерную съемку. Однако из-за его рассеянности мне для контроля приходится вести параллельную съемку, и мы вечерами, остановившись на ночлег, а чаще по возвращении на стан проводим увязку наших данных, включая сюда и съемку Успенского. У него тоже приходится все проверять по записям и заново перечерчивать. Зато пробы у него в идеальном порядке: все надписаны, пронумерованы, тщательно упакованы.

Как все-таки обстановка и окружение влияют на человека! Наш Петр, который раньше вел себя тихо и скромно, был таким послушным и трудолюбивым, попав в общество Николая и Алексея, быстро изменился к худшему. Он держит себя бравым «блатником» и ухарски рассказывает приятелям о своих былых проделках. Работать он стал спустя рукава и только к лошадям и к делам, связанным с транспортом, относится по-прежнему внимательно и заботливо. Лошадей он распознает не только по ржанию, но даже по топоту: стоит вечером одной из лошадей подойти к палатке, как он сразу говорит, Карька или Буланка подошел.

На работе он сильно донимает бедного Успенского. Бывает, идут они вдвоем, Успенский ведет съемку, шагая по определенному азимуту и отсчитывая шаги. Он в это время ничего не видит и не слышит, будучи целиком занят сложным процессом этой проклятой съемки. Петр потихоньку отстанет, спрячется в кусты и сидит, как тетерев, лакомясь голубикой. Успенский дойдет до места, где надо взять пробу, запишет то, что полагается, посидит, покурит и начинает звать Петра. А тот сидит себе до тех пор, пока не надоест, а потом как ни в чем не бывало появляется, ссылаясь при этом на разные причины: то он скребок потерял, то не в ту протоку зашел и запутался в зарослях, то ему утки встретились (он ходит с ружьем), то еще что-либо.

Я не раз серьезно разговаривал с ним. Он обещал исправиться, но влияние Николая портило все дело.

Как-то в разговоре на мой вопрос, чем он думает заняться после освобождения, Петр, немного подумав, ответил:

— Что ж, Борис Иванович, не хочу вас обманывать. По совести говоря, вероятно, опять лошадей буду красть — уж очень выгодное это занятие. Только теперь аккуратнее работать буду, а то опять на Колыму угодишь, будь она проклята.

К существующим порядкам он относится отрицательно, но признает, что попал в лагерь по заслугам.

Что касается Николая, то это типичный враг всего нового, относящийся к советскому строю с глубокой ненавистью. Как-то я слышал его разговор с Петром.

— Эх, Петря, — говорил Николай, — разве это жизнь, там-тарарам. Это не жизнь, а каторга. Куда ни сунься, везде тебя спрашивают, где ты работаешь, сколько получаешь, а если не работаешь, то катись вон из квартиры и из Москвы. Да я, там-тарарам, может, не хочу работать, может, я хочу на свои средства жить. Какая же это власть, там-тарарам?

К сожалению, он плохо влияет на Петра, который относится к нему с почтением, как к старшему и по возрасту, и по лагерному стажу.

Николай производит впечатление рубахи-парня. Он любит и умеет рассказывать, хорошо поет — у него приятный задушевный баритон, — но есть в нем что-то антипатичное, отталкивающее. Я прямо с удовольствием предвкушаю то время, когда поблизости не будет этой заискивающей физиономии с вечно льстивой, вкрадчивой улыбочкой на типично «блатном» лице.

На стане я устраивался в одной из палаток вдвоем с Алексеем Николаевичем, в то время, как все остальные размещались во второй большой палатке. С наступлением холодных дней Успенский перебрался в эту большую палатку, где была железная печка.

В моей палатке остался вьючный ящик, в котором хранятся все его драгоценности — табак, белье, разные мелочи, в том числе флакончик с какими-то дорогими, пятирублевыми духами, который он время от времени извлекает, встряхивает и, блаженно понюхав, бережно ставит обратно.

Кроме того, в этом же ящике во время переездов хранится спирт, который я, зная честность Успенского, полностью доверил ему. После проделки Николая Алексей Николаевич стал прятать спирт в тайге. Приехав на новое место, он выбирает удобный момент, кладет банку с драгоценной жидкостью в рюкзак и удаляется тайком в заросли, где и прячет свой клад под какую-нибудь коряжину.

Однако его вечно преследуют невзгоды. Один раз Буланка случайно чуть не растоптал заветную банку; а в другой раз Алексеи Николаевич… позабыл, где он спрятал банку, и долго в горестном недоумении бродил по кустам, разыскивая свое сокровище. В конце концов банка нашлась, но старик был не на шутку напуган.

Вообще с ним частенько приключаются всякие забавные истории, которые вносят элемент веселья в наше однообразное существование. Так, например, однажды, когда они с Петром были на работе, тот увидел на небольшой лиственнице белку. Он не мог удержаться от соблазна запустить в нее камнем, после чего начал трясти деревце, на котором спасалась белка. В это время

Алексей Николаевич, позабыв обо всем на свете, сосредоточенно нахмурив брови и высунув от усердия кончик языка, делал отсчет по компасу. Видимо, решив, что перед ней не живое существо, а сухой ствол, что ли, белка, спасаясь от Петра, спрыгнула с лиственницы и вихрем взлетела на «вершину» этого несколько необычного ствола. Последний, уронив компас, заорал благим матом, перепугав до полусмерти и без того напуганную белку. Кто из них больше испугался, я не знаю.

— Представьте, Борис Иванович, — рассказывал он мне потом об этом происшествии, — какая же это вредная сволочь, ведь она мне чуть-чуть глаза не выцарапала!

Он очень славный старик, немного смешной и какой-то по-детски трогательный в своей простоте и наивности. Я всегда испытываю какое-то теплое чувство, встречаясь с ним после нескольких дней разлуки.

Надвигаются невзгоды. Алексея забирают

В нашу монотонную, насыщенную однообразной работой жизнь неожиданно ворвался целый фейерверк происшествий, причем, как полагается, неприятных.

20 августа, закончив обследование очередного участка и привязавшись к опорной точке, мы, весело напевая, уже без съемки направлялись к лагерю, до которого оставалось километров восемнадцать.

Время от времени мы со смехом вспоминали подробности забавной истории, неудачными участниками которой мы были несколько часов тому назад. Было раннее солнечное утро, теплое, слегка влажное, с чуть заметным южным ветерком. Мы медленно поднимались по пологому, покрытому ягелем северному склону невысокой сопки, на вершине которой виднелись похожие на развалины старинного замка скалистые выступы горных пород. После вчерашнего дождя ягель не успел еще высохнуть, и нога мягко и бесшумно тонула в его набухшем покрове. Несмотря на легкий ветерок, комары тучами висели над нами.

Поднявшись на вершину сопки, мы с изумлением увидели стоявшего прямо перед нами оленя, который, засунув голову в узкую расселину в каменистом выходе глинистых сланцев, мирно подремывал, чувствуя себя в полной безопасности. В расселине, на легком сквозняке, его не так донимали надоедливые комары. Он стоял к нам боком, и из-за скалы нам была видна только задняя часть его тела со смешным куцым хвостиком.

Ветер дул нам навстречу, солнце отбрасывало тень в противоположную сторону, влажный ягель заглушал шум шагов.

Хотя олень находился буквально в двух шагах от нас, он не почуял нашего присутствия.

Разве можно было в такой ситуации удержаться от соблазна поймать, его живым, причем поймать голыми руками, а затем с торжеством привести на стан! Уподобившись глухонемым, мы знаками дали друг другу сигнал к действию и бросились к оленю. Я схватил его за правую ногу, Алексей за левую. Схватили крепко, мертвой хваткой, обеими руками, немного выше копыт. Мгновение… и мы кубарем полетели в разные стороны, даже не осознав, что произошло, а олень с дико вытаращенными глазами вихрем промчался мимо нас и моментально исчез из поля зрения. Мы не учли того, что он был в прекрасной спортивной форме и мышцы его задних ног по силе мало чем отличались от конских.

В дополнение к «приятным» воспоминаниям у меня и у Алексея слегка побаливали ушибленные бока — легкая плата за полученное удовольствие — попытку поймать голыми руками дикого оленя.

Переходя с косы на косу, с террасы на террасу, мы быстро двигались по долине ручья, стремясь скорее добраться до «дома», где нас ждал сытный ужин. Харчишки наши были съедены до последней крошки, рюкзаки набиты до отказа образцами; мы были голодны, но бодры и веселы, предвкушая заслуженный отдых.

Светило яркое солнышко, прохладный ветерок порхал по долине ручья, освежая наши потные лица, и только мошка, роями носившаяся над головой, несколько портила общее прекрасное впечатление от этого чудесного дня.

В одной из маленьких заводей мы наткнулись на выводок нырков и стали с азартом бомбить их камнями, заполучив на ужин нескольких неудачников. Ружье я перестал брать с собой в маршруты, чтобы не отвлекаться, так как дичи было много, а охотничьи инстинкты частенько брали верх над благоразумием. Нырки задержали нас примерно на час; когда мы подходили к нашему стану, синеватый сумрак холодного ясного вечера уже окутал тайгу.

Вдалеке были видны обе наши палатки, стоявшие на открытом месте на берегу Мяунджи. Около костра, который огненной точкой весело подмигивал усталым путникам, сидела небольшая группа людей. Я направился к костру прямиком через заболоченный участок долины, Алексей несколько отстал, выбирая места посуше, и двигался в обход болота. Подойдя ближе, я увидел Семёна и Николая, вернувшихся из поездки на устье Эмтыгея, куда я посылал их за продовольствием. Кроме них у костра сидел незнакомый якут.

Поздоровавшись с честной компанией, я шутливо осведомился, откуда бог прислал также прибавление семейства. Ответа не последовало. Успенский, с серьезным видом отозвав меня в сторону, достал из кармана два пакета и, вручая их мне, сказал приглушенно, что дела очень плохи.

Я вскрыл пакеты. В одном было письмо начальника базировавшегося на устье Эмтыгея оперативного отряда по борьбе с бандитами, в другом — записка прораба Филиппова, мобилизованного оперотрядом для несения караульной службы. Сообщалось, что из лагерей бежала группа заключенных, сумевших достать оружие.

Банда, выдержавшая несколько стычек с военизированной охраной и потерявшая значительную часть своего состава, разбилась на несколько групп: из них некоторые, по имеющимся сведениям, направились в сторону Эмтыгея.

А мы-то, находясь в блаженном неведении, раскладываем громадные сигнальные костры, чтобы удобнее было возвращаться вечерами на стан…

Начальник отряда в категорической форме требовал немедленно под охраной одного из рабочих в сопровождении присланного с пакетом якута направить на устье Эмтыгея работающего в моей партии беглеца. Мне предлагалось усилить бдительность и держаться все время начеку.

Не полагаясь на наших рабочих, мы с Успенским решили попеременно дежурить всю ночь, чтобы помешать Алексею бежать, если он паче чаяния решится на это, предупрежденный кем-либо из них. А они, видимо, почувствовали что-то неладное. И Николай и Петр несколько раз заглядывали в палатку и интересовались новостями.

Я написал начальнику заставы письмо с подробной характеристикой Алексея. Указал, что он обещал честно работать и выполнил это обещание, хотя имел полную возможность бежать, воспользовавшись тем, что мы на несколько дней уходили в маршрут вдвоём, причем у нас была маленькая походная палатка и часто было оружие. Я просил принять все это во внимание и соответствующим образом отнестись к Алексею.

Я описал условия, в которых нам приходится, работать, И потребовал присылки стрелка, который оставался бы охранять наш стан, так как, уходя на несколько дней в маршруты раздельно с Успенским, мы вынуждены бываем иногда оставлять лагерь на произвол судьбы.

Закончив письмо, в два часа ночи я разбудил Успенского и прилег вздремнуть, а в пять часов утра будильник уже поднял меня на ноги. Алексея, чтобы не срывать работу, я решил

отправить под конвоем Трусова. Вызвав последнего, я рассказал ему о создавшемся положении и сказал, что поручаю ему деликатное задание — доставить Алексея на оперзаставу.

— Будьте уверены, Борис Иванович, — весело ответил Николай, — поручение будет выполнено. Я люблю такие вещи; это не то, что лепешки печь или чинить ичиги.

Приехавший якут был уже на ногах. Путь предстоял длинный, а он за день собирался добраться до устья Эмтыгея.

Позвав в свою палатку Алексея, я сообщил ему печальную новость.

— Мне очень не хотелось бы расставаться с тобой, — сказал я ему, — но я обязан направить тебя на оперзаставу.

Выслушав меня, Алексей изменился в лице, как-то сразу осунулся и спросил, готов ли пакет для начальника заставы. На мой утвердительный ответ он, подумав немного, произнес тихим виноватым голосом:

— Борис Иванович, я очень прошу вас переписать отношение. Не знаю, как это получилось, но когда Гаврилов нашел меня, то я как-то случайно назвал себя Алексеем Соловьевым, а у меня совсем другая фамилия. На заставе все равно узнают мою настоящую фамилию, поэтому прошу вас переписать отношение и изменить все мои данные, так как я и об остальном дал Гаврилову и вам неверные сведения.

Посоветовав ему для его же блага рассказать обо всем без утайки, я узнал, что настоящее его (настоящее ли?) имя Корнеев Николай Иванович, что бежал он не из Магадана, а с Оротукана, где заведовал в одном из лагерных подразделений хозчастью. Бежали они втроем. Спутников своих он потерял по дороге, отстав от них. Осужден он был в 1934 году за мошенничество на восемь лет. Вообще метаморфоза произошла удивительная и последняя ли, бог ведает, так как Петр позже рассказал мне, что Алексей уже несколько раз менял имя и фамилию, успел побывать на строительстве Беломорканала, но бежал оттуда.

Пришлось переменить отношение. Характеристику я оставил прежнюю, изменив только имя и фамилию. Жаль мне было его, дурня этого, такого молодого и уже насквозь гнилого парня, слишком слабовольного, чтобы противиться влиянию блатного лагерного окружения. Алексей собрал свои скудные пожитки и, понурив голову, отошел в сторону.

А Николай, его приятель и старший наставник, взяв в руки винчестер, с явным сознанием собственного достоинства сказал, садясь на лошадь:

— Ну, Алексей, вот тебе мой сказ: езжай сзади якута и ни на шаг в сторону. У меня, брат, разговор короткий. Я с тобой

церемониться не буду. Есть задание доставить тебя к начальнику заставы, и я доставлю тебя живого или мертвого. Постарайся доехать живым.

Соловьев-Корнеев попрощался с нами, сел на лошадь, и печальная кавалькада медленно двинулась вниз по долине Мяунджи.

Мы становимся жертвами агрессии

Работа на Мяундже подходила к концу. Оставалось сделать еще один бросок — провести маршрут по ее правобережью в нижнем течении с выходом в бассейн Аркагалы. Успенскому надо было закончить опробование некоторых правобережных притоков, которые были оставлены на конец работы. Я вдвоем с Николаем отправился в завершающий трехдневный маршрут. Встреча с поисковым отрядом намечалась на стрелке Аркагалы и Мяунджи, где была восхитительная поляна, окаймленная пышной растительностью.

Николай вернулся несколько дней тому назад с опозданием на трое суток. Он рассказал, что его задержал начальник заставы. Сейчас застава снята и отряд уехал, увезя с собой Алексея, с которым после ознакомления с моим письмом обращались неплохо.

Перспектива идти в маршрут «на правах коллектора» пришлась Николаю по вкусу. Однако после первого же дня лазанья по крутым сопкам он стал на чем свет стоят проклинать свою горькую долю и осыпать упреками злосчастную Колыму.

— Будь они прокляты, горы эти, чего я не видел в них, — ворчал он после каждого подъема, а их было в нашем маршруте немало.

В этом завершающем маршруте нам пришлось несколько километров идти вдоль русла Аркагалы. Повсюду среди русловых отложений, на отмелях, косах и прибрежных участках в изобилии лежали куски, обломки и глыбы каменного угля, большей частью выветрелого, но чистого, без прослоек пустой породы. Стало ясно, что где-то недалеко есть выходы пластов каменного угля, возможно образующих достаточно крупное месторождение.

Усталые, но удовлетворенные, подошли мы к устью Аркагалы. Наши давно должны были приехать. Между тем нигде не было видно следов палатки. Ни дымка, ни звука. Вокруг стояла могильная тишина. Мы были в глубоком недоумении. Место нашим поисковикам хорошо знакомо, и спутать его с другим местом они не могли.

С большим трудом разглядели мы наконец угол палатки, чуть

видневшийся среди густых пурпурно-желтых зарослей тальника.

На мой призывный клич испуганно выглянула бородатая физиономия Алексея Николаевича. На обычное приветствие: «Здорово, старина! Как дела?» — не последовало столь же обычного ответа: «Здравствуйте, Борис Иванович, все в порядке». На этот раз Успенский безнадежно махнул рукой и, мрачно насупившись, ответил, что дела неважные.

Дела действительно оказались неважными.

После нашего ухода Алексей Николаевич с Петром, заседлав двух лошадей, отправились провести опробование последнего неисследованного притока Мяунджи. Они собирались закончить эту работу дня за два и взяли с собой запасную палатку и кое-какое снаряжение. На стане остался только Семен с прочими конями, которые мирно паслись неподалеку. Такая обстановка вполне устраивала Семена. Тихо посасывая трубочку, в мирном созерцательном настроении, он мог просиживать долгие часы, время от времени впадая в легкую дремоту.

Стояла хорошая погода. Ярко светило уже не знойное, а только теплое осеннее солнышко, и наши путники отправились в путь в радостном предвкушении того, что это последний маршрут по притокам Мяунджи, что полевой сезон заканчивается, причем с хорошими результатами.

Они и не подозревали, что за ними из густых зарослей следят две пары чьих-то зорких недобрых глаз. Эти глаза все внимательно высмотрели. Они установили, что часть работников партии, т. е. мы, ушла с рюкзаками на спинах, что остальные уехали на конях и что в лагере остался только один Семен, у которого есть огнестрельное оружие.

Как впоследствии выяснилось, план наблюдателей был прост. Поскольку, судя по всему, отправившиеся в маршрут прибудут нескоро, наблюдатели решили, дождавшись ночи, напасть на Семена, захватить оружие, коней и, навьючив на них все, что можно, тронуться в дальнейший путь.

К счастью, приток Мяунджи оказался небольшим и малоперспективным, и наши поисковики к вечеру сумели закончить его опробование. Было уже довольно темно, когда они подъезжали к лагерю, время от времени оглашая пустынные окрестности залпами проклятий по поводу, темноты, плохой дороги и недостойного поведения лошадей. Это обстоятельство заставило засевших в кустах беглецов изменить свои планы. Они не знали, сколько народу приехало. Одно дело напасть на одного человека, а другое — иметь дело с несколькими.

Наш груз не помещался в палатках и почти весь был сложен снаружи, прикрытый брезентом. Выйдя из палатки незадолго

перед рассветом, Петр обратил внимание на то, что груда вещей резко уменьшилась в объеме. Подняв брезент, он обнаружил, что под ним почти ничего не осталось, большая часть вещей исчезла. Думая, что Семен перенес груз в палатку, он внимательно осмотрел ее, но вещей не обнаружил. Тогда он разбудил Алексея Николаевича и Семена.

С оружием в руках они обошли лагерь, но ничего не заметили. Семен и Петр бросились к лошадям и верхом стали внимательно осматривать окрестности.

Метрах в двухстах от палаток на берегу Мяунджи они обнаружили сваленные в беспорядочную кучу вьючные ящики и другое снаряжение. Ящики и сумы оказались вскрытыми.

Не хватало главным образом продуктов. Исчезли килограммов тридцать муки, почти весь сахар, чай, галеты, значительная часть консервов. Были опустошены до основания две переметные сумы Семена, в которых тот держал все свои немудрёные сокровища — брюки, белье, рубашки, торбаза и прочее. Захвачена была также наша запасная обувь, в том числе моя гордость — почти новые болотные сапоги, на которых остались неизгладимые следы желтой эмалевой краски, вытекшей из банки во время одного из переездов.

Содержимое остальных вьючных ящиков было вывалено на землю. В них находились наши многочисленные образцы горных пород, которые для похитителей интереса не представляли. Хорошо, что хоть мой ящик не попал под брезент, а находился в палатке. В нем были деньги, документы, карты, т. е. как раз то, что представляло бы для беглецов исключительную ценность.

В одном из ящиков бандиты нашли и унесли с собой порох, дробь, пистоны, а также пыжи и барклай — значит, у них было оружие. Действовали они разумно и умело: перетащив потихоньку груз на значительное расстояние от палаток, они могли без помехи заняться исследованием содержимого сум и ящиков. Грабители даже проявили склонность к шуткам. В переметные сумы Семена взамен забранного они положили свои прожженные, рваные, кишащие вшами ватные брюки, рубашки и телогрейки и вновь тщательно завязали сумы.

Петр с Семеном верхом на лошадях пытались преследовать налетчиков, но вскоре вынуждены были бросить это безнадежное занятие.

Случившееся настолько сильно всех взволновало, что, прибыв на устье Мяунджи, Успенский не рискнул разбить стан на видном месте, а предпочел запрятаться в кустах. Больше всего его беспокоило, что неподалеку от нашего нового лагеря, на одной из отмелей Аркагалы, были обнаружены свежие человеческие следы.

Это так напугало старика, что он не решился даже разжечь костер. Только днем на маленьком костерчике поисковики сварили скудную пищу и опять, как куропатки, засели в палатке, не рискуя выдать свое присутствие.

Поход за углем

Ночь мы провели спокойно, дежуря по два часа. Рано утром истекло время очередного дежурного — Петра. Он приготовил легкий завтрак, и мы, поев, принялись за сборы.

Было решено, что Николай с Семеном, забрав почти весь груз, отправятся на устье Эмтыгея, а мы втроем, захватив только небольшую палатку, печку и жалкие остатки уцелевших после ограбления продуктов, на трех конях двинемся вверх по Аркагале к заветным выходам каменного угля.

Налет особенно сильное впечатление произвел на Семена. Он стал мрачен, задумчив, не спал, почти ничего не ел и только упорно твердил, что надо как можно скорее уезжать отсюда на устье Эмтыгея. По-видимому, его кроме материального ущерба сильно удручало сознание того, что он был на волосок от смерти и что, не вернись Успенский и Петр, его, возможно, уже не было бы на свете. Когда утром он узнал, что мы втроем едем дальше вверх по Аркагале, он неодобрительно покачал головой и промолвил: «Ой, кусаган (плохо), надо, однако, ходить на устье».

Николай явно рад, что уезжает, что кончаются его, как он говорит, мучения. Петр держится весело и едет с охотой. Алексей Николаевич с удовольствием отказался бы от этой несколько рискованной поездки, но держится бодро.

По случаю окончания полевых работ и нашего расставания я решил угостить ребят какао со сгущенным молоком, которые находились в моем вьючном ящике. Надо было видеть, как осклабился и просиял Николай, услышав из моих уст слова: «Ну, в честь расставания мы сегодня немного угостимся», и как он помрачнел, когда узнал, что это угощение всего лишь жалкое какао. Варил какао он и со злости высыпал чуть ли не всю банку, оставив самую малость порошка на дне.

Петру он горько жаловался на то, что я не хочу ему дать спирта, и сожалел, что не выпил его весь в свое время. Спирт же в заветной банке мирно покоился неподалеку под коряжиной и ждал того времени, когда он будет необходим: от устья Эмтыгея нам предстояло добираться до жилых мест сплавом на плотах.

После завтрака мы распростились и почти одновременно направились в разные стороны.

Рыжка, Вороной и Серко, нагруженные кладью не более как

по пуду на коня, бодро зашагали вверх по Аркагале. Мы шли пешком и только при переходе через многочисленные перекаты пользовались услугами наших четвероногих друзей.

По пути в небольшом лесочке около устья Аркагалы мы подстрелили трех больших глухарей.

Стояла прекрасная ясная погода. Все веселило нас в этот чудесный день. Радовало неожиданное пополнение наших продовольственных запасов, и мы предвкушали, с каким аппетитом будем есть вечером вкусный и наваристый глухариный суп с легким, чуть заметным запахом хвои. Радовали пробы по Аркагале, которые систематически давали по нескольку десятков золотых знаков на лоток, Радовали симпатичные налеты черного углистого буса на песчаных отмелях и многочисленные куски угля на галечных берегах.

Но следы, человеческие следы! Они внезапно стали попадаться нам, в разных направлениях пересекая русло Аркагалы и не на шутку тревожа нас. Некоторые из них были совсем свежие, чуть ли даже не сегодняшние. Чьи они? Кто и зачем ходил здесь?

Мы осторожно продвигались вверх по Аркагале, зорко всматриваясь в прибрежные заросли и избегая близко подъезжать к залесенным участкам. Путь наш проходил по широким открытым галечным отмелям, которыми изобилует долина Аркагалы.

Медленно поднимаясь вверх по течению, мы часто останавливались. Успенский с Петром время от времени брали из речных отложений пробы. Становилось ясно, что золото есть не только в бассейне Мяунджи, но и по Аркагале. Я внимательно осматривал береговые обнажения. Характер горных пород резко изменился. По Мяундже и по Эмтыгею залегала однообразная свита темно-серых песчаников и сланцев, нередко сменяемых выходами гранитных пород, образующих отдельные большие возвышенности. Там часто встречались, особенно в нижнем течении Мяунджи, темные зеленоватые породы лавового характера — базальты и порфириты — следы древней вулканической деятельности.

Здесь же, по Аркагале, нам стали попадаться горные породы совершенно иного облика. В береговых обнажениях отвесными стенами стояли выходы крупногалечного рыхлого конгломерата, состоявшие из слабосцементированных галек изверженных и осадочных пород. Иногда среди них попадались пласты рыхлых песчаников, почти песков. Все было странно, ново, интересно.

Так, постепенно продвигаясь вверх, мы прошли около 15 километров. Человеческие следы перестали попадаться, и на

душе стало спокойнее. Все же, остановившись на ночлег, мы приняли меры предосторожности. Палатку установили на небольшом островке в густой купе тальника, тщательно замаскировав ее. Со всех сторон к острову был открытый подход через протоки и галечные косы Аркагалы. Лошадей Петр перевел на другой остров, изобиловавший кормом. При дневном свете мы сварили сытный обильный ужин, пустив в ход одного из глухарей, и, распределив дежурства, улеглись отдыхать.

Утром, как только взошло солнце, мы уже были на ногах. На ветвях и траве серебрился густой налет инея, а поверхность воды в затишных местах была покрыта тонкой пленкой льда. Вокруг стояла мертвая тишина, прерываемая равномерным, однотонным шумом Аркагалы. Мы быстро позавтракали остатками вчерашнего ужина, выпили вместо чая горячей воды и тронулись в дальнейший путь.

Не успели мы пройти двух-трех километров, как количество каменноугольных обломков резко возросло. Вместо небольших разрозненных кусков стали в изобилии попадаться крупные, почти совершенно свежие обломки, в то время как угольная мелочь в отдельных участках речки стала образовывать сплошные черные россыпи.

Справа по ходу в Аркагалу, весело журча, вливалась светлая струйка бойкого говорливого ключика, глубоко врезанного в крутые скалистые берега. В его русле поблескивали на солнце смоляно-черные крупные куски свежего каменного угля. Обломки его, впрочем, виднелись и выше по Аркагале.

Как дрожащая от нетерпения ищейка, рванулся я вперед, вверх по долине ключика, зорко всматриваясь в его крутые берега, обшаривая глазами каждое обнажение.

Они то появлялись, то вновь исчезали, сменяя друг друга, но не было в них той желанной черноты, которую так жадно искал взор. А на отмелях и косах то там, то здесь чернели, сверкая и переливаясь при ярком свете солнца, куски, обломки и глыбы драгоценного топлива. Временами количество его резко уменьшалось, временами, наоборот, русловые отмели были сплошь усеяны им.

Время шло томительно медленно. И вот наконец впереди, в одном из крутых бортов ключа, на сероватом фоне окружающих песчаных пород замелькала жирная черная полоса. Я подошел ближе и увидел мощный пласт каменного угля, пересекавший толщу песчаниковых пород. Сняв шляпу, я низко поклонился, приветствуя его.

Это был первый полутораметровый пласт сплошного каменного угля, чистый, свежий, омытый ключевой водой. Он

уходил по кривой линии вниз под русло. Несколько выше в береговом обрыве залегал второй пласт, а затем — третий, самый мощный. Чувствовалось, что в этом ручье случайно выходят на земную поверхность скрытые в недрах пласты крупного угольного месторождения. Однако это надо было доказать, установив характер и площадь распространения угленосных пород.

Кое-где виднелись обломки и выходы обожженных, резко измененных ошлакованных пород, которые так поразили меня, когда я впервые увидел их в галечных отмелях на устье Эмтыгея. Теперь стало ясным их происхождение.

Почти всегда в районах каменноугольных месторождений встречаются следы былых подземных пожаров. В некоторых местах такие пожары, обусловленные горением пластов угля, известны и сейчас. Они продолжаются много десятков лет. Уголь горит долго и жарко; изменяя и ошлаковывая окружающие породы. Здесь также некоторые пласты подверглись губительному воздействию пожаров, превративших вмещающие породы в разноцветные ошлакованные разности.

Остаток дня я посвятил описанию и замерам пластов, их расчисткам и взятию угольных проб.

Успенский с Петром прошлись вверх по ключу с опробованием. Сверх ожидания ключ оказался золотоносным и несколько проб показали даже весовое золото.

Мы решили назвать ключ «Знатным». Название было торжественно выведено крупными буквами на широкой затеси в стволе крупной лиственницы, росшей на высоком берегу около устья ключа.

Ночь мы провели спокойно. Нашу печку вместо обычных дров мы досыта кормили углем. Уголь горел превосходно, и в палатке стояло приятное ровное тепло.

На следующий день мы поднялись километров на десять вверх по Аркагале, до ее первого левого притока. Угленосная свита отчетливо наблюдалась в его устьевой части, однако пластов угля в долине не было видно. В русле же Аркагалы обломки каменноугольной мелочи прослеживались значительно выше устья этого притока. Значит, где-то выше по Аркагале должны обнажаться новые выходы каменного угля. Что это за выходы? Каковы они? Можно было бы попытаться дойти до них, но положение с продуктами у нас было буквально катастрофическое.

Мне стало даже досадно, что я в свое время пошел с работой по Мяундже, а не по Аркагале. Однако, поразмыслив немного, я пришел к заключению, что сделал правильно. Наша маленькая группа все равно не смогла бы детально исследовать развитую

здесь угленосную свиту. Здесь необходимо большое количество рабочих, снабженных соответствующим оборудованием для проведения хотя бы поверхностных выработок. Мы с нашими слабыми силами сделать этого были не в состоянии и в конечном счете привезли бы в Магадан ту же качественную, а не количественную характеристику угленосности этого района. Так или иначе сюда придется возвращаться на следующий год для детального исследования. Теперь же мы имеем на своем балансе золотоносность Мяунджи и перспективную угленосность Аркагалы с указаниями на золотоносность отдельных участковое бассейна.

Наступило 14 сентября. По договоренности с Гавриловым 16 сентября мы должны были встретиться на устье Эмтыгея. Если бы у нас были продукты, мы, вероятно, задержались бы в районе Знатного на день-другой. Слишком много было здесь нового, интересного. Однако приходилось возвращаться. На обратный путь у нас оставалось только несколько горстей муки, и нашим единственным блюдом на завтрак и ужин была жалкая болтушка.

Голодные, но довольные, мы шли налегке. Зато наши лошади были основательно загружены каменноугольными пробами.

На устье Эмтыгея. Обратный путь

Точно 16 сентября мы добрались до устья Эмтыгея. Прибыли мы, правда, очень поздно — в одиннадцать часов вечера после долгого блуждания в темноте среди лабиринта проток и стариц, смертельно голодные, усталые и мокрые, так как большую часть пути нас усиленно поливал холодный осенний дождь.

На устье Эмтыгея было весело и оживленно. Около якутских изб возник целый палаточный городок. Гаврилов приехал два дня назад. Еще раньше вернулся Филиппов, который вместе с геологом Женей Тараканом работал в бассейне Хинике — крупного правого притока Аян-Юряха. Их отряд на целых две недели был оторван от работы для несения караульной службы на заставе, которая только недавно была снята.

Встреча была отпразднована обильным ужиком с легким возлиянием из заветной банки. У Гаврилова тоже оставались некоторые запасы драгоценной влаги, и мы решили следующий праздник устроить после того, как будут, пройдены пороги.

Несмотря на усталость, спать мы легли только в пять часов утра.

Следующий день был посвящен подведению итогов полевых работ. Они оказались неплохими. Отряд Гаврилова обнаружил

россыпное олово во многих притоках Аян-Юряха. По существу был выявлен новый оловоносный район, заслуживающий дальнейшего, более детального исследования. Филиппов и Тараканов установили признаки золотоносности в бассейне Хинике. Наша группа исследовала сверх плана, значительную часть бассейна Эмтыгея, где помимо заведомо промышленных месторождений россыпного золота оказались очень перспективные месторождения каменного угля, позволявшие надеяться на то, что в ближайшем будущем удастся разрешить сложную проблему снабжения энергией горнодобывающей промышленности.

Золото, олово и уголь — три ценнейших и крайне необходимых вида полезных ископаемых, к тому же находящихся в таком территориально близком соседстве… Можно было с уверенностью говорить о том, что этот отдаленный пустынный район вскоре заживет полнокровной производственной жизнью.

Обширная золотоносная зона, в свое время прозорливо намеченная Ю. А. Билибиным, была прослежена нами еще дальше к северо-западу. Похоже было на то, что она окаймляется широкой зоной оловянной металлогении.

Огромное белое пятно в этой части территории Колымо-Охотского края оказалось теперь в какой-то степени заполненным. На карте появилась узорная речная сеть, покрытая разноцветными кружками-пробами. Различных расцветок полосы дали представление о геологическом строении этой части территории.

Все это было пока вчерне нанесено на истрепанные полевые карты. Предстояла большая, кропотливая работа по увязке полученных данных, тщательное изучение собранного материала — всех этих многочисленных образцов и проб, которые так обременяли наши спины во время длительных маршрутов. Зимой, во время так называемой камеральной обработки материалов, мы должны все это систематизировать, привести в порядок, детально изучить под микроскопом, описать и дать обоснованное заключение о геологии и полезных ископаемых района наряду с планом дальнейших работ в нем. Однако уже и сейчас у нас есть все основания быть довольными. Мы неплохо поработали и могли гордиться достигнутыми результатами.

На пути домой было теперь лишь одно серьезное препятствие — Колымские пороги. В 1932 году наша партия благополучно проплыла через них, но раз на раз не приходится, и кто знает, как преодолеем мы их в этом году.

Когда-то, еще в XVIII веке, казаки сплавляли от устья Эмтыгея грузы, предназначенные для колымских острожков —

Верхнеколымска и других. Все шло более или менее благополучно, пока на порогах не разбилось два паузка и не утонуло несколько человек. С тех пор сплав через пороги надолго прекратился. Неподалеку от жилья эмтыгейских якутов до сего времени сохранилась роща могучих строевых лиственниц, из которых казаки делали свои неуклюжие паузки.

Между прочим, на устье Эмтыгея нам пришлось встретиться с незваными гостями, которые обобрали нас на Мяундже.

Хотя застава с устья Эмтыгея была снята, там все еще находился оперативный пост из трех стрелков. Старший из них, Володя Колосов, живой и общительный бородач, рассказал нам, что несколько дней назад проезжавшие якуты привели двух беглецов, по-видимому тех, которые учинили нападение на наш лагерь.

Я отправился взглянуть на них. В темной тесной избушке под замком сидели два здоровенных мордастых дяди, с которыми не дай боже встретиться где-нибудь в глухом углу, да еще одному. Они молча и мрачно смотрели на нас. На ногах одного из них были мои болотные сапоги с предательской желтой краской на голенищах. За какие-нибудь две недели сапоги превратились в явно неизлечимых инвалидов.

Налет на лагерь был совершен 7 сентября, а 12-го беглецы были задержаны более чем в 120 километрах от устья Эмтыгея, в бассейне Индигирки, недалеко от Оймякона. За это время они успели основательно расправиться с украденными у нас продуктами. Они сами себя подвели смело и, пожалуй, даже нахально выйдя навстречу группе якутов, ехавших из Оймякона. Беглецы отрекомендовались работниками полевой партии, случайно заблудившимися, и просили указать им дорогу. Внешний облик этих «рабочих» настолько ясно говорил за себя, что якуты немедленно обезоружили их (у беглецов было охотничье ружье) и любезно предложили следовать с ними до устья Эмтыгея. Попытка разжалобить якутов и даже подкупить их оказалась безрезультатной, и вот два дня назад беглецов доставили сюда.

Семену удалось вернуть только жалкие остатки своего добра. Все остальное находилось на плечах этих «рабочих» и было в таком состоянии, что даже невзыскательный Семен отказался взять обратно свои вещи.

Колосов рассказал нам много интересного. Ему пришлось принимать непосредственное участие в ликвидации банды беглецов. Он сильно подозревает, что «наши» беглецы были членами этой разгромленной банды, которым в свое время удалось скрыться.

18 сентября мы наконец покинули гостеприимное устье Эмтыгея и целой флотилией из шести плотов медленно поплыли по извилистому руслу Аян-Юряха.

Давно уже скрылся из виду острый залесенный мыс, столь характерный для устьевой части Эмтыгея, а я долго еще всматривался в прозрачную даль, стараясь разглядеть знакомые очертания эмтыгейских сопок.

День был удивительно хорош, и мы наслаждались чудесной погодой и приятным плаванием. Плоты медленно плыли вниз по течению, выбрасывая густые клубы дыма из поставленных на них железных печек. Сквозь зеленовато-прозрачную воду отчетливо просматривалось усеянное крупной галькой дно реки. Временами попадались громадные косяки хариусов, медленно сплывавших вниз на зимовку. Попытка заняться рыбной ловлей потерпела неудачу. Ни один из них не реагировал на самую вкусную приманку, равнодушно проплывая мимо.

Со мной на плоту находились Успенский и Петр. Николая вместе с одним из рабочих отряда Гаврилова мы отправили до Оротука сопровождать конный транспорт. Вместе с ними отправились конюхи-якуты и наш Семен, с которым мы, закончив расчет, мирно расстались. Мы с Алексеем Николаевичем постарались как могли возместить ему убытки, выделив кое-что из наших личных вещей.

Плоты то тихо скользили по зеркальной глади плесов, то резво скакали по веселым говорливым перекатам, покрытым мелкой рябью зеленоватых болтливых волн. Вокруг догорали осенние краски пышного разнотравья, но грустно становилось на душе при виде впавшей в оцепенение мрачной оголенной тайги, еще совсем недавно полной мощи и буйной, радостной силы.

22 сентября мы прибыли в Оротук, куда почти одновременно с нами пришел конный транспорт. Мы рассчитались с колхозом за арендованных лошадей, оставили под сохранную расписку лошадей, приведенных с Хатыннаха, и, забрав своих рабочих, отплыли дальше.

28 сентября мы благополучно миновали Колымские пороги, выбравшись, правда, из их рычащего хаоса мокрыми до нитки.

Вечером по случаю успешного преодоления порогов около устья Бахапчи была устроена традиционная «послепорожная» вечеринка.

На следующий день к вечеру мы уже были на устье Оротукана. Несколько выше него намечалось строительство моста через Колыму, до которой уже была проведена автодорога. Пока что через Колыму переправлялись на пароме. Сдав наших рабочих

в лагерное подразделение, расположенное около строящегося моста, мы на попутной порожней автомашине через восемнадцать часов добрались до Магадана.

Снова на Хатыннахе

За время нашего отсутствия произошли крупные изменения. Кроме Южного горнопромышленного управления было организовано Северное с местонахождением на Хатыннахе. Сюда мы и были направлены, поскольку исследованная нами территория входила в сферу деятельности вновь организованного управления.

Вскоре после того, как замерзли реки, мы по зимнику добрались до Хатыннаха. Бытовые условия, как и полагается во вновь организованном предприятии, да еще такого крупного масштаба, как горнопромышленное управление, были очень тяжелыми. Жить и работать приходилось в палатках. Правда, это были большие брезентовые палатки размером шесть на девять или семь на двадцать один метр, разделенные дощатыми перегородками на отдельные каморки, но все равно в них было очень холодно, а кроме того, даже в жилье этого рода ощущался острый недостаток. Что касается снабжения, то с ним дело обстояло значительно лучше, нежели в предыдущие годы. Автодорога уже дошла до устья Оротукана и теперь быстро велась в сторону Хатыннаха. С наступлением холодов на Хатыннах была проведена временная зимняя дорога (автозимник), которая большей частью шла по руслу или по безлесным заболоченным участкам.

Наш быт оставлял желать лучшего, зато в других отношениях мы чувствовали себя превосходно. Коллектив геологов подобрался дружный, сплоченный, и жили мы, как говорится, душа в душу.

Начальником управления был назначен работавший ранее в Союззолоте М. Л. Кандер, молодой, но хорошо знающий производство человек. Живой, энергичный и общительный, с широким кругозором, он прекрасно понимал значение геологической службы и старался во всем помогать геологам, зная, что впоследствии это с лихвой окупится. Такую же, хотя и более сдержанную, позицию занимал главный инженер М. А. Эйдлин, человек большой культуры и прекрасных организаторских способностей. Главным геологом управления был Д. В. Вознесенский, приехавший на Колыму в 1930 году вместе с В. А. Цареградским. Это был толковый, знающий геолог и прекрасный товарищ, пользующийся всеобщим уважением.

Это время было, вероятно, единственным и неповторимым, когда между горняками и геологами царили подлинный мир и согласие. Во все остальные времена геологоразведочная служба, когда она находилась в ведении горнопромышленных управлений, чувствовала себя пасынком, с которого много спрашивалось, но которому мало давалось.

В 1935 году, вскоре после убийства С. М. Кирова, на Колыму была выслана большая группа бывших работников Ленинградского ГПУ во главе с начальником последнего Ф. Д. Медведем. Ехали они в колымскую ссылку со всеми удобствами и по прибытии в Магадан получили соответствующие крупные посты. Медведь был назначен начальником Южного горнопромышленного управления, а большинство его подчиненных стали начальниками приисков.

Многие из них получили назначение во вновь организованное Северное горнопромышленное управление. Дорожным строительством на трассе, идущей к Хатыннаху, руководил М. В. Запорожец — один из бывших помощников Медведя, человек очень энергичный и волевой. Все эти люди оказались на месте, и дела в новом управлении шли успешно.

В 1937 году Медведь и его сослуживцы по Ленинграду были вывезены с Колымы, и больше мы о них ничего не слышали.

На Колыму почти все они приехали с семьями и привезли с собой много предметов домашнего обихода, мебель, большое количество книг, а также начинавшие тогда входить в обиход патефоны с многочисленными наборами пластинок, в том числе зарубежных, которые в обычных условиях нам вряд ли удалось бы услышать. Были там наборы песенок Вертинского, Лещенко, Изы Кремер и многих других как на русском, так и на иностранных языках.

Это тоже в какой-то мере скрашивало нашу жизнь. Ни кино, ни радио в то время в этих местах не было, а частные радиоприемники ввозить на Колыму было категорически запрещено.

По приезде на Хатыннах я был назначен начальником геологопоискового сектора. Мне очень не хотелось расставаться с полюбившейся полевой работой, и я согласился занять эту должность при условии, что на следующее лето поеду заканчивать исследование Эмтыгея.

Зима прошла в напряженной работе. В 1936 году на территории Северного горнопромышленного управления должно было работать пятнадцать геологопоисковых партий разного типа и масштаба. Их надо было организовать, укомплектовать и снабдить всем необходимым, в том числе и транспортом.

Благодаря всесторонней помощи со стороны руководства управления эта работа была проведена успешно, и я весной 1936 года со спокойной совестью мог выехать на полевые работы, сознавая, что все партии заблаговременно обеспечены всем необходимым.

Опять на Эмтыгей. Год 1936-й

В пути

Наконец-то мы в пути. Кончился дикий сумбур последних предотъездных дней. Вокруг мир, тишина, покой. Сверкающая снежная поверхность Дебина — крупного левого притока Колымы — прорезана тонкой ниточкой нартовой дороги. По ней движется наш караван.

Вдоль берегов чернеет хмурая, оголенная тайга. Ярко светит солнце, голубеет безоблачное небо, и мартовский морозец ласково пощипывает щеки и нос. Олени бегут мерной трусцой. Весело поскрипывают нарты.

Как приятно вырваться из плена надоевшей поселковой жизни и вновь душой и телом слиться с дикой величественной природой, пока еще не тронутой рукой человека. Опять впереди жизнь в палатке, жаркое дыхание накаленной докрасна печки, гулкая усталость после напряженного рабочего дня и крепчайший каменный сон. Все это привычно и мило сердцу того, кто знает и

любит тайгу, но как тяжело в ней тем, кому она чужда и непонятна!

28 марта мы простились с нашими товарищами на Хатыннахе и огромным обозом — около сотни нарт — длинной цепью растянулись по хорошо укатанной дороге, идущей вверх по Дебину. В этом году намечается массированное наступление на Эмтыгей. Четыре отдельных отряда, сведенные в единую комплексную геологопоисковую партию, в количестве двадцати шести человек едут штурмовать бассейн этой реки.

Когда я в прошлом году доложил руководству Дальстроя о результатах наших работ, мнения разделались.

Начальник Дальстроя Э. П. Берзин и его заместитель Л. М. Эпштейн — люди, далекие от геологии, — с удовлетворением восприняли известие о существовании в бассейне Эмтыгея перспективных угольных месторождений. Уголь был крайне необходим. Им хотелось верить, и они верили в аркагалинский уголь. Зато к золотоносности этого района они отнеслись с нескрываемым скепсисом, поскольку испокон веков золото и уголь были антагонистами и рядом не уживались.

Большинство геологов, наоборот, восприняли как должное наличие в бассейне Эмтыгея золота. Эмтыгей находится на продолжении намеченной Билибиным золотоносной полосы. Общая геологическая обстановка здесь достаточно благоприятна для развития золотой металлогении. А вот узкая зона угленосных образований, приуроченная к долине Аркагалы, вызывала у специалистов сомнение в перспективности обнаруженного здесь угольного месторождения. Уголь, конечно, есть, считали они, но он приурочен к небольшой площади и вряд ли будет иметь серьезное значение.

Существование двух противоречивых точек зрения и обусловило организацию такой укрупненной партии, как наша. Мы должны были дать окончательный ответ, что представляют собой уголь и золото Эмтыгея, особенно уголь.

Из прошлогодних работников в партии остался только Успенский. Он ехал в качестве начальника отряда, который должен провести детальное опробование бассейна Мяунджи. В прошлом году мы смогли сделать эту работу лишь «начерно», в первом приближении.

Весь остальной состав партии был укомплектован людьми новыми, мало мне знакомыми. Ближайшим моим помощником был молодой техник Володя Светлов, подвижный, шумный и энергичный. Он должен был возглавить угольный отряд. Перед этим Володя проводил разведочные работы на уголь неподалеку от Магадана. Прорабом-поисковиком впервые ехал

А. Л. Павленко, работавший раньше коллектором-съемщиком в одной из полевых, партий. Топограф А. Ф. Инюшин руководил топоотрядом, которому предстояло составить крупномасштабную карту участков, сложенных угленосными образованиями.

Среди рабочий партии были два коллектора-съемщика — Роберт Котман и Гриша Губанов, — обучавшихся на кратковременных курсах и выпущенных досрочно в нашу отдаленную партию.

Сидя на нартах, мы довольно быстро продвигались вперед по укатанной дороге. Где-то перед нами двигалась на шестидесяти нартах партия геолога Е. Т. Шаталова, который ехал работать в бассейн Индигирки. Там в прошлом году геолог И. И. Галченко обнаружил золото, и руководство Дальстроя послало теперь туда хорошо оснащенную партию для уточнения и расширения этих данных.

Как приятно ехать по гладкой, хорошо укатанной дороге! Олени, пофыркивая, бодрой рысцой бегут вперед, все дальше и дальше увозя нас от Хатыннаха.

Фиолетовыми отсветами догорающего заката отмерцали снежные вершины причудливых гольцов горной цепи Негоях, заискрились в потемневшем небе светлячки многочисленных созвездий, мороз стал чувствительно кусать нос и щеки, а мы все ехали и ехали по скрипящему снегу, ища места, удобного для ночлега. Он будет там, где достаточно корма почти для двухсот наших оленей.

Наконец мы остановились. Пока каюры выпрягали оленей, началась подготовка к ночлегу. Запылали костры. На снежной поверхности речного русла было вытоптано несколько площадок, и на них установлены палатки.

Мы размещаемся вчетвером — Светлов, Успенский, я и повар партии Иван Иванович, который уже хлопотливо возится у костра, гремя ведрами.

В палатке мы прямо на снегу расстелили брезент, разместили на нем наши уютные спальные мешки, растопили печку, зажгли свечу, и внутри сразу стало не хуже, чем в доме. Правда, наши печки, предназначенные для летних условий, слишком малы, размер их не соответствует мощи мартовских морозов, так что в палатке, в двух шагах от раскаленной докрасна печки, вода в кружке быстро покрывается корочкой льда. Однако жить в ней вполне можно. А после сытного ужина и пары кружек горячего сладкого чая с черноморскими галетами жизнь явно превращается в сказку из «Тысячи и одной ночи».

Это «сказочное» существование, к сожалению, омрачается непристойным поведением наших оленей.

Современный олень — это настоящий бич для путешественника. Давно ушли в область преданий те благословенные времена, когда олени питались одним только ягелем. Теперь олени — это отвратительно всеядные существа, которые наносят путешественникам неисчислимые протори и убытки. Наевшись своего любимого ягеля, они ночью спускаются с сопок, нахальными толпами бродят между нарт, обнюхивая и проверяя не ими положенное. Жадными слюноточивыми ртами вгрызаются они в мягкую мешочную тару, норовя сожрать муку, сухие овощи и прочие продукты, с отчетливо выраженным намерением обречь нас в будущем на муки голодной смерти.

Приходится устанавливать специальные дежурства для борьбы с этими четвероногими агрессорами, которые упорно сопротивляются, не желая покидать лагерь. Зато к утру они удирают на вершины сопок, разбиваются на группки, и на поимку их тратится много усилий и времени. Раньше полудня выехать нам не удается.

С трудом мы преодолели «трубу» — узкий ущелистый отрезок долины Дебина с высокими скалистыми отвесными берегами. Здесь, как в аэродинамической трубе, вечно дует пронзительный ветер, который начисто сметает снег, и поверхность льда блестит как трещиноватое зеркало.

Олени не могут идти по этому зеркалу. Копыта их выколачивают бешеную дробь, ноги расползаются в разные стороны, они спотыкаются, падают, вновь вскакивают и, продвинувшись на несколько шагов, опять падают.

«Труба» основательно вымотала не только оленей, но и всех нас. Без нашей помощи олени не смогли бы протащить груженые нарты на расстояние до четырех километров — такова протяженность «трубы». Долина Дебина прорезает здесь гранитную цепь Негоях, образуя порожистый участок. В некоторых местах вздымаются большие растрескавшиеся ледяные бугры, около которых угрожающе торчат из-подо льда темные острые края гранитных глыб.

Через двое суток мы, к нашему удивлению, нагнали партию Шаталова, выехавшую на четыре дня раньше нас.

Оказалось, что сначала они, как и мы, ехали по следам дорожников, ведущих изыскания пути из Хатыннаха на Бёрёлёх, и продвигались достаточно быстро, потом по совету заведующего оленьим транспортом якута Сыромятникова в поисках более короткого пути свернули в сторону, и теперь им приходится самим торить дорогу.

Скорость нашего продвижения резко снизилась. Торить дорогу по целине — невеселое занятие. Впереди на лыжах идут

два человека, прокладывающие первый след. За ними движется связка оленей с десятком облегченных нарт, которые вчерне намечают путь, далее следует остальной караван, оставляя за собой гладкую, хорошо укатанную дорогу — неожиданную радость для последующих путников.

Третьего апреля мы благополучно добрались до устья Сусумана — крупного левого притока Бёрёлёха. Бёрёлёх — по-якутски «волчья долина», и он оправдал это название. Утром в партии Шаталова была обнаружена пропажа трех оленей. После долгих поисков два из них были найдены, один загрызенный насмерть, другой едва живой.

Нашли их километрах в двух от стоянки. Тунгусы-каюры по следам определили, что в нападении участвовали три волка. Третьего оленя найти не удалось. Вероятно, он также стал жертвой волков. Тунгусы немедленно прирезали оставшегося в живых оленя, забрав тушу себе. Загрызенного оленя они оставили на месте. Его подобрал Шаталов, пообещавший выделить часть мяса нашей партии. Я с ним в свою очередь поделился свежим печеным хлебом, который мы купили у дорожников, когда проезжали мимо них.

На устье Сусумана Шаталов остановился в полукилометре от нас, и я отправил к нему за мясом нашего повара Ивана Ивановича. Он отнес Шаталову хлеб и принес, вернее, приволок по снегу ляжку и бок, как он выразился, «упокойника». Иван Иванович в свое время работал в скотобойне колбасной фабрики и хорошо разбирался в анатомии. В мясе он моментально разыскал «крупку» — каких-то паразитов, рассеянных среди мускульной ткани. Это вытянутые, в полсантиметра длиной водянистые пузырьки, заключенные в полупрозрачную плотную оболочку. Внутри пузырьков находится белый величиной с горошину комочек — основное тело паразита.

В нашем олене «крупки» оказалось сравнительно немного, но все же мы решили как следует сначала проварить, а затем прожарить мясо.

Через некоторое время пришел Шаталов пригласить меня, Светлова и Успенского «на поминки», на каковой предмет в его палатке жарились печенка и почки. Узнав о «крупке», он несколько огорчился. Иван Иванович поспешил его утешить, заявив, что в печенке «крупки» не бывает. При этом он флегматично добавил, что там только болячки и разные червячки встречаются, а что касаемо «крупки», то ее в печенке нет.

После этого сообщения печенку жарили до бесчувствия, так что она даже хрустела на зубах. Правда, Светлов и три человека из шаталовского штаба, узнав о «крупке», решительно отказались

от печенки и перешли на изготовление ужина из консервов. Остальные же, хватив немного спирту, принялись с аппетитом уничтожать злополучную печенку, которая оказалась великолепной, и ее едва-едва хватило мужественным гурманам.

На следующее утро Шаталов и я отправились с «визитами» в поселок Бёрёлёх. Нам надо было встретиться с нашим представителем, посланным для найма лошадей на летний период, а также выяснить окончательный вариант дальнейшего пути.

Поселок состоял из трех далеко стоящих одна от другой якутских юрт — хатонов, принадлежавших трем братьям Балаторовым. Одна из них, принадлежавшая Афанасию Балаторову, находилась на берегу Бёрёлёха, в устье Сусумана. Другая, Алексея Балаторова, — километрах в пяти ниже по Бёрёлёху. И наконец, третья, стоявшая в полутора километрах от второй, принадлежала симпатичному одноглазому якуту Илье Балаторову, который в прошлом году помогал нам переправляться через Бёрёлёх.

Ни Афанасия, ни Ильи мы дома не застали: оба они были на охоте. Хорошо хоть, что дома оказался Алексей, у которого мы смогли узнать интересующие нас новости. Переводчиком у нас был каюр Костя Шахурдин — молодой красивый тунгус. Он окончил в Магадане совпартшколу с трехлетним сроком обучения и свободно говорил по-русски и по-якутски.

Из расспросов выяснилось, что Алексей очень плохо знает район. Хотя верховья Мяунджи находятся всего в 30 километрах от Нексикана, в устье которого живет Алексей, он ничего не смог сообщить нам о характере перевалов из Нексикана в Мяунджу, так что нам придется полагаться на собственную интуицию — вещь очень ненадежную во время путешествия зимой по бездорожью.

Отправляясь с визитами, мы, конечно, захватили с собой некоторое количество «огненной водицы», иначе мы нарушили бы этикет; Алексей угостил нас вареными куропатками.

Во время пиршества раздался звон бубенчиков, и к хатону Алексея бодро подкатил Роман Слепцов — поджарый пожилой тунгус в черных очках, по прозвищу «атаман». Как непревзойденный знаток местности, он был специально прислан Сыромятниковым в качестве проводника для партии Шаталова. С великим почетом усадили мы проводника, угостили спиртом и с помощью Кости стали с пристрастием допрашивать его о путях-дорогах. Однако после долгих расспросов мы с Шаталовым пришли к грустному выводу, что «атаман» крайне туманно представляет себе места, в которые направляется Шаталов, и что

с таким проводником нам придется хватить немало горя. Держался Слепцов весьма уверенно, но для меня, знающего Мяунджу и нижнее течение Аркагалы, было ясно, что он никогда там не бывал. После разговора с ним Шаталов не на шутку стал задумываться, как бы побыстрее и с почетом избавиться от этого проводника, ибо ясно было, что пользы от него будет немного.

Обратная дорога была сплошным фейерверком снежной пыли. Нарты неслись как бешеные, олени, высунув от натуги длинные красные языки, угорело мчались, понукаемые выкликами наших каюров, и пятнадцатикилометровое расстояние до нашего стана мы проехали за каких-нибудь полчаса. Костя Шахурдин простодушно заметил: «Однако нынче день по-стахановски провели, шибко хорошо ехали».

На следующий день, когда все уже было подготовлено к отъезду, выяснилось, что у Кости пропало два оленя. Костю, однако, огорчила не столько пропажа оленей, как то, что они пропали именно у него, в то время как у каюра партии Шаталова бывшего кулака Зыбина все олени оказались на месте. В свое время Костя злорадствовал, когда у Зыбина волки вывели из строя трех оленей, теперь пришла очередь злорадствовать Зыбину.

Зыбин, как он выражается, «подарил» Дальстрою две тысячи оленей. Когда мимо проходят транспорты, он с затаенной грустью говорит: «Вот, однако, моя олень пошел». Оленей тунгусы распознают с исключительной точностью. Для нас они все «на одно лицо», а для тунгуса каждый олень имеет ярко выраженную индивидуальность.

Отношения у Шахурдина и Зыбина натянуто-враждебные, и Костя всячески старается подчеркнуть это. Когда мы вчера возвращались домой от Алексея Балаторова, Костя ехал на своих оленях впереди, во главе кавалькады. Зыбину, у которого были более быстрые и сильные олени и который запросто мог обогнать Костю, приходилось скрепя сердце глотать эту горькую пилюлю. По тунгусскому обычаю не пытаться обогнать своего противника зазорно, тем более что Костя нет-нет остановит свою нарту, обождет немного, а потом вновь пустит вскачь своих оленей. Однако, помня о своей классовой принадлежности, Зыбин, глотая обиду, упорно держался сзади, не решаясь дразнить своего соперника.

Пока огорченный Костя искал пропавших оленей, партия Шаталова отправилась в путь. Во главе ее ехал «знаток местности» Роман Слепцов. Мы выехали часа через три. Одного оленя так и не удалось найти.

Дорога была очень тяжелая, и за день мы проехали не более

20 километров. Несмотря на то что партия Шаталова проторила след, мы двигались довольно медленно. Извилистое русло Нексикана прихотливыми зигзагами перебрасывалось от одного склона долины к другому. Нарты еле-еле тащились по глубокому сахарно-рассыпчатому снегу, в котором, как в песке, глубоко тонет нога.

Через несколько часов мы догнали Шаталова и дальше двигались все вместе бесконечной вереницей из полутораста нарт. Верные старым колымским традициям, мы с Шаталовым шли пешком. Глядя на медленно ползущую цепь нарт, концы которой уходили из поля зрения, мы невольно начинали чувствовать, насколько солидно поставлено у нас дело в этом году.

Переночевав в среднем течении Нексикана, мы на следующий день свернули в один из боковых притоков и через несколько часов подошли к его вершине, которая крутой кривой линией уходила высоко вверх. Знаменитый проводник «атаман» Слепцов завел нас в такое место, которое грозило вывести из строя наших оленей. «Однако по-русски это называется не перевал, а гора», — саркастически произнес Костя Шахурдин, глядя на подъем, который нам надо было преодолеть.

Дело клонилось к вечеру, и нам пришлось заночевать у подножия этого «перевала».

На следующее утро началась тяжелая процедура подъема. Под непрерывное улюлюканье, свист и крики цепочка нарт и оленей, судорожно вздрагивая, порывами продвигалась вверх, но вскоре, обессиленная, останавливалась.

«Перевал» оказался исключительно крутым и высоким. В каждую нарту пришлось вместо двух впрягать четырех оленей, и только благодаря этому мы могли кое-как подниматься.

Крутизна в некоторых местах достигала двадцати пяти-тридцати градусов. В глубоком сыпучем снегу тонула лишенная опоры нога. Подниматься было мучительно тяжело. Все работали дружно, не жалея сил. В воздухе стояли сплошной рев, свист и гомон. Взявшись с обеих сторон за нарты, люди криками и ударами подбадривали измученных оленей. А они, хрипя, спотыкаясь и падая, с дико вытаращенными глазами, утопая в сыпучем снегу, пытались рывками тащить вверх тяжело груженные нарты.

Так или иначе, а на вершину перевала мы все-таки взобрались. Однако это была только часть задачи. Предстоял еще спуск, который был не менее крут, чем подъем. Спускаться на оленях нечего было и думать: от нарт ничего бы не осталось, кроме груды развалин.

Пришлось пристраивать тормоза из веревок, обвязывая ими полозья нарт, и спускать на руках каждую нарту в отдельности. Это заняло не меньше времени, чем сам подъем, и когда мы благополучно закончили спуск, изувечив всего лишь одну нарту, уже вплотную надвинулся вечер. Долина маленького ключика Спешного вывела нас к Мяундже, где мы и остановились на ночлег, проделав за пятнадцатичасовой рабочий день каких-нибудь 5–6 километров.

На следующий день мы отправились дальше, постепенно спускаясь по долине Мяунджи. Как приятно было ехать по знакомым местам, с которыми связано столько воспоминаний! Каждый изгиб реки, каждая мало-мальски заметная сопка приветливо смотрят на тебя, вызывая в памяти яркие картины недавнего прошлого.

Скоро мы доехали до устья ключа Топкого. От основного транспорта, который медленно проследовал дальше, отделилась небольшая группа оленей, нарт и людей. Успенский со своим отрядом оставался весновать в долине этого ключа.

Я решил на несколько часов задержаться у него. Мы готовили небольшой сюрприз для руководства Дальстроя, которое не хотело всерьез верить в эмтыгейское золото.

Затаив обиду и не говоря никому ни слова, мы с Успенским решили во время весновки провести небольшую разведку на одном из наиболее надежных, с нашей точки зрения, ключей, подсчитать запасы и с конкретными цифрами в руках доказать маловерам, что Эмтыгей тоже «не лыком шит». Выбирали мы для этой цели ключ Топкий.

Проехав километра два вверх по его долине, мы подыскали место для лагеря, около которого наметили две разведочные линии на расстоянии 1200 метров одна от другой — общий стандарт того времени для поисковых линий.

На прощание я еще раз просил Успенского по мере сил и возможностей воздерживаться от пагубной страсти к спиртному, которая время от времени с непостижимой силой овладевала им. Алексей Николаевич проникновенным голосом дал торжественное обещание не поддаваться соблазну. Мы тепло попрощались, расцеловались, и я на порожних нартах быстро добрался до нашего каравана, который остановился на ночлег километрах в пятнадцати ниже по Мяундже.

Приезд. Шаги в неизвестность

15 апреля мы наконец вступили в пределы аркагаликской депрессии. Перед нами открылась обширная низменность, густо

поросшая тальником. Здесь, в месте слияния Аркагалы и Мяунджи, берет свое начало Эмтыгей. Мы были почти у цели. До места весновки оставалось каких-нибудь 18–20 километров.

Стоял чудесный весенний день: яркое солнце, голубое небо, ослепительно сверкающий снег и легкий морозец на двадцать с лишним градусов.

Наше неожиданное прибытие вызвало переполох среди местного пернатого населения, и Эмтыгей встретил нас неистовым куропаточьим клекотом. Сотни, если не тысячи, этих симпатичных представителей отряда куриных с тревожными криками смотрели на наш караван из густых зарослей. Наши охотники, вспахивая коленями глубокий рыхлый снег, проваливаясь в скрытые наледи и путаясь среди коряг и кустов, тщетно старались приблизиться к ним на расстояние ружейного выстрела.

Ах, как мудры амтыгейские куропатки! В отличие от своих среднеканских, дебинских и прочих сородичей они необыкновенно осторожны и стремглав улепетывают, как только завидят охотника. Десятки добровольцев-наблюдателей, сидя на вершинах деревьев, зорко следят за приближением неприятеля, беспрерывно сигнализируя о его дислокациях. Внимая их сигналам, основная масса куропаточьего населения в стройном порядке заблаговременно эвакуируется в безопасные места.

Напрасно охотники, барахтаясь по пояс в глубоком снегу, стараются подобраться поближе и снять наблюдателя. Последний с резким раскатистым криком, похожим на насмешливый хохот, снимается со своего наблюдательного пункта задолго до того, как охотник приложит к плечу ружейное ложе. И вот он вновь сидит, но уже на другом дереве, на безопасном расстоянии.

Конечно, среди бдительного куропаточьего племени встречаются и раззявы, которые, несмотря на превосходно поставленную службу предупредительной информации, становятся нашими жертвами, однако их так мало, что они не в счет. Между тем до наступления весеннего перелета куропатки по существу будут для нас единственным источником свежего мяса. Глухарей здесь почти нет.

…Последний рывок — и мы въезжаем в узкую долину ключа Знатного. Осенью прошлого года он радушно принял трех оборванных бродяг с жалким двухдневным запасом продовольствия. А сейчас в его узкой долине сгрудилось около сотни нарт с мешками, ящиками и тюками, и на каждом из них бросается в глаза четко выведенная черной краской надпись: «Ключ Знатный» — название, которое получил семь месяцев

назад маленький невзрачный ключик. Чем-то порадует он нас в этом году, он да и весь район в целом?

Итак, мы «дома». Вокруг ослепительно сверкает снег и неистово голубеет безоблачное небо. А неподалеку, в крутом, обрывистом берегу, чернеют толстые жирные пласты каменного угля. Десятки оленей темными оспинками усеивают заснеженные склоны долины в поисках пищи. На ровной поверхности невысокой террасы «белеют» наши палатки, но разве можно сравнить их чахлую бледность с белизной сверкающего снега? Синеватые дымки кудрявыми струйками поднимаются вверх из черных жерл печных труб. В печки засыпав добротный аркагалинский уголек.

По случаю приезда вечером был устроен традиционный таежный праздник. Каждый получил соответствующую порцию спиртного, в результате чего запенилась и заиграла разноцветными огнями буйная стихия разгульного веселья с песнями, плясками, шумом и гомоном.

Поздравив всех с благополучным прибытием, я выпил за здоровье присутствующих добрую чару «зелена вина» и, посидев немного, удалился в свою палатку, откуда с любопытством прислушивался к шабашу выпущенных на свободу бесов.

Только поздно вечером иссякли у пирующих запасы энергии и шумное веселье, постепенно затихая, перешло в сонную тишину.

Наутро все встали с красными глазами, слегка опухшими лицами и хриплыми голосами, оживленно обмениваясь красочными воспоминаниями о вчерашнем вечере. На завтрак каждому была преподнесена небольшая порция огненной воды «на опохмел», и все быстро вошло в норму.

Начались рабочие будни. Часть рабочих была поставлена на разгрузку нарт, другая — на приведение в порядок рабочего инструмента, третья — на заготовку леса для строительства бараков. Работы хватало всем.

После того как был разобран груз и произведен его учет, выяснилась значительная недостача продовольствия. Продукты нам были отпущены по норме — на определенное количество человек и на определенное время — с очень небольшим резервом. Питались в пути мы все одинаково, если не считать, что у нас, «начальства», бывало иногда дополнение в виде куропаток. Пища у всех сытная, хотя и однообразная, и жалоб на плохое питание ни у кого не было. И все же в пути кто-то тайком таскал продукты. Особенно пострадали ящики с мясными консервами и сгущенным молоком.

Пришлось собрать весь состав партии, объяснить положение и предложить самим зорко следить за правонарушителями, поскольку; каждый похищенный килограмм влечет за собой снижение нормы питания для всех. Этот довод явился наиболее убедительным, и после нескольких крепких слов, сказанных по адресу неизвестных расхитителей, было единогласно заявлено, что вору, если он будет обнаружен, не поздоровится. Особенно убедительно это звучало в устах Глуханюка и Жмурко — двух рабочих, осужденных по статье пятьдесят девять за грабежи с убийством. Пятьдесят девятая статья «трепаться» не любит, и их обещание расправиться с похитителями было воспринято с особым вниманием.

Оставив Светлова на базе заниматься хозяйственными делами, 17 апреля я с двумя спутниками — прорабом Павленко и коллектором Губановым — на десяти нартах отправился вверх по Аркагале.

На Хатыннахе нас заверили, что конный транспорт, необходимый для полевой работы, прибудет не позднее 15 июня. Однако опыт прошлых лет показал ненадежность подобных обещаний. До прибытия лошадей геологопоисковому отряду придется работать «вьючно на себе», постепенно забираясь все дальше и дальше от базы на Знатном. Поэтому надо было позаботиться об организации хотя бы двух достаточно удаленных друг от друга опорных пунктов, где мы могли бы оставлять собранные образцы и, запасшись продовольствием, продолжать работу независимо от того, будут у нас лошади или нет. Один такой пункт-лабаз мы наметили километрах в тридцати пяти от Знатного, второй — примерно на таком же расстоянии от первого.

Эта поездка была нашей первой рекогносцировочной вылазкой. Она давала возможность хотя бы в общих чертах познакомиться с той обширной территорией, на которой нам предстояло работать и о которой мы пока — не имели ни малейшего представления. Сейчас она во всех отношениях являлась terra incognita — неизвестной землей, о которой мы знали только то, что здесь сочетаются две разновозрастные геологические формации, резко разнящиеся одна от другой. С одной из них связана угленосность, к другой приурочена золотоносность.

С нами ехали два каюра — бойкий Костя и молчаливый скромный Платон. Видя, что мы нуждаемся в его услугах, Костя постарался выжать из нас как можно больше всяческих благ, в основном продуктов. Мы со своей стороны постарались максимально использовать Костиных оленей. Он главный

«олений бог», бригадир оленьего транспорта. Часть оленей везет нас, остальные во время нашего отсутствия будут заняты на разных хозяйственных работах.

Итак, первый шаг в неизвестность сделан. По узенькому нартовому следу, оставленному проехавшей на Индигирку партией Шаталова, мы ехали вдоль заснеженного русла Аркагалы. На передней нарте сидели Костя и Платон, изредка покрикивая на оленей, бежавших легкой рысцой.

С жадным вниманием присматривался я к береговым обнажениям. Ведь эта наша поездка решала в первом приближении судьбу района, в какой-то степени определяла его перспективы. Обнаруженные в прошлом году выходы пластов каменного угля были приурочены к узкой полоске геологически молодых горных пород, находящихся непосредственно в долине Аркагалы и окруженных со всех сторон более древними безугольными образованиями. Как далеко прослеживается эта полоса угленосных пород? Быть может, правы те, кто считают, что здесь небольшое озерное образование местного порядка, расположенное в устьевой части Аркагалы? Если это так, то трудно рассчитывать на выявление в этом районе крупных запасов угля и его практическое значение будет невелико.

Если же, как я предполагал, здесь расположен древний провал, так называемый грабен, который далеко тянется вверх по Аркагале, то перспективность района в смысле угля резко увеличивается.

Извилистое русло Аркагалы окаймлялось с обеих сторон высокими обрывистыми берегами. То там, то здесь из-под снега выступали выходы черных перемятых глинистых сланцев. Они не радовали меня. Их внешний облик отчетливо говорил о том, что к угленосным образованиям они не имеют никакого отношения.

Километры сменялись километрами, а вдоль русла тянулись все те же обрывистые берега, сложенные черными глинистыми сланцами, рассыпавшимися под ударом молотка на тонкие пластинки. Иногда на их поверхности можно было заметить четкие отпечатки ракушек.

Миллионы лет тому назад здесь плескалось море. На дне его, в подходящих местах, жили и плодились многочисленные моллюски, подобно тому как это происходит на дне морей и сейчас. Только моллюски тогда были совершенно иными, непохожими на современных.

Каждому периоду жизни Земли, а периоды эти исчисляются миллионами лет, были присущи свойственные только этому периоду живые существа — животные и растения. Большинство из них после смерти исчезало, не оставив следов. Только в очень

редких случаях, в особенно благоприятных условиях, они частично или полностью сохранялись в виде окаменелостей, которые дают нам теперь возможность составить представление о внешнем облике существ, обитавших в море и на суше в давно прошедшие времена. В наиболее благоприятном положении находятся «ракушки». Их крепкие панцири в течение долгого времени могут находиться на дне моря, пока не растворятся. За это время они успевают покрыться толстым слоем песка и ила, в котором остаются их отпечатки. Поэтому чаще всего в горных породах находят именно отпечатки различных ракушек. Зная, в какие периоды были распространены те или иные ракушки, можно определить возраст пород, в которых они встречены.

Так вот, отпечатки ракушек в черных сланцевых породах, слагающих отвесные берега Аркагалы, свидетельствовали о том, что эти породы образовались примерно 140–150 миллионов лет назад, в эпоху так называемого верхнего триаса. Возраст же угленосных пород гораздо меньше, всего каких-нибудь 50–60 миллионов лет. Неужели правы скептики, утверждающие, что угленосные породы в ключе Знатном с его пластами каменного угля лишь своего рода маленький оазис в нижнем течении Аркагалы?

Но вот сравнительно узкая долина Аркагалы резко расширилась до трех-четырех километров. Окружающие ее сопки стали значительно ниже, вершины их приняли странные сглаженные формы. Исчезли крутые, обрывистые берега, в которых, как в желобе, проходило русло Аркагалы. Они стали плоскими, пологими и были сверху донизу засыпаны снегом.

В одном месте, в полукилометре от дороги, на правом берегу Аркагалы, из-под снега показалось небольшое темное пятнышко коренных пород. Я остановил оленей и, утопая почти по пояс в снегу, направился туда. Как велика была моя радость, когда вместо черных сланцев я увидел тонкозернистые осадочные породы серого цвета с многочисленными отпечатками растений! Это была угленосная свита, которая после долгого, двадцатикилометрового перерыва вновь появилась из-под снежного покрова. Это ее своеобразные породы обусловили сглаженные формы окружающих сопок. Судя по всему, свита была развита на значительной площади. Да, но имеются ли в ней пласты угля? Ответ на это был получен примерно через километр, когда я увидел в русле торчащую из-под сугроба увесистую глыбу смоляно-черного блестящего угля.

Можно было надеяться, что район оправдает наши надежды, но для этого надо еще очень и очень много поработать. Работать же с уверенностью в положительных результатах несравненно

более приятно, чем при отсутствии таковой. Но при этом нужно, чтобы эта уверенность основывалась на твердых фактах, а их еще было слишком мало.

Найти месторождение — это еще не все. Надо установить его промышленную ценность, выдать своего рода поручительство в том, что оно заслуживает дальнейшей затраты крупных средств на разведку, или отказать ему в таком поручительстве. И в том и в другом случае ошибка влечет за собой серьезные последствия. Или будут напрасно затрачены крупные средства, или, наоборот, необходимое минеральное сырье останется без пользы лежать в недрах.

Оценка перспектив месторождения — весьма ответственная задача, требующая от геолога повседневной напряженной умственной работы. Он должен на основании иногда малозаметных признаков, путем скрупулезного логического анализа воссоздать облик месторождения, проследить историю его развития и уже после этого с той или иной долей уверенности высказать суждение о его перспективах.

Подобного рода операциями геологу по необходимости приходится заниматься все время. Ну, а что касается правильности оценки, то она зависит от количества и качества собранного фактического материала, а также от опытности геолога, его объективности и интуиции.

Проехав свыше 30 километров, мы остановились в устьевой части небольшого ключика, впадающего в Аркагалу. Берега его густо поросли молодым лиственничным лесом.

Недалеко от берега, на высоте трех метров от земли, мы устроили небольшой лабаз. На жердяном настиле был тщательно сложен заранее приготовленный и рассортированный груз, который мы заботливо прикрыли брезентом. Даже сейчас, зимой, можно было пройти в двадцати пяти – тридцати метрах от лабаза и не приметить его. Летом же, когда зазеленеет тайга, лабаз станет вовсе невидимым и только случайно кто-нибудь может набрести на нашу продбазу.

Как печально, что даже здесь, в этих глухих, совершенно неисследованных местах, приходится бояться посещения неожиданных гостей. Опыт прошлого года показал, что эта возможность вполне реальна.

Наступил вечер. Догорающий закат окрасил вершины окружающих сопок в холодные розовато-фиолетовые тона, каких нигде больше не увидишь, кроме Севера. Резко похолодало. После захода солнца температура быстро снизилась до сорока градусов. Тяжелое холодное безмолвие колымской ночи спустилось на землю. Мы забрались в палатку, быстро поужинали и уснули

крепчайшим сном усталости.

На другой день мы поехали дальше. Нам предстояло устроить еще один лабаз, километрах в тридцати пяти от первого. Стояла прекрасная ясная погода, и олени быстрой рысцой весело мчали вперед облегченные нарты. Время от времени мы останавливались. Стайки беспечных куропаток копошились около дороги. Как непохожи они на своих бдительных эмтыгейских сородичей! Мы слезали с нарт, почти вплотную подходили к доверчивым куропаткам, гремели выстрелы, и каждый раз мы собирали обильный «урожай».

Километров через двадцать долина Аркагалы стала быстро сужаться, и вскоре перед нами показался невысокий, пологий, чуть заметный перевал, густо поросший щетиной низкорослого леса. При виде перевала Костя и Платон заволновались:

— Однако, начальник, куда едем? Надо кончать дорогу и ехать обратно. Уговора ехать через перевал не было.

— Дети мои, — мягко отвечал им начальник, — я ведь сюда, так же как и вы, попал первый раз в жизни. Откуда я мог знать, есть тут перевал или нет? Ни вы, ни я не могли предполагать, что Аркагала окажется значительно короче. У нас был уговор забросить груз в два места, на расстоянии 30–35 километров одно от другого. Первую часть работы мы выполнили. Теперь остается проехать еще каких-нибудь 15 километров, и мы закончим вторую часть работы. Не упрямьтесь же и езжайте дальше.

«Дети» для приличия немного поломались, поспорили и в конце концов согласились, потребовав в качестве компенсации пару «сосок» спирта. (В свое время, до революции, спирт завозился в эти края в маленьких, бутылочках-сотках — сотая часть ведра, — которые в устах местных жителей превратились в «соски». Хотя сотки давно вышли из употребления и спирт завозятся сюда в добротных металлических бочках, слово «соска» по-прежнему употребляется местным населением для обозначения разменной единицы жидкой валюты.)

Мы легко преодолели перевал и спустились в широкую безлесную долину какой-то крупной реки. Как впоследствии выяснилось, это был приток Неры — Худжах. Вокруг расстилалась унылая, однообразная низина с невысокими плоскими сопками, густо поросшими лесом. Далеко-далеко на юге алмазно сверкала на солнце топорно высеченная громада какого-то одинокого гольца. С большим трудом мы нашли в устье маленького притока Худжаха небольшую купу тесно стоящих деревьев и соорудили на них лабаз. Нас, однако, крайне огорчало, что он слишком бросается в глаза.

На следующее утро мы уже мчались обратно по направлению

к Знатному. Оглядываясь назад, можно было еще долго видеть темный остов нашего лабаза, похожий на неуклюжее гнездо какой-то гигантской птицы.

Обратный путь — около 70 километров — мы проехали без отдыха за каких-нибудь восемь часов, основательно вымотав и себя и оленей. Зато 20 апреля вечером мы уже были дома.

За время нашего трехдневного отсутствия Володя Светлов проделал большую работу. Весь груз был рассортирован, сложен и учтен. Еще раньше мы наметили место для строительства двух бараков: одного для жилья, другого для склада. Бараки мы решили строить в долине Знатного, на одной из его террас, неподалеку от выходов угольных пластов.

По существу строить бараки следовало бы в долине Аркагалы, где было достаточно хорошего строевого леса. Однако одно веское соображение заставило нас остановиться на менее удобной, почти безлесной долине ключа Знатного: долина Аркагалы может стать своего рода «трактом», по которому будут продвигаться беглецы. Поэтому мы решили строить бараки в потаенном месте, среди маленького леска в долине Знатного, куда вряд ли будут сворачивать незваные гости.

Лес мы решили заготовлять в роще, расположенной километрах в трех от устья Знатного, в долине Аркагалы, и подвозить его на оленях. Вблизи строящихся бараков не должно быть ни пней, ни других бросающихся в глаза признаков строительства.

Часть леса была уже доставлена. Мы рассчитывали, что с помощью Костиных оленей нам довольно быстро удастся перевезти весь лес к месту стройки. Однако Костя решительно запротестовал и наотрез отказался остаться еще на несколько дней. Олени были измучены тяжелыми зимними перевозками, да и дорога до Знатного с грузом нашей партии тоже не из легких. Катастрофически быстро надвигалась весна с ее распутицей, а Косте надо было не только вернуться, но и успеть перегнать оленей на место летнего выпаса. Он очень хотел бы помочь нам, но не может: у него просто не хватает времени.

После долгих и нудных переговоров, во время которых было выпито немало чашек чаю (и не только чаю), мы сошлись на том, что Платон останется на Знатном и будет готовить оленей к обратной дороге, а мы с Костей завтра поедем вниз по Аркагале искать кочующих там тунгусов, у которых я попытаюсь нанять хотя бы на пару недель две-три нарты.

Это уже был какой-то выход. Костя уверенно заявил, что тунгусы на Аркагале есть, он видел их следы, когда мы приближались к Знатному.

Знакомство с тунгусами. Михаил Петрович

Рано утром 21 апреля мы с Костей на двух легковых нартах отправились в путь. Около устья Мяунджи свернули с торной, накатанной нашим транспортом дороги на узкую, отходящую в сторону чуть заметную нартовую тропку и долго ехали по ней, ныряя в многочисленных ухабах и стукаясь нартами о деревья. Наконец на высокой ровной террасе среди редких разрозненных деревьев показались два тунгусских конусообразных джу (юрты), около которых лениво бродило десятка полтора оленей. Мы слезли с нарт, привязали наших оленей и через невысокую узкую дыру, закрытую мягкой выделанной шкурой, вошли в один из джу.

Внутри жилища, как сотни и тысячи лет тому назад, горел костер, и сизый дым, лениво поднимаясь, медленно выходил наружу в открытую верхнюю часть. На нас с испугом и недоумением смотрели две тунгуски и целая куча ребятишек. Мужчины были в отсутствии. По словам хозяек, они только сегодня ушли на охоту и вернутся через несколько дней. Это сообщение крайне огорчило меня.

Вручив женщинам нехитрые подарки — по пачке папирос и плитке чая — и оделив ребятишек конфетами, я уселся вместе с Костей около костра на ворох ветвей, покрытых оленьими шкурами.

Обрадованные неожиданным подарком, женщины, хихикая и весело переговариваясь, принялись за хлопоты. Из затейливого деревянного короба были вытащены чашки и блюдца, которые одна из хозяек начала перетирать пучком мягких тонких стружек. Затем короб был поставлен на землю, на него положена дощечка и на этом незамысловатом столе расставлена чайная посуда.

Вдруг одна из тунгусок, глядя на меня, произнесла какую-то фразу.

— Однако их мужья вернутся сегодня вечером, — перевел Костя.

Обрадованный этим сообщением, я принялся за чаепитие. К чаю радушные хозяйки выставили на деревянном блюде сушеную оленину, заменяющую хлеб.

Прихлебывая чай, Костя бойко беседовал с дамами, а я в ожидании прибытия хозяев с любопытством рассматривал новую, совершенно мне незнакомую обстановку тунгусского быта. Она заставляла вспомнить «Гайавату», однако нищеты и грязи здесь было гораздо больше, чем экзотики.

Конусообразно поставленные жерди снаружи покрыты сшитыми выделанными оленьими шкурами. Шкуры сплошь в

мелких дырках, через которые проходит свет, и при взгляде на них невольно вспоминается звездное небо. Верх, где сходятся жерди, открытый, и через него выходит наружу дым от вечно горящего костра, который расположен в самом центре жилища. Жерди вверху закопчены донельзя, и сажа висит густыми хлопьями, похожими на черную изморозь. Вокруг костра на земле настлан слой веток, прикрытых оленьими шкурами, на которых лежат постели, одежда и прочий немудрящий скарб обитателей этого первобытного жилья.

Около костра копошится куча ребятишек, грязных, взлохмаченных, но все же милых, как все дети. Они таращат на нас черные раскосые глаза, с упоением сосут конфеты, облизывают пальцы, что-то оживленно стрекочут на непонятном мне языке. Их здесь полдюжины, начиная от только что научившихся ползать младенцев до семи-восьмилетних ребятишек. Когда я, закурив, по долгу вежливости угостил папиросами Костю и женщин, то каждая из мамаш, сделав две-три затяжки, передала лакомое угощение старшему из отпрысков. Тот в свою очередь братски поделился со следующим по возрасту родичем, и так вплоть до самого младшего. Чувствуя, что совершил досадную ошибку в этикете, я поспешил исправить ее и вручил каждому присутствующему вне зависимости от возраста по папиросе. Все семейство с важным видом закурило, время от времени непринужденно сплевывая на пол.

Дети в возрасте трех-четырех лет и моложе, сделав несколько затяжек, перешли на более лакомое угощение — стали сосать своих мам. Пососет, пососет такой малыш мать, покурит, пожует сушеной оленины и вновь с довольным урчанием принимается за мамино молочко. При этом матери без всякого стеснения вынимают грудь из специального прореза в одежде.

Одеты ребятишки в комбинезоны, сшитые из оленьих шкур шерстью внутрь, которые надеваются прямо на голое тело. Такая же одежда и на матерях. На одной из них поверх комбинезона надето еще пальто. Одежда у женщин и у старших ребятишек обшита около шеи и на груди разноцветными ленточками и украшена монетами, среди которых преобладают советские двугривенные. На голове у женщин красуются узорные деревенские платки, на руках — расшитые бисером ровдужные перчатки (ровдуга — тонко выделанная оленья шкура, несколько напоминающая лайку).

Над костром на жердях висят куски вяленого мяса и пара закопченных чайников, в которых булькает кипящая вода.

В длинном коробе, подвешенном на жердях вблизи костра и со всех сторон обшитом оленьими шкурами, изредка попискивает

самый младший член семейства, которому всего лишь несколько месяцев от роду.

Лица матерей довольно привлекательны, но необычайно изможденны. Детишки выглядят неплохо. Личики у них живые, подвижные, но грязны они до чрезвычайности, а паразитов у них, вероятно, более чем достаточно, так как они беспрестанно чешутся.

В юрту на правах хозяина время от времени заходит стройный черный пес с острой мордой и чутко стоящими ушами. Одна из его передних лап подвязана к шее, и он, смешно ковыляя на трех ногах, хлопотливо бродит по юрте, жадно обнюхивая пол и вылизывая крошки мяса, упавшие при еде, но не трогая того, что лежит на доске, заменяющей стол. Обращение с собакой ласковое, и чувствуется, что она действительно друг. Лапа у нее подвязана для того, чтобы она не уходила далеко от дома. Зовут ее Хевкачан.

Несмотря на примитивную обстановку, все же и здесь есть робкие ростки культуры. В глаза мне бросилась небольшая замусоленная книжка, лежавшая на одном из многочисленных ящиков, находившихся внутри юрты. Это был букварь тунгусского языка с латинизированными буквами и многочисленными рисунками, изображающими растения, зверей, птиц и предметы домашнего обихода. Я спросил, кто учится по этому букварю. Костя, поговорив с женщинами, ответил, что занимается один из хозяев — Михаил.

Уже стало смеркаться, когда наконец прибыли долгожданные хозяева. Их двое: Михаил Петрович Слепцов, с которым я и вел через Костю основные переговоры, и Кигерлей Иванович Громов — тихий и молчаливый человек, не произнесший ни единого слова за все время нашего разговора. С Михаилом Петровичем мы договорились довольно быстро. Он с удовольствием согласился выделить нам три нарты и шесть оленей и в течение двух недель работать у нас каюром. За это я должен заплатить ему триста рублей, причем могу заменить часть денег продуктами.

После того как деловая часть была закончена, началась трапеза. Я вынул из рюкзака бачок со спиртом и кое-какие продукты — сахар, консервы, галеты. Хозяйка добавила на блюдо оленины и принесла банку с маслом. Мы уселись вокруг костра. Он ярко горел, излучая приятное тепло, а от стенок тонкой ледяной струйкой сочился холодный воздух, заставляя зябнуть спину.

Михаил Петрович, так же как и мы с Костей, выпил пару глотков неразведенного спирта (таежный шик), женщины слегка пригубили, а Кигерлей Иванович, не отрываясь, выпил налитую

ему чашку я через некоторое время впал в полусонно-осоловелое состояние.

У нас же с Михаилом Петровичем завязался оживленный разговор все на те же волнующие темы: где какая течет река, какова ее длина, с какой рекой она сходится вершиной, каковы перевалы, есть ли корм для лошадей и встречал ли он какие-нибудь интересные камни. Костя исправно переводил, и мы, прихлебывая чай и закусывая, не замечали, как летит время. Пора было ложиться спать. Хозяйка принесла «орон нанра» — невыделанную оленью шкуру, я расстелил на ней свой спальный мешок и, забравшись в него, уснул спокойным крепким сном.

Утром к чаю специально для русского гостя — «нючча» хозяйка испекла лепешку. Замесив немного теста, она раскатала его в тонкий блин, прилепила к листу железа, который поставила боком около костра. Лепешка оказалась очень вкусной.

Напившись чаю, мы поехали на Знатный и около устья Мяунджи встретили Платона. Он вчера к вечеру выехал со Знатного и, расположившись около дороги, ждал Костю, чтобы, не теряя времени, возвращаться на Хатыннах.

Мы еще раз попили чаю в палатке Платона, выпили на дорогу по паре чарок спирта и, попрощавшись с Костей и Платоном, вдвоем с Михаилом Петровичем отправились на Знатный.

Олени Михаила Петровича оказали нам неоценимую услугу. В течение каких-нибудь шести дней мы полностью подвезли лес для бараков и навозили дров для разведочных работ.

Теперь можно было, не торопясь, отправиться вверх по Аркагале, детально осмотреть и описать береговые обнажения, недоступные летом. Отправились мы вчетвером: Михаил Петрович, Губанов, Павленко и я. Поездка была рассчитана дней на пять, с тем чтобы вернуться к 1 мая.

С помощью Михаила Петровича я составил схему гидросети Аркагалы и смежного с ней Худжаха. Михаил Петрович сообщил мне названия некоторых наиболее крупных притоков этих рек.

Работали мы таким образом. Утром я давал задание Михаилу Петровичу доехать на оленях до такого-то места (примерно километрах в четырнадцати-пятнадцати от места ночевки), поставить там палатки и подготовить все к ночлегу; затем он мог заниматься, чем ему заблагорассудится.

Сами же мы на лыжах шли по руслу, проводя его съемку, и описывая береговые обнажения. Это была помимо всего хорошая практика и для Павленко, и для Губанова. Вначале Михаил Петрович был крайне удивлен, когда получил такое задание, но быстро освоился и считал, что лучше такой работы быть ничего не может.

Он почти ни слова не знает по-русски, кроме краткого, но сильного выражения с упоминанием родительницы, к которому прибегает в самых сложных случаях своей нелегкой таежной жизни. Однако, несмотря на это, мы с ним не только понимаем друг друга, но даже ведем длительные беседы на самые разнообразные темы.

Разговор наш в основном ведется на якутском языке, который Михаил Петрович знает хорошо, но в котором я с трудом разбираюсь. Иногда случается, что мы никак не можем уразуметь друг друга. Тогда я пытаюсь прибегнуть к изобразительным методам передачи мыслей, беру карандаш и пытаюсь рисовать. Поскольку способности к рисованию у меня не ахти какие, то этот способ часто вызывает у нас веселое настроение.

Как-то мы заговорили о лабазах. Михаил Петрович сообщил, что у него в устье Мяунджи есть большой лабаз, где летом хранится почти все его нехитрое богатство. Я сказал ему, что это плохо, что летом в этом районе будет работать много «нючча». Среди них, возможно, окажутся плохие люди, которые смогут взять что-нибудь, и что поэтому пусть он лучше перенесет лабаз подальше в другое место. Михаил Петрович был очень благодарен и сказал, что обязательно сделает это.

Потом я сообщил ему, что у нас есть два лабаза, которые мы устроили невысоко над землей, и спросил его, не смогут ли их разграбить медведи. Михаил Петрович сказал, что медведей в районе мало, но что имеется «ачига эге» — маленький медведь, который может взобраться на дерево и сожрать наши запасы продовольствия. Что это за «маленький медведь», для меня оставалось совершенно непонятным.

Сначала я подумал, что это волк, и соответственно нарисовал ему собакообразное существо с оскаленной мордой, пытающееся взобраться на лабаз. Рисунок был выполнен примитивно, но весьма живо и вызвал у Михаила Петровича приступ судорожного смеха. Затем он сам стал рисовать, и Губанов с гениальной проницательностью воскликнул: «Белка», за что подвергся всеобщему порицанию, а Михаил Петрович, кажется, даже слегка обиделся. Наконец после добавочных расспросов выяснилось, что «маленький медведь» — это рысь («онаки» — по-тунгусски и «сеган» — по-якутски).

Примерно так же ведутся у нас разговоры и на другие темы, и я не сказал бы, что эти разговоры бывают скучными.

Постепенно продвигаясь вперед и тщательно осматривая береговые обнажения, мы за истекшие пять дней установили, что угленосная свита выше Знатного прослеживается по Аркагале километров на десять и исчезает, очевидно оборванная сбросом.

Появляется она вновь километров через двадцать, недалеко от нашего первого лабаза. Здесь она занимает большую площадь и изобилует мощными угольными пластами. Таким образом, она слагает в этом районе два больших изолированных участка; оба насыщены пластами угля и безусловно представляют большую промышленную ценность. Эта же поездка дала нам возможность более четко составить задание для топографического отряда, который должен в масштабе 1:25 000 заснять площадь, сложенную угленосными отложениями. Инюшину и начальнику угольного отряда Светлову придется вести работу на двух участках, что значительно осложнит дело.

Приближалось 1 Мая. Встречать его решили вместе со всеми на Знатном. Михаил Петрович был очень этим заинтересован и не раз спрашивал, когда наступит это 1 Мая. Он сообщил мне, что неподалеку у него есть лабаз, где хранится «миассо», т. е. мясо дикого оленя, который пал от меткой руки Михаила Петровича. Стреляет он превосходно. С собой он возит небольшую изящную мелкокалиберную винтовку для «куропашек» и винчестер для более крупного зверя.

Мы договорились, что перед возвращением на Знатный Михаил Петрович съездит к лабазу и привезет побольше мяса, чтобы все мы могли как следует встретить первомайский праздник.

29-го, как обычно, мы отправились в маршрут, а Михаил Петрович, перебросив наши вещи и установив палатку на очередном условленном месте, поехал к своему лабазу.

Рано утром 30-го, «когда еще черти на кулачках не бились», раздался звон бубенчиков и к палатке подъехал Михаил Петрович, привезший почти целую нарту мяса. Это было большим подспорьем в питании нашей основной группы, живущей на Знатном, которое пока слишком однообразно. Мы-то благодаря Михаилу Петровичу каждый день едим «куропашек» и вполне довольны.

30 апреля вечером, основательно назябшие, мы приехали на Знатный. Погода, несмотря на кажущуюся ласковость и обилие солнца, которое в затишных местах начинает заметно пригревать, очень коварна, и при быстрой езде морозец с ветерком дают себя чувствовать. Ехали весело. По дороге не раз встречались куропаточьи стайки, приходилось то и дело соскакивать с нарт. Мазали мы отчаянно, но тем не менее привезли с собой десятка полтора куропаток.

Наше прибытие было встречено с шумным восторгом. В палатках уже царило предпраздничное оживление: все успели помыться в импровизированной бане, наспех сооруженной в

большой палатке. Ребята прифрантились, приоделись, и пришедшая ко мне делегация довольно прозрачно намекнула, что не мешало бы «разговеться». В этом отказано не было. Вскоре в воздухе зазвенели украинские песни. Большинство наших рабочих — украинцы: Пилипенко, Петренко, Кириченко, Жмурко, Глуханюк, Бондарь… Все они обладают хорошими голосами, а некоторые — даже исключительно хорошими.

Мы выпили малую толику вкупе с Михаилом Петровичем и попросили его в свою очередь спеть нам что-нибудь на тунгусском языке. Он с удовольствием согласился. И вот в воздухе зазвучала своеобразная мелодия, тоскливая и заунывная, состоящая из двух перемежающихся нот, однако не лишенная некоторой приятности. Он спел нам несколько тунгусских песен, а затем, разойдясь, пропел еще якутскую, которая для наших неискушенных ушей показалась точной копией предыдущих. Так песнями закончили мы канун 1 Мая.

Утро пришло яркое, сверкающее, но какой иронией звучали здесь слова поэта: «Славьте веселое первое мая, солнечный праздник любви и цветов». Вокруг расстилалась ослепительная пелена нетронутого снега, и только на верхушках далеких гор кое-где чернели проталины. До цветов было еще очень далеко: в лучшем случае в начале июня появятся эти первые вестники наступающей весны. Пока же вокруг лежало спящее царство закованной в ледяные доспехи природы.

Днем нас посетили многочисленные гости. Возвращавшиеся домой каюры шаталовской партии торопились изо всех сил, чтобы добраться до нас к 1 Мая. Партия Шаталова благополучно доехала до места весновки, все у нее в порядке. Об этом писал и Шаталов в присланной записке. Приняли мы гостей как следует, хорошенько их угостили, и они уехали от нас чрезвычайно довольные. Их бригадир — молодой, красивый, хорошо говоривший по-русски тунгус Зыбин долго жал мне на прощание руку, несчетное число раз повторяя:

— Спасибо, начальник, очень спасибо, однако Советская власть очень хорошая и Первое мая очень хорошее, очень спасибо, начальник.

Гости уехали. Теперь мы уже окончательно отрезаны от всего мира. С Зыбиным я послал в управление короткую докладную записку, в которой сообщал, что, судя по предварительным данным, угленосная свита распространена на значительно большей площади, нежели предполагалось ранее. Главного геолога Д. В. Вознесенского я просил начать подготовку к организации здесь осенью разведочных работ на уголь.

Розовые куропатки

Нас очень удручала исключительная организованность многочисленных куропаточьих стай, обитавших в устье Аркагалы. Несколько раз мы пытались делать коллективные охотничьи вылазки и каждый раз терпели неудачу. Предупреждаемые криками своих бдительных дозорных, сидящих на вершинах деревьев, куропатки успевали заблаговременно отойти к лесистому мысу и скрыться в его густых зарослях, где они были в безопасности. Надо было что-то предпринимать — нас одолевала тоска по свежему мясу. Тщательно проанализировав обстановку, мы остановились на варианте, который сулил несомненный успех.

Из имевшихся у нас простынь и кусков бязи мы смастерили нечто похожее на белые маскировочные халаты и, мобилизовав все наше дробовое оружие — целых шесть ружей, отправились в поход. В халаты были обряжены обладатели дробового оружия, остальные шли в обычной одежде — черных брюках и телогрейках. Эту группу загонщиков, резко выделявшуюся на снежном фоне, мы направили вперед по нартовой дороге. Остальные, приотстав, свернули в сторону.

Громкие крики бдительных дозорных возвестили основной массе куропаточьего населения, что враг замечен, но что он еще далеко и прямой угрозы пока нет. Дозорные устремили все свое внимание на медленно идущую по дороге труппу, А в это время вторая группа, одетая в белые маскировочные халаты, тяжело дыша и обливаясь потом, медленно по-пластунски подползала к границе леса, куда обычно устремлялись потревоженные куропатки.

Было тихое морозное утро. Солнце огненным шаром только-только поднялось над залесенными вершинами пологих сопок, окрасив поверхность снега в розоватый оттенок. Было не менее двадцати – двадцати пяти градусов мороза. Смерзшийся за ночь наст легко держал человека.

Подползшие охотники разместились на опушке среди кустов и, зябко поеживаясь, стали ожидать дальнейшего развития событий.

Вокруг царила неподвижная тишина. Слышалось только дыхание охотников, да доносилась издали перекличка куропаточьих дозорных. Покрытые тонкой пленкой инея, стояли неподвижно кусты и деревья, отливая розовым искристым отсветом в лучах восходящего солнца.

Внезапно в настроении дозорных произошла резкая перемена. Редкие оклики перешли в непрерывный, полный тревоги гомон —

это наши загонщики пошли в наступление. Они шли медленно, чтобы не спугнуть куропаток преждевременно и не поднять их «на крыло».

Скоро мы увидели огромную стаю куропаток, постепенно приближавшуюся к опушке леса. Разбившись на отдельные группы, то быстро перебегая, то останавливаясь на короткое время, подпрыгивая и поклевывая почки, они подходили все ближе и ближе к затаившимся в кустах охотникам. Чувствуя себя в сравнительной безопасности, они шли густой беспорядочной кучей, и внезапно раздавшийся залп из шести ружей произвел среди них огромное опустошение.

Половина из нас была вооружена двустволками, и это дало возможность дать повторный залп по взлетевшим после выстрелов птицам. Мы поздравили друг друга с блестящей удачей и стали собирать трофеи.

На месте осталось двадцать три куропатки. Подсчитывая добычу, мы обратили внимание на то, что среди обычных белых куропаток четыре экземпляра оказались окрашенными в тончайший нежно-розовый цвет. Это было поразительное зрелище. По внешнему виду, размерам и другим признакам это были нормальные белые куропатки, и только изумительная, чуть розоватая окраска резко отличала их от снежно-белого оперения их сотоварищей. Мы как завороженные смотрели на эту чудесную игру нежнейших красок.

Сначала мы сочли это за оптический обман, однако вскоре убедились, что розовая окраска птиц сохранялась и в тени.

Мне приходилось слышать о розовых чайках, водящихся в низовьях Колымы, — чайках, которых мечтал увидеть Нансен, но розовые куропатки, это было что-то непостижимое. Неужели нам, геологам, удалось обнаружить новую, еще неизвестную науке розовую разновидность куропаток?

Я еще раз тщательно осмотрел все экземпляры. Все в порядке: четыре тушки отчетливо отличаются от остальных своим удивительным, полным очарования нежно-розовым оттенком. Я осторожно положил их в свой рюкзак. Остальные были разобраны другими участниками охоты.

Полные торжества, мы вернулись на базу. Войдя в свою палатку, я с нетерпением вынул из рюкзака добычу, чтобы снять с нее шкурки, описать и заэтикетировать. Что за черт! Передо мной лежали четыре обычные белые куропатки! Я ничего не понимал. Неужели я ошибся и положил в свой рюкзак белых куропаток?

Вдвоем со Светловым мы пересчитали и пересмотрели всех принесенных куропаток, и все они оказались обычными, белыми, без всякого намека на примесь другой окраски. Нашему

недоумению не было конца. Было ясно только, что розовый оттенок почему-то исчез. Но почему? Мы не могли дать этому подходящего объяснения.

Забегая вперед, скажу, что еще дважды мне приходилось убивать розовых куропаток, но уже не в бассейне Колымы. Один раз это случилось в районе Верхоянска, около Батыгая. В морозное ноябрьское утро, я, охотясь, убил десятка полтора куропаток, среди которых оказались три розовые и две чуть желтоватые, тончайшего кремового оттенка.

Вспомнив эмтыгейских куропаток, я нес розовые и кремовые экземпляры в руках, время от времени посматривая на них. И вот постепенно на моих глазах окраска тех и других стала светлеть и медленно сходить на нет. Через какой-нибудь час-полтора она стала совсем незаметной и в руках у меня оказались обыкновенные белые куропатки.

То же самое произошло и в бассейне реки Адычи, в пределах Дербекинской депрессии… Из девяти убитых там в феврале куропаток две оказались розовыми, но вскоре и они стали чисто белыми.

Впоследствии я прочитал статью зоолога В. Болдырева, которому также пришлось испытать горькое разочарование, когда убитые им розовые куропатки постепенно превратились в обычных белых. Он обнаружил их в бассейне Омолона (крупный правый приток Колымы). По его словам, здесь на каждую дюжину убитых куропаток приходилось пять-шесть розовых экземпляров.

Ссылаясь на работу английского натуралиста Альфреда Уолтера, Болдырев объясняет розовый оттенок оперения некоторых куропаток явлениями дифракции света. Розовые куропатки отличаются от остальных более тонкой и нежной структурой пера, что и обусловливает образование нежно-розового оттенка вследствие оптического эффекта дифракции и интерференции. После смерти птицы мельчайшие бородки перьев, постепенно оседая, теряют свою эластичность, в связи с чем сначала ослабевает, а затем исчезает поражающая нас нежно-розовая окраска.

Радости и огорчения

После двухдневного отдыха мы опять усердно принялись за работу. Для обычных мелкомасштабных партий весновка — своего рода курорт. В маршруты ходить нельзя, производственной работы нет, и поэтому весь состав партий отдыхает, набираясь сил для будущего. В свое время и я проводил так чудесные предвесенние дни, охотясь, читая и обдумывая планы будущих

летних работ.

В этом году дело поставлено по-иному. У нас слишком много неотложных работ, которые надо закончить до начала полевого сезона.

Помимо работы по строительству двух бараков — жилья и склада, — на которую мы поставили четырех знатоков этого дела, кондовых крестьян, мы наметили проходку разведочной линии на россыпное золото в долине Знатного, километрах в двух от его устья. Кроме того, мы вели разведку на уголь: вскрывали канавами угольные пласты, скрытые под наносами, а также проходили шурфы в русле Аркагалы, чтобы убедиться, что под галечными отложениями находятся породы угольной свиты. Наконец, топографическому отряду уже сейчас надо было создавать сеть опорных пунктов для последующей топографической съемки.

Воспользовавшись праздником 1 Мая, я за общим обеденным столом рассказал о целях и задачах нашей партии, о том, какие работы нам надо сделать и на какие результаты мы сможем рассчитывать. Многие не верят, сказал я, что Эмтыген окажется передовым районом не только по золоту, но и по углю. Нам надо очень много поработать, чтобы доказать это. Я рассказал о результатах поездки вверх по Аркагале — поездки, дающей уверенность, что по углю этот район будет иметь очень важное значение для всего Дальстроя. Не преминул я также отметить, что, если наша работа даст положительные результаты, можно будет с уверенностью поставить вопрос о поощрительных льготах для наиболее добросовестных рабочих.

Затем я предложил заключить договор на трудовое соревнование с отрядом Успенского.

Рабочие были очень довольны тем, что им подробно рассказали, для чего и как мы должны работать. Мне невольно вспомнились слова Суворова: «Каждый воин должен понимать свой маневр». Не раз впоследствии я убеждался в истинности этих слов. Разные люди бывали в полевых партиях, но стоило только с ними подробно, по душам поговорить о целях и задачах работы, так, чтобы каждому была ясна его собственная роль в общем деле, как отношение к труду резко менялось. Конечно, при этом самому надо было служить примером и работать с максимальным напряжением сил.

4 мая мы вдвоем с Михаилом Петровичем на двух нартах отправились вверх по Мяундже в «резиденцию» Успенского. Как-то продвигаются у него разведочные дела? Успеет ли он добить начатые шурфы? Ну, и, кроме того, меня гнала туда тайная тревога: не снял ли старец с себя водочного запрета? Перед моим

отъездом с Топкого он дал торжественное обещание, что до конца полевых работ ни единая капля спиртного не осквернит его уст. Я не сомневался в частоте его намерений. Но хватит ли у него сил не «разговеться» 1 Мая? А «разговевшись», он вряд ли сумеет удержаться от того, чтобы не покатиться по наклонной плоскости порока.

Мы ехали по широким сияющим просторам Мяунджи, овеваемые легким встречным ветерком, купаясь в горячих лучах яркого весеннего солнца. В синем небе четкими серебряными контурами ослепительно сверкала вершина Большого Аялаха. То и дело в воздух поднимались белыми хлопьями вспугнутые нами куропатки. По ярко освещенной поверхности снега ползали неведомо откуда взявшиеся насекомые — не то крылатые муравьи, не то комары, — радуясь наступлению теплых вешних дней. Сидя на мерно покачивающихся нартах, я с любопытством наблюдал за ними.

Вдруг мое внимание привлек маленький клочок шерсти, валявшийся около дороги. За ним показался другой, третий, и вскоре я увидел целую кучу клочков, беспорядочно разбросанных. Михаил Петрович резко остановил оленей, соскочил с нарт и стал внимательно приглядываться.

— По твою мать! По твою мать! — вдруг зачастил он каким-то рыдающим голосом, лихорадочно собирая разбросанные клочья.

— В чем дело, Михаил Петрович? — заинтересованно спросил я, но, кроме невразумительной ругани, долгое время ничего не мог от него добиться.

Когда наконец он обрел способность говорить, я понял, что его постигло большое горе. Клочки шерсти принадлежали красавице лисе, которая с голодухи съела кусочек отравленного стрихнином мяса, несколько дней тому назад положенного поблизости Михаилом Петровичем. Лису же, скоропостижно скончавшуюся после такого угощения, съели ее сородичи, причем, кроме небольшой кучки костей да растерзанной в клочья шкурки, от нее ничего не осталось. Долго не мог успокоиться Михаил Петрович, переживая потерю.

Километра через два олени вдруг резко шарахнулись в сторону от какого-то черного предмета, неподвижно лежащего на самой дороге. Подъехав ближе, мы увидели молодого стройного пса. Язык его был закушен между зубами, глаза остекленело смотрели в небо. Два дня тому назад я видел этого пса в транспорте тунгусов, возвращавшихся с Индигирки, и, глядя на этого веселого, шустрого собачьего подростка, невольно подумал: неплохо было бы и нам в партии иметь такого. А теперь он лежал

перед нами недвижимый. Очевидно, по пути пес полакомился отравленной приманкой — одной из многих, разбросанных Михаилом Петровичем на этом участке…

К базе Успенского мы подъехали поздно вечером при ярком свете полной луны. Вокруг царила тишина. Все крепко спали.

Я зашел в палатку Успенского и зажег свечу. Первое, что мне бросилось в глаза, — это голые ноги, торчащие из-под знаменитого, захваченного с «материка» ватного одеяла, которое Алексей Николаевич всюду возит с собой, с презрением относясь к спальным мешкам. Басовито похрапывая, Успенский спал крепчайшим сном.

В палатку вошел Михаил Петрович. Мы разожгли давно потухшую печку, и я стал будить Успенского. Увидев меня, он вскочил, засуетился, заморгал воспаленными глазами и стал сбивчиво докладывать мне о состоянии дел. Из его слов я понял, что до 1 мая старик был, видимо, в полном порядке, развил прекрасные темпы работ и твердо держал данное слово. 1-го он, однако, не выдержал, нарушил запрет, «окосел» и с тех пор пребывает в этом состоянии. Держался он, впрочем, довольно бодро и был, как говорится, вполпьяна.

Нашему приезду он не на шутку обрадовался и даже всхлипнул от умиления.

Приехали мы такие усталые и продрогшие, что я не устоял перед искушением выпить с Михаилом Петровичем по чарочке спиртного перед роскошным ужином, который быстро соорудил нам Алексей Николаевич. Выезжая из Хатыннаха, он достал в магазине увесистый кусок баранины, который предназначался специально для 1 Мая. По прибытии на Топкий он заблаговременно наготовил пельменей, которые пережили первомайские праздники и теперь были преподнесены нам.

Алексей Николаевич суетливо угощал нас, хлопотал, волновался, что мы плохо едим, и вдруг неожиданно и очень ловко налил себе полкружки спирта, залпом его выпил, крякнул, запил водой и как-то очень быстро впал в полубредовое состояние. Лежа на постели и всхлипывая, он бранил и поносил себя жестокими словами, смысл которых сводился к одному — «не оправдал, не оправдал доверия», и наконец забылся тяжелым, хмельным сном.

Проснувшись, он напрасно умолял меня разрешить ему выпить хоть каплю «на опохмел». Я был неумолим, и старец, дикий, взлохмаченный, страшный, со слезами на глазах, ушел в тайгу развеять свое горе. Вплоть до обеда он сильно мучился, но наконец мало-помалу пришел в себя, немного поел, повеселел и благодарно заявил, что он «отошел» и теперь до самой осени не

возьмет в рот ни единой капли проклятой жидкости.

Работа у него была проведена неплохо. Рабочие его любят, относятся к нему с уважением, сочувствуют и работают, как говорится, «не за страх, а за совесть». Большая часть шурфов в двух заданных разведочных выработках уже добита, а главное, уже сейчас можно говорить о положительных результатах.

Алексей Николаевич торжественно представил мне «Ваську-гусара» — так своеобразно был назван тридцатиграммовый самородок золота, поднятый в выработке одним из рабочих. Было встречено видимое золото и в других шурфах, но более мелкое.

Обычно присутствие золота устанавливается во время промывочных работ. Вынутая из шурфов порода выкладывается послойно в так называемые проходки через двадцатисантиметровые интервалы. Из каждой проходки берется определенное количество породы, которая промывается в лотке. Полученное золото взвешивают и, зная, из какого объема породы оно получено, высчитывают его содержание на той, или иной глубине в переводе на один кубический метр породы. Нахождение видимого золота непосредственно в породе без промывки свидетельствует о том, что содержание его высокое и что работа проводится не зря.

А это, конечно, заставляет работать с повышенным интересом.

Остающиеся шурфы предполагалось добить в течение ближайших трех-четырех дней. Поскольку «аппетит приходит во время еды», мы решили попробовать провести разведку еще в одном из смежных ключей, но для этого нам были нужны олени, хотя бы на шесть-семь дней. Михаил Петрович, к сожалению, уезжает на Мому — это примерно в 500 километрах отсюда, — и ему надо торопиться с отъездом. Зато его компаньон по охоте Громов будет перекочевывать только на устье Эмтыгея, и с ним следует попытаться договориться об оленях.

7 мая рано утром мы втроем выехали с базы на Топком, долго тащились по затейливым извивам Мяунджи, слегка «купнулись» в ее нижнем течении, где за эти три дня успела образоваться большая, глубокая, медленно расползавшаяся наледь, и еще засветло добрались до знакомого джу Михаила Петровича.

Вскоре пришел его компаньон Кигерлей Громов (Кигерлей — это, по-видимому, Кирилл).

Между прочим, в устах тунгусов русские имена приобретают иногда весьма необычный вид. Например, маленький подслеповатый Роман Слепцов превратился вдруг в прекрасного француза: ни один тунгус не произнесет прозаическое «Роман», а каждый с французским прононсом отчетливо скажет «Арман».

(Кстати, этот горе-проводник шаталовской партии совсем опозорил себя, оставив у местного населения крылатое выражение «Арман путает» — убийственная характеристика для проводника.)

Вернусь, однако, к Громову. Переговоры с ним ни к чему не привели. Он категорически отказался у нас работать; «Хара сох, у эльбях, мин оуюн барда Эмтыгей» (снега нет, воды много, я послезавтра уезжаю на устье Эмтыгея).

Слегка закусив, мы отправились на Знатный и приехали туда поздно вечером.

Передо мной стояла серьезная задача — договориться с Михаилом Петровичем об обратной доставке Алексея Николаевича на Топкий (не идти же старику, который к тому же по непростительному легкомыслию поехал в валенках, 70 километров по раскисшему пути). Ведь все мы были уверены, что Громов согласится с недельку поработать у нас.

Ехать сейчас не очень-то хорошо. Правда, по Аркагале воды пока нет, но зато в тех местах, где дорога проходит по галечным косам, снег полностью стаял и нарты волокутся по гальке. Михаил Петрович долго отнекивался, но наконец согласился еще раз доехать до Топкого, а на обратном пути к своему джу довезти до поворота моих рабочих, которых я временно оставлял у Алексея Николаевича.

Мы очень тепло простились с Михаилом Петровичем, одарили его кое-чем из своих личных вещей, и на следующее утро, забрав Алексея Николаевича, он уехал, с тем чтобы уже больше не возвращаться. Очень славное впечатление произвел на всех нас этот скромный, сдержанный и трудолюбивый сын тайги.

Неприятные воспоминания

После отъезда Михаила Петровича пошли размеренные будничные дни. Основное внимание мы сосредоточили на разведочных работах.

С каждым днем весна все сильнее дает себя чувствовать. Вода затопляет наши шурфы и канавы. Приходится не покладая рук бороться с ней. К нашему счастью, по ночам еще потрескивают легкие, беззубые морозцы, которые на короткое время сковывают ледяными кандалами буйную вольницу весенней воды. Мы пользуемся этим обстоятельством и медленно, с трудом, но все же отвоевываем шурф за шурфом, канаву за канавой.

Приближается середина мая. Вершины и склоны гор резко почернели. В пониженных участках долины из-под жухлого снега проглядывают зеленоватые озерца воды. С крутых, обрывистых

берегов с легким шуршанием скатываются крупные и мелкие камни, образуя внизу высокие валы рыхлого материала.

10 мая высоко в воздухе с веселым гомоном пролетела первая гусиная стая.

Со всех сторон раздаются веселые куропаточьи выклики. Стадный период кончился, и куропатки, разбившись на пары, представляют теперь легкую добычу для наших охотников. Куропаточье мясо стало повседневным в нашем меню. Избалованные, мы теперь с нетерпением ожидаем появления уток, а с еще большим нетерпением — тех недалеких уже дней, когда будет пойман первый хариус. Но это еще впереди, а пока ежедневно на печку ставится большая кастрюля, в которой плавает ногами вверх десяток–полтора куропаток — солидное добавление к нашему обычно однообразному, отнюдь не изысканному меню.

Наш «главповар» Иван Иванович, грязный, неряшливый и суетливый, накладывает яркий отпечаток своей индивидуальности на творимые им шедевры кулинарного искусства. Наши обеды строго стандартны и представляют собой нехитрое сочетание трех основных компонентов — супа, каши и компота. Изредка на этом сером фоне яркой вспышкой блеснет недопеченный или, наоборот, пригоревший пирог или замысловатые пельмени размером с доброе пушечное ядро. После таких редких отступлений от стандарта более слабые члены нашего коллектива дня два маются животами и производительность на разведочных работах значительно снижается.

— Не знаю, как это получается у меня, я стараюсь сделать, как бы оно лучше было, а выходит все как-то наоборот, — часто сетует Иван Иванович после очередного ляпсуса.

При всех своих недостатках Иван Иванович отличается одним серьезным достоинством — исключительной честностью. Я представляю, как «улучшилось» бы наше питание, если бы сделать завхозом хотя бы Жмурко — молодого разбитного хлопца, который в прошлом году заведовал хозяйством у Гаврилова и у которого продукты фейерверком разлетались во все стороны. Иван Иванович к партионному добру относится с должной рачительностью и строго следит за тем, чтобы мы не выходили из границ нормы.

К 20 мая все разведочные выработки были закончены. Тяжеленьки были эти последние дни, когда нас немилосердно «душила» вода. Только самоотверженная работа всего состава партии дала возможность довести дело до конца. Особенно хорошо работала одна группа — Глуханюк, Жмурко и

Пилипенко, — которая с яростным азартом боролась за сохранность каждой выработки.

За ударную сверхплановую работу я объявил приказом по партий благодарность рабочим и на свой страх и риск (как отнесется к этому бухгалтерия?) выделил для наиболее старательных рабочих премиальный фонд за счет партии, в который вошли дефицитные вещи — сыр, сгущенное молоко, шоколад и папиросы. Наиболее отличившаяся группа получила по два кило сыру, по десять пачек папирос, по три банки сгущенного молока и по полкило шоколада на человека. Приказ с объявлением благодарности и особенно материальное приложение к нему были восприняты с большим удовлетворением, тем более что оказались совершенно неожиданными.

Канавными работами мы проследили пласты угля более чем на километр. Промывка же шурфов показала, что в долине Знатного есть только слабое непромышленное золото.

Закончив разведку, мы все силы переключили на строительство бараков. Особое внимание мы уделили сооружению склада. Летом все наши отряды будут работать в разных местах вдали от Знатного и охранять склад будет некому. Мы долго ломали голову, как сделать его недоступным для нежданных гостей, ежели таковые появятся. Конечно, если сюда нагрянет целая компания, то не помогут никакие ухищрения, но если случайно забредут один-два беглеца, то можно сделать так, что им очень долго придется повозиться со складом, прежде чем они проникнут в него.

После длительного и тщательного коллективного обсуждения остановились на следующем варианте: сруб делается глухой, без окон и без дверей. Сбоку выпиливается косым срезом, расширяясь внутрь, часть стенки барака, которая соединяется поперечинами и может откидываться внутрь как единое целое, образуя потайную дверь. Изнутри она подпирается толстой жердиной, от которой идет вверх веревка. Конец веревки прячется в потайном месте в углу барака, у выпиленного около крыши отверстия, которое маскируется деревянной пробкой. Открыть дверь можно только при помощи этой веревки, приподнимающей запорную жердь. Для маскировки в разных местах всех четырех стенок склада делаются фальшивые врезы, так что определить, где находится настоящая прорезь, довольно мудрено. Во всяком случае, для того чтобы проникнуть в склад «нахрапом», надо основательно потрудиться, так как крышу мы делаем двойную — с потолком из бревен и скатом из жердей. Все это плотно пригнано «в шип», покрыто корой и засыпано толстым слоем земли и галечника. Система

весьма сложная и довольно фундаментальная.

Подумать только, до чего мы дожили: в глухой безлюдной тайге принимать такие меры предосторожности! А принимать их приходится. Прошлый год многому научил нас.

Двум нашим работникам в прошлом году пришлось вплотную встретиться с беглецами. Оба до сих пор не могут без содрогания вспомнить об этом.

Много страха натерпелся в прошлом году наш промывальщик Левакин. Это один из наиболее добросовестных рабочих, мастер своего дела. Лоток так и играет у него в руках. Высокий, с открытым симпатичным лицом и выразительными карими глазами, в которых застыла затаенная печаль, он с нетерпением ожидает конца срока своего заключения, который, по его расчетам, должен наступить в этом году. Он был осужден на семь лет за «покушение» на брата председателя сельсовета. Дело обстояло следующим образом. Левакин стал замечать, что у него со двора воруют дрова. Дрова же у него были добротные, заготовленные с любовью и вкусом. Чтобы установить личность вора, он прибегнул к старинному, безошибочно действующему способу. Просверлив одно из поленьев, он насыпал в него охотничьего пороху, забил снизу деревянной пробкой и положил сверху в поленницу. Через два дня в доме брата председателя сельсовета раздался взрыв, от которого рассыпалась печка и пострадала кухонная утварь. Хотя человеческих жертв не было, Левакину пришлось отправиться сначала на Соловки, а затем на Колыму.

В прошлом году он работал промывальщиком в партии геолога К. А. Шахворостовой, также в бассейне Бёрёлёха, но на другом участке. Однажды перед вечером, после возвращения из маршрута, Шахворостова поручила Левакину осмотреть старый заброшенный барак, находившийся в нескольких километрах от базы партии. В случае пригодности Шахворостова собиралась использовать его в качестве временного жилья.

Мурлыкая что-то себе под нос, Левакин свернул с маленькой таежной тропки и направился к серому, изъеденному временем обомшелому бараку, который одиноко стоял в стороне на зеленой лужайке. Открыв низенькую скрипучую дверь, он, нагнувшись, вошел в полутемный барак и остолбенел, услышав внезапное «руки вверх!». Ему в грудь уперлось дуло ружья. Какой-то грязный рыжеволосый дядя, заросший густой щетиной, насмешливо смотрел на побледневшего Левакина. Незнакомец хладнокровно предложил Левакину стать лицом к стене, тщательно обыскал его, закурил взятую из левакинского портсигара папиросу и, с наслаждением затянувшись, начал его допрашивать. Дрожащим

голосом, ожидая ежеминутно выстрела, Левакин рассказал, кто он такой и почему оказался в бараке, но предусмотрительно слукавил, удвоив число людей в партии и по меньшей мере учетверив количество оружия. После расспросов незнакомец посоветовал Левакину сообщить, что барак для жилья непригоден, а самому держать язык за зубами. Затем он с миром отпустил его.

Не веря своему счастью, Левакин, пошатываясь, вышел наружу. Только отойдя на некоторое расстояние от барака, он несколько пришел в себя и со всех ног ринулся прочь. Вероятно, ни братьям Знаменским, ни Полю Лядумегу не удалось бы догнать Левакина — так бодро чесал он по направлению к лагерю. Прибытие его, конечно, не порадовало окружающих. Всю ночь они бодрствовали, ожидая нападения.

Наступило безрадостное утро. О маршруте не приходилось и думать. Тем несказаннее была радость, когда перед вечером, предварительно перепугав всех до полусмерти, к лагерю подъехал отряд стрелков. Утром Левакин провел их к бараку, и беглец, пытавшийся бежать через окно, был убит первым же выстрелом. Почему он остался в бараке? Ожидал ли он своих товарищей? Или был слишком уверен, что Левакин не проговорится? Все это осталось тайной.

У Левакина до сих пор не прошел нервный шок после переживаний прошлого года. Однако большинство рабочих относились к возможному появлению неожиданных гостей очень спокойно: «Ну что они нам сделают? Не будут же всех убивать? Вот только продукты, сволочи, унесут и нас на голодный паек посадят».

Только Котман, наш второй коллектор, молодой, здоровый верзила с красивым, немного порочным лицом, с надменным выражением, презрительно заявлял: «Нашли кого бояться! Попадись мне беглец, я бы с ним «поговорил» как следует, не то что ваш Левакин».

До Колымы Котман работал в почтово-телеграфной конторе где-то около Ленинграда и «по рассеянности» спутал собственный бумажник с денежным ящиком руководимой им конторы. Это было обнаружено, и Котман очутился на Колыме. Срок у него небольшой — всего три года, и его, как человека образованного, направили на курсы коллекторов-съемщиков. Там он проявил себя как один из наиболее способных учеников и вместе с Губановым досрочно, до окончания курсов, был направлен в нашу отдаленную партию. Тайги он до сего времени не видал, имеет о ней самое смутное представление, и, пользуясь его неопытностью, наши рабочие всячески подшучивают над ним.

В гости к Успенскому

Наступил конец мая.

Пора было разбиваться на отдельные отряды и приступать к полевым работам.

Отряд топографа Инюшина перебрался на противоположный берег Аркагалы и принялся за сооружение опорных пунктов для инструментальной топосъемки. Во главе разведочного отряда стоял Володя Светлов. Геологопоисковый отряд был в моем непосредственном подчинении. На мне же лежала координация работы всех отрядов, контроль, инструктаж и т. п.

Самым отдаленным был отряд Успенского, с которым мне вряд ли придется встречаться в течение лета. Поэтому перед началом полевых работ я решил навестить старика, ознакомиться с результатом разведки и еще раз детально обсудить план летних поисковых работ.

Я не сомневался в способности Алексея Николаевича добросовестно, на должной высоте провести работу отряда, тем более что мы в прошлом году составили себе достаточно ясное представление о Мяундже и знали слабые стороны своей прошлогодней работы. Откровенно говоря, мне хотелось морально поддержать старика, который впервые был предоставлен самому себе, внушить ему большую уверенность в своих силах, в общем дать ему соответствующую моральную зарядку.

Кроме того, мне хотелось ознакомиться с физическими качествами коллекторов Котмана и Губанова и остановить выбор на одном из них как на своем будущем спутнике в маршрутах. Второй должен был оставаться у Светлова, где работа носила полустационарный характер. С собой я решил взять также Лукича. Пусть он по дороге обучает обоих моих спутников практике глазомерной съемки. Дорога предстоит нелегкая, так как идти нам придется по водораздельным пространствам, густо поросшим лесом. У каждого за плечами рюкзак, и в рюкзаке ни много ни мало килограммов около тридцати наверняка наберется. Это обычный груз маршрутника — пусть привыкают.

Вышли мы в путь 29 мая, в тихое безоблачное бирюзово-золотое утро. Вершины и склоны гор почти очистились от снега, и только кое-где на темном фоне блестели снежные пятна. Мы весело шагали вперед, подогреваемые жарким весенним солнышком, которое с каждым часом припекало все сильнее и сильнее.

Неожиданно поднялся пронзительный северный ветер, небо покрылось темными развалами туч, закружился снег. Поздний

вечер застал нас, усталых, иззябших, посиневших от холода, на вершине обширного плоскогорья, где от пронизывающего ветра не было никакой защиты. Пришлось спешно спуститься в первый попавшийся на дороге ключик и там расположиться на ночлег, пройдя около половины пути.

Долина ключика оказалась слишком сырой и малопригодной для ночлега, но в одном месте нам встретилось маленькое возвышение, покрытое россыпью небольших плиток песчаника; мы решили использовать их в качестве «пуха» для наших постелей.

Выбрав площадку посуше, мы устлали ее плитками и развели большой костер. Потом, удалив остатки костра, мы настлали поверх нагретых плиток ворох ветвей, натянули нашу маленькую палатку и с удовольствием забрались в ее горячее чрево. В палатке царил теплый, банный уют, и где-то внизу, под нашими постелями, тонким мелодичным голоском пела озорная струйка воды, разбуженная живительным теплом нашего костра. Слышно было, как снаружи надрывно свистел холодный северный ветер и на крышу палатки с шуршанием сыпалась какая-то мокрая мразь — не то снег, не то крупа. Блаженно развалившись на горячих камнях, мы крепко уснули.

Проснулись мы часа в три утра от жесточайшего холода. Вокруг царила колючая морозная тишина. Вода в котелке покрылась толстой коркой льда. О дальнейшем сне не могло быть речи. Пришлось быстро разводить костер и, наскоро позавтракав, отправляться в дальнейший путь.

Поздно вечером, усталые и голодные, мы добрались до стана Алексея Николаевича. Наше неожиданное появление произвело немалый переполох. Тем более радостной была встреча.

Алексей Николаевич оказался на высоте положения. Бачок с «проклятой жидкостью» после того, как стаял снег, был отнесен им куда-то в потайное место и тщательно запрятан среди коряг и кустов. Старик честно держал свое обещание.

Разведочные работы были благополучно закончены, и только один крайний шурф оказался затопленным и недобитым. Промывочные работы тоже полностью завершены. Успенский с гордостью вытащил из вьючного ящика солидную кипу пакетиков-капсул с отобранным и взвешенным золотом, которое было не чета нашему знатненскому. Помимо непревзойденного «Васьки-гусара» в пакетиках было не менее двух десятков самородков весом от трех до восьми граммов. Но главное было не в самородках.

Самородок — вещь случайная, и на нем прииска не построишь. Главное было в том, что в пакетах тусклым матовым

светом поблескивали толстенькие шероховатые таблички, крупинки, зернышки и чешуйки благородного металла в вызывавших уважение количествах.

Алексей Николаевич произвел глазомерную съемку пройденных разведочных линий. Я послал Лукича с Губановым и Котманом проконтролировать Успенского, поскольку он в съемке был не особенно силен, но сделал это втайне от старика, чтобы не обижать его. Расхождения были, но не особенно значительные. Я сделал предварительный подсчет запасов. По данным двух разведочных линий, намечалась хорошая промышленная россыпь с приличными запасами, а ведь это было только начало. Линии были расположены в километре одна от другой, а ключ имел протяженность свыше 6 километров.

Мы еще раз тщательно обсудили план дальнейших поисковых работ, договорились о дальнейшей возможной встрече, теперь уже примерно в середине августа, и, простившись с Алексеем Николаевичем, отправились в обратный путь.

3 июня мы уже были на Знатном, пройдя за четыре дня свыше 120 километров по тяжелому гористому бестропью. Лукич еще в прошлом году получил соответствующую закалку и как должное воспринял неизбежные тяготы обычного геологического маршрута. Губанова основательно гоняли на маршах во время пребывания в Красной Армии, и он сравнительно легко перенес дорогу, а вот рослый, немного рыхловатый Котман настолько вымотался, что еле-еле добрался до дому. Чувствуется, что маршрутное житье-бытье не для него, и поэтому я окончательно остановил свой выбор на Губанове, а Котмана передал в распоряжение Светлова, к их обоюдному удовольствию.

Круговой маршрут

Маршрут к Успенскому показал, что можно приступать к систематическим полевым работам. Ближайшие окрестности были уже исследованы. Теперь предстояло провести рекогносцировочный осмотр отдаленных частей района.

Поскольку сейчас самый разгар распутицы и каждый маленький ручеек мнит себя могучей водной артерией, маршрут должен проходить по вершинам сопок. Был намечен план десятидневного похода, во время которого мы собирались обойти всю систему Аркагалы.

В маршрут отправляемся втроем: я, Лукич и Губанов. Лукич сейчас не может заниматься своей непосредственной работой — опробованием, так как земля еще мерзлая и везде избыток воды, но ознакомление с районом ему очень пригодится: карт ведь у

нас нет. Губанову придется все это лето работать вместе со мной, и он, кажется, не особенно этим огорчен. Что касается Котмана, то он буквально, просиял, узнав, что остается у Светлова. Их маршруты не будут превышать двух-трех километров. Основная работа Котмана будет заключаться в описании разведочных выработок. Это его вполне устраивает.

И вот 5 июня, нагруженные до отказа, мы отправились в долгий путь. Слегка сгибаясь под тяжестью рюкзаков, медленно шагала наша группа по вершинам сопок, окаймляющих левый приток Аркагалы — речку Контрандью, что означает, как разъяснил мне в свое время Михаил Петрович, «врезанная». Речка полностью оправдывает свое название. В нижнем течении она глубоко врезается в коренные породы — черные тонкоплитчатые сланцы, а в верховьях в стремительном порыве вгрызается в широкое плоское дно долины Худжаха.

Перед нами открылась замечательная картина так называемого речного пиратства, когда система одной реки перехватывает притоки другой. Здесь этот процесс выражен исключительно наглядно. Широченная долина Худжаха без всякого перевала круто обрывается в долину Контрандьи, а его притоки, вернее, бывшие притоки неподалеку от своих прежних устьев вдруг делают крутой заворот в сторону Контрандьи, перехваченные верховьями последней.

Контрандья порадовала нас несомненными признаками золотоносности. По пути в изобилии встречались обломки даек порфиров и порфиритов, длинными полосами тянущихся на значительные расстояния. В большом количестве попадались развалы кварцевых обломков. После удара молотком на свежем изломе часто можно было видеть обильные включения рудных минералов — пирита и арсенопирита, частых спутников золота. Чувствовалось, что здесь проходит рудоносная зона, которая пересекает долину Контрандьи.

Мы спустились вниз. Не терпелось скорее взять пробу из речных отложений. Хотя по руслу Контрандьи мутным бешеным потоком неслась желтая вода, здесь было много участков с крутыми обнаженными берегами, к которым можно было подойти. В некоторых случаях видно, как на поверхности коренных пород — песчаников и сланцев — залегает галька, перемешанная с песком и глиной.

Такие места, где отчетливо проходит граница между коренными породами и речными отложениями, — так называемый спай — встречаются не часто. О них мечтает каждый поисковик, так как здесь самое благоприятное место для опробования. Водный поток, неустанно работая в течение

неизмеримо долгого времени, измельчает, переносит и откладывает разрыхленные горные породы. Вместе с ними переносятся и откладываются частицы тяжелых минералов, так называемый шлих, в котором находится также и золото, если оно, конечно, есть в этом районе. Благодаря своему тяжелому удельному весу эти минералы, особенно золото, постепенно оседая, отлагаются в основном в нижних частях наносов, у поверхности коренных пород, часто по трещинам проникая в последние. Вот почему «спай» — наиболее благоприятное место для опробования. Если золота в «спае» нет, трудно рассчитывать, что оно будет в более высоких слоях речных отложений.

Однако взять пробу оказалось не так-то легко. Породы еще не успели оттаять и, скованные мерзлотой, не поддавались нашим усилиям. С большим трудом при помощи гребка и геологического молотка нам удалось наскрести немного более половины лотка из «спая». С трепетным чувством надежды принялся я за промывку. И вот она закончена. Осторожно смывая последние остатки породы, сливаю избыток воды и легкими круговыми движениями покачиваю лоток. Его дно покрыто узкой полоской серовато-черного шлиха, среди которого, то появляясь, то исчезая, желтыми матовыми огоньками поблескивают две крупные золотинки и около десятка знаков — мелких чешуек золота.

Итак, золото на Контрандье есть, и, по-видимому, неплохое.

— Ну, Лукич, принимай хозяйство. Здесь будет над чем поработать. — Лукич довольно ухмыляется. Гриша смотрит несколько разочарованно. Он видит золото впервые, и две золотинки его явно не устраивают.

По плоским залесенным вершинам, отделяющим Аркагалу от Худжаха, мы только на четвертый день дошли до устья ключа, где полтора месяца назад соорудили лабаз. От Михаила Петровича мы узнали название ключа — Джавджуганджа. К сожалению, мы не смогли выяснить, что оно означает.

За время нашего отсутствия все кругом изменилось. Вокруг пышно раскудрявился лес, и лабаз стал совсем неразличим в густой зеленой чаще.

Джавджуганджа удивила нас необычными, до сих пор нам не встречавшимися образованиями. В одном месте, проходя по галечной отмели, Гриша вдруг провалился по колени в какую-то странную, похожую на солидол, студнеподобную массу. С большим трудом удалось вытащить его из этой своеобразной ловушки, в которой он чуть не оставил сапоги. Хорошо, что внизу почва мерзлая и глубина этого студня сравнительно небольшая. Осенью, когда почва оттает на значительную глубину, выбраться из такой «солидоловой» трясины — дело очень нелегкое.

Это так называемый бентонит — гель, т. е. желатинообразное состояние кремнистых пород, широко развитых на этом участке. Мне вспомнился рассказ Михаила Петровича о том, что в долине Тал-Юряха — ключа, расположенного несколько ниже Джавджуганджи, — есть непроходимое место. Он сам видел, как дикий олень, пытавшийся перебежать его, провалился и погиб. Я без особого доверия отнесся к этому рассказу, считая, что неправильно понял Михаила Петровича. Теперь мне стало ясно, в чем тут дело.

На следующее утро мы перебрались в долину Тал-Юряха. Целый день бродили мы здесь.

Тал-Юрях очень своеобразен. Природа щедро рассыпала вокруг разные чудеса, то радуя, то огорчая исследователя. Черный, красный, белый, зеленый цвета, переплетаются здесь в сложных сочетаниях. В одном месте крутым шестиметровым обрывом чернеет мощный угольный пласт, прикрытый тонкой шапкой галечника. А вот краснеют гигантские нагромождения шлака, обгорелых пород. Все дьявольски перековерканное, с впадинами, провалами, буераками — зловещие следы каменноугольного пожара. Сколько тонн драгоценного топлива израсходовано понапрасну! Сколько миллионов калорий потрачено для того, чтобы переплавить, ошлаковать без всякой пользы, — зря всю эту массу окружающих пород, превратить их во что-то не поддающееся описанию!

В белых тончайшего сложения кремнистых слоях, чередующихся со смоляно-черными углистыми сланцами, видны ажурные отпечатки каких-то диковинных растений; их стебли и листья четкие, яркие, с мельчайшими деталями. А в каких-то зеленоватых илах неясного происхождения, нелепо перемятых и неизвестно на чем залегающих, — полное отсутствие каких-либо следов органической жизни…

Начало июня — самое хорошее время: нет ни комара, ни мошки, ни другой кровососущей нечисти. Мы, работая по четырнадцать-пятнадцать часов в сутки, постепенно приближались к дому. С непривычки основательно давала себя чувствовать усталость, и мы с нетерпением ожидали прихода на Знатный. Там можно и отдохнуть пару дней, и вымыться в бане, и побриться, и бельишко переменить, и последние новости узнать, да и поесть немного разнообразнее. Питание наше свелось в конце концов к полужидкой гречневой кашице-кондеру с мясными консервами. Правда, иногда в него для разнообразия добавляется неожиданный дар природы — либо горемыка куропач, либо неудачник хариус, либо случайно найденные куропаточьи яйца. Голода мы не испытываем, но и особой

сытости также. Большим подспорьем служат сухари. Обычно вместо хлеба пеклись лепешки. Иван Иванович наладил хлебопечение И на славу насушил нам сухарей. Они оказались очень удачным нововведением.

На Знатный мы вернулись 14 июня после десятидневного почти непрерывного хождения по гористой пересеченной местности. Какое было удовольствие поспать на постели при постоянной температуре, как следует вымыться горячей водой с мылом, переодеться во все чистое, побриться и основательно закусить жареными хариусами, в общем испытать всю гамму приятных ощущений, которые почему-то принято считать «низменными».

Этот десятидневный маршрут очень много дал нам всем, Гриша под руководством Лукича на практике ознакомился с приемами глазомерной съемки. Лукич усвоил, где и как надо выбирать наиболее удобные места для опробования, как вести записи и прочее — все это необходимо ему как прорабу-поисковику, который скоро приступит к самостоятельной работе.

Маршрут показал, что угленосная свита образует два изолированных участка, разделенных десятикилометровым интервалом и замкнутых в бассейне Аркагалы. При этом верхний участок, пожалуй, в большей степени насыщен углем, нежели нижний. Стало также ясно, что правобережье Аркагалы на большей своей площади бесперспективно в золотоносном отношении. Здесь преобладает однотонная свита осадочных пород — крупнозернистых песчаников и туфогеновых сланцев — при полном отсутствии изверженных пород. Здесь мы не встретили ни одной дайки, и все без исключения пробы оказались пустыми. В левобережной части, наоборот, дайковые породы и кварцевые жилы были широко развиты и большинство проб показывало присутствие знаков золота.

В общем, маршрутом мы все остались довольны, хотя он основательно вымотал нас, так как мы вернулись с большим грузом, нежели уходили. Образцы — вот главный бич геолога в длительном маршруте. В первые дни дает себя чувствовать тяжесть продуктов. Постепенно они расходуются, но на их место поступают образцы, вес которых с каждым днем катастрофически возрастает.

Новости на Знатном оказались приятными. Бараки закончены, хитрые запоры склада действуют как нельзя лучше, разведка постепенно развертывается, о беглецах ничего не слышно, привезенная с Хатыннаха сетка уже выловила в мутных водах Аркагалы свыше двух сотен хариусов. В общем все идет нормально.

Через два дня, приведя в порядок собранные за время маршрута материалы и наметив со Светловым план работ на ближайшие дни, я вдвоем с Гришей отправился на три дня в бассейн Кадыкчана — левого притока Аркагалы в ее нижнем течении.

Среди обширной низины в устьевой части Кадыкчана мы обнаружили маленький, едва заметный выход конгломератов. Стало ясно, что здесь находится продолжение угленосной свиты, исследовать которую можно только с помощью разведочных выработок. Площадь угленосных отложений резко возрастала. Это было очень приятное открытие.

Домой мы возвращались по заболоченному увалу. Гриша, «держа азимут», шел впереди, я, прихрамывая, ковылял сзади. Накануне, перепрыгивая с камня на камень, я слегка вывихнул ногу. На поверхности увала росли редкие чахлые лиственницы и пышные густо-зеленые одиночные кусты кедровника. Лиловые колокольчики анемон, первых весенних цветов, там и здесь выглядывали из-под прошлогодней травы. Далеко на горизонте сверкали серебром нетронутого снега вершины Тас-Кыстабыта. Вокруг царили мир и покой.

Вдруг я увидел метрах в трехстах впереди двух оленей, которые, не торопясь, перебредали долину ключа. Олени, по-видимому, тоже заметили нас, так как остановились и, подняв головы, стали смотреть в нашу сторону. Мы застыли на месте. Рука невольно быстрым движением сбросила с плеч винчестер. Раздался выстрел, и один из оленей судорожно стал биться на буром моховом покрове. Второй моментально исчез в лесной чаще. Взволнованно крича, мы бросились к оленю. Он судорожно вздрогнул и замер. Пуля попала ему в бок около передней ноги и вышла наружу. Я в свое время хорошенько пристрелял свой винчестер, и он бил без промаха.

В предвкушении сытного ужина мы принялись свежевать теплую тушу. Это был солидный матерый самец, и мы не меньше часа провозились с ним, пока сняли шкуру и выпотрошили внутренности. Тушу мы перетащили в русло ключика и оставили в ледяной воде, а голову, легкие, печенку и почки, хорошенько отмыв от крови, уложили в рюкзаки и понесли с собой.

На стан мы пришли ночью, когда вокруг все уже спали. Около барака лениво бродили лошади. Оказалось, что прибыл транспорт, который привел наш старый знакомец Семен Кривошапкин, в прошлом году так сильно пострадавший от

посещения незваных гостей. С транспортом пришли письма, газеты, журналы — все трехмесячной давности, но для нас это были наисвежайшие новости. Главный геолог управления Вознесенский сообщал, что Дальстрой крайне заинтересован в аркагалинском угле и что этим летом через Мяунджу и Аркагалу пройдет дорожная партия, которая будет вести изыскание трассы на Индигирку. И транспорт, и оленина подоспели очень кстати. Гриша с Семеном на трех конях отправились за оленьей тушей, а пока был устроен пир из принесенных нами головы и потрохов.

На следующий день мы все покинули Знатный. Светлов со своим отрядом перекочевал к устью Кадыкчана, где были обнаружены выходы пород угленосной свиты. Свиту надо было детально исследовать разведочными выработками, установить ее характер и выяснить, нет ли здесь угольных пластов. Туда же переехал и топограф Инюшин.

Я вместе с Лукичом и группой рабочих перебрался на устье Контрандьи.

Итак, мы разъехались. В нашем маленьком коллективе теперь кроме меня еще шесть человек: Гриша, Лукич, повар Иван Иванович, промывальщик Левакин, рабочий Глуханюк — мастер по сапожной части — и каюр Семен.

Глуханюк, молодой, крепко сложенный парень невысокого роста, с простым невыразительным лицом, осужден по пятьдесят девятой («бандитской») статье на десять лет. Семнадцатилетним парнишкой он и его старший брат ночью выходили на дорогу и грабили проезжих. Сопротивляющихся убивали. В конце концов обоих арестовали. Брат был расстрелян, а Глуханюку расстрел по малолетству был заменен десятью годами лагерей. Ему остается до освобождения еще года два, и его, как краткосрочника, направили в полевую партию. Молчаливый и сосредоточенный, он добросовестно делает порученную ему работу. О своих былых «подвигах» вспоминать не любит: «Молодой дурной был, вот и загубил зря свою молодость».

В геологические маршруты мы ходим втроем — Гриша, Иван Иванович и я. Иван Иванович сам вызвался ходить в маршруты, хотя и не без некоторого внутреннего трепета. Человек он сугубо городской, и это его желание вызвало общее веселое оживление. Он очень своеобразный человек — простодушный, но с хитринкой, наружностью и поведением слегка смахивающий на Швейка.

Собираясь в первый маршрут, он сильно трусил, но вел себя достойно. Три вещи особенно беспокоили его: во-первых, опасение, что мы заблудимся в тайге и погибнем от голода, во-вторых, что нас растерзают кровожадные топтыгины и, в-третьих,

что он будет ночью страдать от холода.

С непривычки он сначала сильно отставал, и тогда тайга наполнялась дикими воющими звуками. Это он «подавал голос». Чтобы зря не таскать его по вершинам сопок, мы, взбираясь на них, давали ему возможность обойти их у подножия и ожидать нас на следующей седловине. Лезть на вершины ему не хотелось, а оставаться одному было страшно. После нескольких попыток сопровождать нас на вершины он все же предпочел обходить их. Трусил он при этом отчаянно, и минуты тягостного ожидания нашего прихода были для него мучительным испытанием. Со всех сторон к нему подкрадывались кровожадные медведи, от которых у него было только одно-единственное средство самозащиты — «прикинуться мертвым». И он усердно «самооборонялся». С вершины было видно, как он, беспокойно озираясь, подходил к седловине, осторожно осматривался по сторонам и укладывался на землю, артистически изображая «мертвое тело».

Вечером специально для него мы поставили палатку на основательно прокаленной гальке, предоставив ему наиболее теплое место. Увидев, как из распахнутых полотняных дверец палатки валит густой пар, Иван Иванович успокоился: грозная опасность замерзнуть явно отпадала.

Первое время мы делали двух-трехдневные маршруты, и Иван Иванович хотя и сильно уставал, но мужественно терпел и постепенно закалялся и привыкал. Обязанности его были несложны. Во-первых, он нес на своей спине причитавшуюся ему треть нашего груза; во-вторых, он во время маршрута должен был собирать дары природы — разные там грибы, ягоды и прочую мелочь; в-третьих, на опорных маршрутных точках, в то время как я проводил необходимые записи, а Гриша мучился, над зарисовкой рельефа, Иван Иванович ставил, как он говорил, «знаки», либо выкладывая каменную пирамидку — «гурий», либо делая отчетливую затесь на стволе дерева. На затеси отмечался номер точки и дата маршрута.

Мы вели съемку системой замкнутых ходов, и такие опорные точки, к которым мы привязывали наши маршруты, сильно облегчали работу. Я пользовался очень простым и умным приспособлением для глазомерной съемки, так называемым кругом Вебера, который давал возможность непосредственно в процессе маршрутного хода получать «скелет» карты в нужном масштабе и помогал контролировать работу Гриши, который вел съемку с зарисовкой рельефа.

В обязанности Ивана Ивановича входило также приготовление пищи.

Он очень славный малый, этот самый Иван Иванович, но

порой я его прямо-таки ненавижу за невыносимую медлительность и неуемную говорливость. То, что запросто можно сделать за какие-нибудь две-три минуты, он делает не менее чем полчаса, бесконечно суетясь и приводя не относящиеся к делу многочисленные подробности из «романа своей жизни», как он именует свою биографию.

Сам он родом из Киева, вернее, из его пригорода — Никольской слободы. Работал закупщиком скота для колбасной фабрики, был «уважаемым человеком», и даже «ответственные товарищи» вроде директора предприятия и техрука водили с ним компанию и частенько угощали в ресторане, так что с ресторанной обстановкой он ознакомился в деталях. Дружба с директором дорого обошлась Ивану Ивановичу. Когда на фабрике были установлены факты слишком вольного обращения с сырьем, предназначенным для колбасных изделий, директор сумел остаться в стороне, а вся вина пала на «стрелочника» — заготовителя. И вот Иван Иванович получил «путевку» на Колыму — сроком на пять лет.

Иван Иванович очень любит рассказывать о своих посещениях ресторана. Эта «ресторанная тематика» находит живой отклик у Гриши, и, лежа на теплом, распаренном ложе в уютной палатке, друзья, перед тем как заснуть, с упоением предаются гастрономическим воспоминаниям.

Гриша после демобилизации из Красной Армии работал в должности заведующего кооперативом, что и дало ему возможность тоже ознакомиться с приятной ресторанной обстановкой, но в то же время довело его до Колымы. Он тоже не учел, что общественная собственность священна, и понял это только здесь.

Основная же тема бесед у Ивана Ивановича с Гришей — это волнующий вопрос, когда и как они освободятся.

Каждый из них вновь и вновь считает и пересчитывает, сколько ему еще остается тянуть лагерную лямку. Зарплату наши рабочие получают ту же, что и вольнонаемные, лагерь удерживает у них определенную сумму за «содержание», а остальные деньги переводятся на текущий счет «подопечного». Однако сознание того, что ты заключенный, настолько тягостно действует на психику, что заставляет безудержно днем и ночью мечтать о «воле».

Иногда после разговоров о голубях — о них он тоже может говорить бесконечно — и о разных происшествиях на воле и в лагере Иван Иванович вдруг неожиданно переходит к научной тематике.

— А что, Борис Иванович, — вопрошает он, — есть у нас в

партии радиус?

На мой вопрос, что такое, по его мнению, радиус, следует быстрый и точный ответ:

— А как же, — нас этому на курсах обучали. Радиус, помноженный на радиус, дает 3,14, чтобы узнать формулу диаметра.

Иван Иванович в прошлом году обучался на курсах смотрителей разведочных работ, и, хотя на разведке ему работать не пришлось, он не прочь щегольнуть приобретенными знаниями.

На вопрос, что такое диаметр, Иван Иванович немедленно дает разъяснение:

— Диаметр — это вроде, знаете, дыра, ну, к примеру сказать, яма или шурф.

Мне приходится подробно разъяснять, что такое радиус и диаметр. Иван Иванович долго чешет затылок и наконец скептически замечает:

— Может, оно и так, а только нас на курсах учили, как я говорю, — и в голосе у него чувствуется сомнение в том, что начальник разбирается в этих делах.

Иногда в разговор вступает Гриша, внося дополнительные коррективы, и я, потрясенный эрудицией своих собеседников, смущенно умолкаю.

В отношении меня Иван Иванович взял тон нежного, заботливого пестуна вроде Савельича из «Капитанской дочки». Сначала это меня забавляло, а под конец начало бесить. Не знаю, насколько это искренне, но тон выдерживается исключительно правильно, без малейшей фальши. Он дает мне нежные советы, как уберечься от простуды, заботится, чтобы солнце не напекло мне голову, беспокоится, не устал ли я, не натерты ли у меня ножки и так далее и тому подобное.

Однажды мы возвращались из очередного маршрута и к вечеру вышли на берег Аркагалы. День был знойный, рельеф тяжелый, и за день нам пришлось пролить немало пота. Выбрав подходящее место, мы перебрели речку и вышли на противоположный берег. Я не мог удержаться от искушения выкупаться. Иван Иванович, как беспокойная нянька, стал всячески отговаривать меня:

— Борис Иванович, не надо, ей-богу, не надо! Долго ль простудиться? А потом смотрите, какие там водовороты, того гляди о камень ударит. Не надо, Борис Иванович!

Его менторский тон не на шутку рассердил меня, и я решил подшутить над ним. Выбрав место поглубже, где, кружась, вихрились белые струйки воды, я разделся, набрал в легкие побольше воздуха, нырнул и исчез из глаз зрителей. Перед этим я

присмотрел метрах в пятидесяти ниже по течению хорошую заводь, в которой можно было укрыться. Ныряю я неплохо, и течение быстро донесло меня до заводи, где я и притаился. Ниже, метрах в ста – ста пятидесяти, находился каменистый перекат, где весело плескались покрытые белой пеной зеленоватые водны.

Через некоторое время раздались тревожные восклицания. Зрители, пронизывая взорами пенные струи аркагалинских вод, пытались разглядеть мое бренное тело. Встревоженный голос Ивана Ивановича рекомендовал Грише бежать скорее к перекату:

— Там что-то белеется, должно, его о камни задержало.

Через некоторое время недалеко от меня пробежали, запыхавшись, Гриша и Иван Иванович.

Я вылез на берег и быстрой рысью, подстегиваемый укусами комаров, помчался к месту, где лежала моя одежда. Быстро одевшись, я уселся среди кустов и стал с любопытством наблюдать, как беспокойно метались по берегу Иван Иванович и Гриша, стараясь разглядеть среди камней и волн тело утопленника.

Посидев немного, я решил, что пора кончать забаву, и медленно пошел к ним по берегу. Сделано это было вовремя, потому что потерявший голову Гриша собирался уже бежать на стан с сообщением о трагической гибели начальника. Когда они увидели меня, спокойно шагающего по берегу и нахально вопрошающего: «Ну, чего вы там канителитесь? Хариусов, что ли, ловите? Пора идти дальше», — немая сцена из гоголевского «Ревизора» была повторена на берегу Аркагалы. А затем лицо Ивана Ивановича выразило такой упрек, что мне стало бесконечно стыдно за свою глупую ребяческую выходку.

— Эх, Борис Иванович, а ведь я думал, что вы утопли, — с какой-то вибрацией в голосе произнес он и заплакал.

Стоя рядом, всхлипывал и Гриша. Нужно представить себе, что пережили они за эти тревожные минуты. Ведь они оба были заключенными. Ушли в маршрут с начальником и вдруг вернулись бы без него. Я дал им торжественное обещание, что никогда больше не позволю себе так жестоко шутить. Мир был восстановлен.

В бассейне Контрандьи

Наш маленький лагерь находится в устьевой части Контрандьи. Отсюда уходим мы в двух-трехдневные маршруты и сюда же возвращаемся, чтобы отдохнуть, привести в порядок собранные материалы, ознакомиться с данными поискового отряда, наметить с ним план дальнейших работ, договориться о

будущей встрече и, запасшись продуктами, вновь уйти. Павленко, забрав лошадей, также уходит в маршруты на несколько дней, так что обычно в лагере никого не бывает, стоит только большая палатка, которая служит своего рода складом.

Мы сейчас «обрабатываем» бассейн Контрандьи. Она не обманула наших ожиданий. Каждый раз, возвратившись из маршрута, Лукич при очередной встрече с довольным видом разворачивает передо мной многочисленные пакетики-капсулы с прекрасным золотом. А на склонах и водоразделах ручьев в бассейне Контрандьи нам встречаются обильные россыпи кварцевых обломков, среди которых изредка попадаются отдельные образцы с мелким видимым золотом. Многочисленные дайки, прослеживающиеся на десятки и сотни метров, секут песчано-сланцевую толщу, образуя широкую рудную зону, которая тянется в верховья Худжаха. Там тоже можно рассчитывать кое на что. Но это в будущем, а пока надо закончить работу в бассейне Контрандьи.

Однажды в конце июня, когда мы поздно вечером вернулись из очередного маршрута, нас встретили два стрелка с оперзаставы, которые с нетерпением ожидали моего прибытия. Они были направлены ко мне для связи. Печальные происшествия прошлого года заставили соответствующие инстанции принять предупредительные меры. Созданы оперативные заставы, патрули, налаживается связь с полевыми партиями, вообще принимаются все меры к тому, чтобы обеспечить спокойную работу.

Стрелки побывали на Знатном — там никого нет. Они видели наш склад, хотели взять кое-что из продуктов, но, тщетно повертевшись около «избушки без окон и без дверей», вынуждены были с прискорбием следовать дальше.

О нашем местонахождении они узнали от Светлова, работающего в нижнем течении Аркагалы. Он вскрыл там новые пласты угля, и работа у него идет успешно.

Стрелки принесли почту. Вознесенский сообщал, что присланная мной докладная записка вызвала большой интерес и что руководство Дальстроя уже в этом году решило начать разведочные работы на Аркагале. Он просил принять все меры к тому, чтобы к осени дать детальную характеристику угленосной свиты и обоснованное заключение о перспективах угленосности всего района в целом. Писал, что план золотодобычи выполняется успешно, что вообще дела идут хорошо.

Среди прочей корреспонденции находилось извещение от лагерного начальства о том, что у Левакина и Жмурко окончился срок пребывания в лагере, о чем их надо осведомить под

расписку, и что следует теперь считать их вольнонаемными.

Стрелки сообщили мне адрес оперзаставы, рассказали, что в этом году вокруг все спокойно. Сначала намеками, а затем открыто гости попросили у меня «спиртику» и были очень огорчены, когда я сказал им, что во время полевых работ спирта с собой не вожу. Он у нас есть, но запрятан около основной базы и будет пущен в дело по окончании полевых работ и после того, как мы проплывем пороги. Это обстоятельство обусловило «уксусную» обстановку нашего прощания, несмотря на то что я как следует снабдил гостей продуктами.

Гости внесли некоторый разлад в размеренный распорядок нашей жизни. Их прибытие заставило отвлечься от узкого привычного кругозора нашего повседневного бытия, напомнило о «большом мире», в общем несколько взбудоражило нервную систему, с особой отчетливостью подчеркнув неприглядную убогость окружающей нас обстановки.

Вспомнилась Москва, жена, дети, в общем налетел шквал минорных настроений и все пошло не так, как надо. Махнув на все рукой и отказавшись от ужина, что крайне встревожило Ивана Ивановича («а вы часом не заболели, Борис Иванович?»), я лег и забылся беспокойным, тревожным сном.

К утру хандра прошла, и я с удвоенной энергией принялся за работу. Надо было закончить накопившуюся за предыдущие дни «камералку», которую я стараюсь держать «в ажуре».

Работать в палатке в знойные дни очень тяжело. Тентов у нас нет, а в палатке такая жара, что мы буквально истекаем потом. Пробуем сооружать некоторое подобие самодельного тента, а также устраивать теневое заграждение из молодых лиственниц, прислоняя их вплотную к полотнищу палатки, но все это помогает очень мало. Работать на открытом месте — писать, чертить, вообще камеральничать — совершенно невозможно из-за комаров. Единственное облегчение — это купание. На берегу Контрандьи, у глубокого омута, я поставил маленькую палатку. В ней я раздеваюсь (раздеваться снаружи не рекомендуется: слишком много комаров) и с размаху ныряю в воду. Вода же в омутке такая, что сразу, как у ревматика, начинают ныть кости. После того как сделаешь парочку сальто, во всем теле начинается такое ломящее «жжение», что с удовольствием возвращаешься в палатку. Минут тридцать пять – сорок после этого в ней можно работать, а затем вновь приходится повторять эту процедуру.

К вечеру вернулся из маршрута Лукич со своими рабочими. Я поспешил сообщить Левакину и Жмурко (он временно заменял у

меня в отряде заболевшего Глуханюка) радостную весть о их освобождении и поздравил их. Оба страшно разволновались.

Левакин — этакий здоровый дядя с густой, черной, окладистой бородой, по-детски захлебываясь, радостно спрашивал: «Неужто правда, Борис Иванович, неужто правда?» — и по его взволнованному лицу, расплывшемуся в широкую радостную улыбку, крупными каплями катились слезы. Сколько времени ждал он этого момента, сколько раз нетерпеливо высчитывал остающиеся дни и часы, и вот наконец этот час наступил. И он вновь сейчас не бесправный и безгласный «з/к», а полноправный гражданин Иван Кузьмич Левакин.

Жмурко хотя и не плакал, но у него тоже подозрительно дрожали губы.

На новом месте

Мы перебрались на устье Тал-Юряха и, обосновавшись на новом месте, принялись за детальное исследование этой части района.

Контуры угленосной свиты здесь расширяются до четырех километров. Часто встречаются выходы угольных пластов. Непосредственно в русле Тал-Юряха выходит на поверхность шестиметровый пласт угля, образующий отвесный обрыв. На одном из участков вода бежит по поверхности каменноугольного пласта. Выходы каменного угля встречаются и в других местах — это солидные фундаментальные пласты полутора-двухметровой мощности. В одних случаях они залегают почти горизонтально, со слабым наклоном, в других — сильно перемяты и стоят почти вертикально. В некоторых участках пласты выгорели, переплавив и ошлаковав вмещающие их породы, которые издалека бросаются в глаза своим мрачным темно-красным цветом.

Границы угленосной свиты в большинстве случаев определяются довольно хорошо, но в некоторых местах они расплывчаты и установить их возможно только с помощью выработок. Вообще Светлову будет где развернуть работу. Естественных обнажений здесь немного.

Исследование правобережья Аркагалы подтвердило представление о почти полной ее бесперспективности в отношении золота. Только в ее верховьях, в правом притоке Хакчане, пробы содержат золото.

Так как эта часть района сравнительно невелика, мы уходим в маршрут вдвоем с Гришей, оставляя Ивана Ивановича хозяйничать на стане. Маршруты у нас короткие, в основном однодневные, и я не беру с собой ни палатки, ни винчестера. К

нашему приходу у Ивана Ивановича всегда готов обильный ужин, в котором существенную роль играют жареные хариусы — блюдо, которое никогда не приедается.

Случайно мне пришлось познакомиться с одной черточкой в характере Гриши, которой я раньше не замечал и которая навела меня на грустные размышления относительно надежности его как товарища в таежных условиях.

Рост у Гриши около 190 сантиметров. Это здоровый крепыш с завидной мускулатурой и ярким румянцем во всю щеку. К таежным переходам он привык и 8 длительных маршрутах легко таскал свою двухпудовую ношу. Сейчас мы работали налегке.

Конечной целью одного из наших маршрутов была вершина невысокой сопки со звучным названием «Мировая». Мы медленно поднимались по ее крутому каменистому склону. До вершины оставалось каких-нибудь пятьдесят – восемьдесят метров, как вдруг наши уши уловили крик, донесшийся из долины ключика, огибавшего сопку. Он заключал короткое, но выразительное упоминание родительницы, каковое в литературных произведениях заменяется стыдливым многоточием. Кто мог там быть? Во всяком случае это кто-то чужой. Светлов находился километрах в пятидесяти от нас, в нижнем течении Аркагалы, и никто из его отряда здесь быть не мог.

Крик повторился. Мы стали внимательно просматривать долину в бинокль и увидели три человеческие фигуры, которые, перекликаясь, брели вдоль русла — вроде как ловили рыбу.

Я взглянул на Гришу. Он стоял бледный, с дрожащими губами и трясущимся подбородком. Мне стало смешно.

— Что с тобой? Чего ты испугался?

Он ошалело посмотрел на меня и дрожащим голосом умоляюще забормотал:

— Борис Иванович, это не иначе как беглецы! Давайте уходить скорее. У них, наверное, оружие есть. Давайте уходить, а то они заметят нас и убьют!

— Как тебе не стыдно? Ты же ведь красноармейцем был. Ну, а если бы тебе на войне пришлось быть, ты бы и там так же зубами лязгал?

— То война, а ведь здесь тайга.

Я стал ему рассказывать, как мы работали в прошлом году. Он слушал молча, со смертной тоской в глазах, и было видно, что ему хочется одного — как можно скорее распроститься с этой сопкой…

Фигуры с трудом можно было разобрать в бинокль: идут трое, то сойдутся, то разойдутся, то покричат немного, то опять замолчат. Один несет что-то в руке — не то шест, не то удочку.

Похоже, действительно беглецы.

Однако еще раз внимательно присмотревшись, я пришел к выводу, что это все-таки могут быть работники топоотряда. Мои доводы не произвели на Гришу впечатления. Он был уверен, что это беглецы.

Оставив его в качестве наблюдателя, я поднялся на вершину сопки, провел замеры и описание слагающих ее песчаников, взял образцы и спустился к Грише. Спрятавшись в заросли стланика, он напряженно, не отрывая бинокля от глаз, следил за «беглецами». По противоположной стороне сопки мы осторожно спустились вниз и быстро зашагали по направлению к лагерю.

Велика была наша радость, когда мы узнали, что это действительно были люди из топоотряда, который примерно через два часа после нашего ухода остановился лагерем около нас. Илюшин, не теряя времени, приступил к работе. Его отряд мы и видели в долине ключа.

Как бы то ни было, а моя уверенность, что Гриша в тяжелую минуту окажется хорошим помощником, резко поколебалась. При мысли о возможном появлении беглецов с ним приключается нервный шок.

Был и другой случай, когда он также впал в паническое состояние. Мы были в маршруте в верховьях Аркагалы. Я сосредоточенно возился около обнажения, которое после каждого удара молотка выдавало «на-гора» целую кучу обломков, заполненных чудесными, прекрасно сохранившимися отпечатками стеблей и листьев. На таких участках время жалеть не приходится. Гриша помогал мне выбирать и завертывать образцы. Иван Иванович в сторонке удил рыбу. Стал накрапывать дождь. Большая лиловая туча медленно приближалась к нам, обещая неприятности. Я сказал Грише, чтобы он отправился к Ивану Ивановичу, — пусть они поставят нашу походную палаточку.

Гриша с удовольствием отправился исполнять поручение. Через некоторое время я увидел, что он стремглав летит обратно. Прибежал он запыхавшийся, бледный, как полотнище палатки; волосы потными прядями прилипли к лицу, губы дрожали, он весь трясся, чуть не плакал и не мог сказать ни слова. Наконец он кое-как выдавил из себя:

— Борис Иванович… берите винчестер… там около Ивана Ивановича беглец… стоит с ружьем… что делать?

Я схватил винчестер, загнал пулю в ствол и направился к месту происшествия. Действительно, около Ивана Ивановича стоял дядя с ружьем и оба о чем-то мирно беседовали. Оказывается, это был никакой не беглец, а Лукич, который,

возвращаясь из маршрута, случайно встретил нашего рыболова.

Иван Иванович по отношению к беглецам страха не испытывает и относится к ним хладнокровно.

— Чего ты дрейфишь, Гриша — укоризненно обращается он к своему компаньону. — Ежели что, я сразу руки вверх и скажу: берите, братцы, что вам нужно, а убивать меня не за что, я ведь сам заключенный. Конечно, — бросив искоса взгляд на меня, добавляет он, — если Борис Иванович станут сопротивляться, то мы тоже вступим в бой и разгромим ненавистного врага. Ты, Гриша, главное не дрейфь. — После этого Иван Иванович неожиданно переходит к изложению занимательной истории о своем взяточнике-куме, который берет поборы с односельчан. История эта по своей связи с предыдущими разговорами заставляет вспомнить пословицу: «В огороде бузина, а в Киеве дядька».

Что касается медведей, то тут Иван Иванович, мягко говоря, робеет. Медведей здесь практически нет. И все же Ивану Ивановичу «посчастливилось» встретиться с предметом своей постоянной тревоги.

Это произошло буквально через два дня после встречи с «беглецом» — Лукичом, так напугавшим Гришу. Мы плели узорное кружево маршрута по извилистому водоразделу. Приходилось то взбираться на крутые оголенные сопки, то шагать по пологим залесенным увалам.

В одном месте я, выражаясь словами Ивана Ивановича, «подзашел». После осмотра и описания одного из обнажений, взвалив на спину пузатый увесистый рюкзак, я по рассеянности забыл захватить винчестер, который остался стоять прислоненным к скалистому выходу. Хватился я его лишь метров, через восемьсот, после того как мы добрались до следующего обнажения.

Вот тут-то, сняв с себя рюкзак, я и обнаружил, что на предыдущей точке оставил своего неизменного друга. Иван Иванович изъявил желание сходить за ним, и я с благодарностью согласился.

И вот он, мерно покачиваясь, ленивой походкой направился обратно к злополучной точке. Сконфуженный происшествием, я с жаром принялся описывать новое обнажение, замерять наклон пластов, выколачивать образцы, вообще делать обычную работу. Гриша занялся своим делом. Время от времени я в бинокль посматривал на Ивана Ивановича. Вот он дошел до вершины, прошел немного дальше, развел руками, что-то крикнул и вдруг с непостижимой быстротой, столь несвойственной ему, ринулся обратно. Меня крайне удивило, что, пробежав некоторое

расстояние, он вдруг остановился, немного постоял и стал осторожно возвращаться. Потом он почему-то опять повернулся и вновь побежал по направлению к нам, постепенно ускоряя темпы.

Вскоре я смог рассмотреть искаженную ужасом физиономию Ивана Ивановича, который с винчестером в руках мчался, как на призовых гонках. Добежав до нас, он долго не мог произнести слова. Наконец обретя дар речи, он рассказал нам весь ход событий.

Дойдя до места, где, по его мнению, должен был находиться винчестер, и не обнаружив его, он руками сделал нам знак и закричал, что винчестера нет. «Аминь», — ему грянули камни в ответ, собственно не камни, а здоровый, матерый медвежище, дремавший на этих камнях метрах в двадцати от Ивана Ивановича и напуганный, вероятно, не менее последнего. Оба помчались в противоположных направлениях. Несясь на крыльях смертельного страха, Иван Иванович вдруг увидел стоявший у камня винчестер и немедленно схватил его. Почувствовав себя вооруженным, он посмотрел назад. Медведя видно не было.

Тогда осмелевший Иван Иванович решил развлечься охотой на медведя и, держа винчестер наготове, сделал разворот на сто восемьдесят градусов. Трусил он основательно, но, переборов постыдное чувство, медленной крадущейся походкой стал постепенно продвигаться вперед, сторожко оглядываясь вокруг. И вдруг у него волосы встали колючим ежиком от мысли: а как же стрелять из этого чертова винчестера? Курок он взвел сразу, как только схватил винчестер, но устройство ружья было ему незнакомо. Иван Иванович решил произвести пробный выстрел в воздух, испытать, так сказать, оружие. Он спустил курок. Что-то чикнуло, но выстрела не получилось. (Я никогда во избежание несчастного случая не держу пулю в стволе. Патроны находятся в магазинной коробке, и, для того чтобы выстрелить, надо передернуть затвор.)

Иван Иванович не знал этих тонкостей. Он еще раз взвел курок — опять чикнуло. В сердце у него тоже «чикнуло», и он стремглав помчался обратно, спасаясь от «разъяренного зверя», который, вероятно, столь же быстро мчался в другую сторону.

В общем все обошлось благополучно. На мой коварный вопрос, почему он не прибегнул к испытанному средству и не притворился мертвым, Иван Иванович только рукой махнул — где тут вспомнить об этом при таком страхе.

По Худжаху

Характер и границы угленосной свиты верхнего участка в

общих чертах были определены. Она прослеживалась более чем на 20 километров, почти до верховьев Аркагалы, при ширине до четырех километров. Геологическая обстановка здесь была сложнее, чем на нижнем участке, в районе Знатного. Сильная задернованность и редкие выходы коренных пород не давали возможности установить взаимоотношения обнаруженных угольных пластов друг с другом и с окружающими породами. Надо было срочно начинать проходку разведочных выработок.

Мы отправились на Кадыкчан. Светлов ожидал нас с радостным нетерпением. В нижнем течении Кадыкчана ему удалось вскрыть канавами несколько пластов угля и проследить их на значительное расстояние. Обнаруженные на Кадыкчане пласты увязывались с пластами, встреченными на Знатном, и это резко увеличивало перспективность нижнего участка.

Встречи с Володей каждый раз доставляют мне большое удовольствие. Веселый и подвижный, несколько легкомысленный в обыденной жизни, он становится серьезным и внимательным, когда дело касается работы. Золото его мало интересует. Он по натуре типичный угольщик.

Володя с радостью воспринял предложение о переезде на верхний участок. Шестиметровый пласт угля на берегу Тал-Юряха, выходы других угольных пластов, своеобразие пород — все это было для него ново и крайне интересно.

На Кадыкчане, конечно, осталось немало недоделок, однако, учитывая отдаленность верхнего участка, мы решили срочно перебираться туда. На Кадыкчан мы еще вернемся в конце полевого сезона.

После переезда я провел с Володей несколько маршрутов, ознакомил его на месте с выходами горных пород и пластов угля, вместе с ним разработал детальный план работ и отправился в верховья Худжаха. Туда незадолго перед этим выехал со своим отрядом Лукич.

Опять со мной были неизменные Гриша и Иван Иванович. В течение нескольких дней бороздили мы системой замкнутых маршрутов плоские залесенные водоразделы в верховьях Худжаха.

Коренных обнажений здесь не было, и только обломки щебенки около вывороченных с корнями лиственниц давали представление о характере пород, слагающих этот участок. Небольшие кусочки кварца и обломки порфиров среди преобладающих песчаников и сланцев свидетельствовали о том, что здесь, возможно, продолжается золотоносная зона из среднего течения Контрандьи.

С Лукичом мы встретились в устье Ованджи — левого

притока Худжаха в его верховьях.

Увидев около берега небольшое каменистое обнажение, я направился к нему, и взятый азимут привел нас к маленькой рощице, под зеленым покровом которой стояла палатка поискового отряда. Рядом паслись кони. Лукича не было. Он ушел вверх по Овандже. В палатке находился только наш старый знакомый — Семен Кривошапкин.

— Ну, как, Семен, не боишься оставаться один?

— Чего бояться, — улыбаясь, отвечал он. — Ночью все вместе, а днем кто подойдет?

Напившись чаю и закусив, я верхом отправился вверх по Овандже искать отряд Лукича. Встретил я его километрах в пяти, подъехав в тот момент, когда Левакин промывал очередную пробу.

В руках опытного промывальщика лоток «играет». Можно залюбоваться, как легко и непринужденно колышется он из стороны в сторону, постепенно освобождаясь от крупнообломочного материала — гальки и щебенки. И вот на дне его остается тонкий материал — песок и частицы тяжелых минералов, так называемый шлих. Движения промывальщика становятся все более и более осторожными. Вода легкими всплесками поступает в лоток и выходит из него, вынося частицы песка и оставляя шлих, среди которого поблескивают частицы золота.

Несмотря на то что удельный вес золота колеблется от семнадцати до двадцати одного, при небрежной промывке довольно легко вместе с галечным материалом выплеснуть, или, как говорят таежники, «смыть», довольно крупные золотники, не говоря уже о мелочи. У новичков это случается довольно часто.

Левакин вел промывку артистически. Глядя на него, я вспомнил один из забавных эпизодов из сравнительно недавнего прошлого, героями которых были промывальщики.

В начале тридцатых годов одним из лучших промывальщиков на Колыме считался старатель Миша Минин. Начальник Колымского управления Союззолота Улыбин как-то вздумал подшутить над артелью старателей. Приехав к ним на участок, он предложил взять пробу из верхней части наносов, так называемых торфов, которые золота не содержат.

— Что-то мне, ребята, кажется, что вы пропускаете золото и считаете за торфа золотоносную породу — пески. А ну-ка, возьмите пробу из этого места.

— Что вы, Николай Федорович, — отвечал ему Минин. — Уж нам ли не знать где торфа, где пески.

— Ну, а все же промой лоток вот отсюда, — сказал Улыбин,

запрятав в руке довольно крупную золотинку.

Минин нехотя набрал в лоток породу и принялся за промывку. Улыбин, подойдя к нему, незаметно бросил в лоток золотинку. Он знал, что Минин прекрасный промывальщик и что золотинка останется в лотке, а это даст возможность Улыбину слегка «покуражиться», упрекнуть старателей в том, что они оставляют непромытой золотосодержащую породу, а потом рассказать, как он их одурачил. Минин закончил промывку и поднес наблюдавшему за ним Улыбину лоток:

— Ну вот, смотрите, Николай Федорович, никакого золота здесь нет.

Улыбин тщательно просмотрел содержимое лотка и помрачнел. На дне лотка брошенной им золотники не было. «Смыл, сволочь, золото, — подумал он, — а еще лучшим промывальщиком считается!». Однако он промолчал.

После осмотра работ, за обедом, «пропустив по маленькой», он вернулся к этой теме и стал рассказывать, какие в прежнее время были промывальщики и что теперь всякая шпана, которая и лотка как следует в руках держать не умеет, числится мастером промывочного дела.

— На, там-тарарам, твое добро! — взорвался вдруг Минин, подавая ему завернутую в бумажку злополучную золотнику. — Кого разыграть захотел — Мишку Минина? Ты сперва сопли вытри, а потом берись тягаться с Мишкой! — Улыбин был ошарашен. Он ведь стоял над душой Минина, когда тот вел промывку.

Мишка рассказал, что, увидев блеснувшую среди шлиха золотинку и зная, что в промываемой породе золота быть не может, он сразу догадался, что это дело рук Улыбина. Улучив момент, он незаметно ухватил ее, а затем, утирая рукой потное лицо, сунул золотинку в рот. Если бы не упреки Улыбина, Мишка промолчал бы, а тут у него «сердце не выдержало».

Левакин закончил промывку.

— Вот посмотрите, — протянул он лоток. — Золото есть, не то чтобы богатое, но и не бедное. А главное это не первая проба. — На дне лотка желтело несколько золотинок.

У золотоискателей, так же как и у рыболовов, есть привычка преувеличивать размеры добычи. Если у рыболова стограммовая рыбешка превращается в килограммовую рыбину, — то у золотоискателя очень часто маленькие золотники становятся крупными, как «жуки», «тараканы» и прочие представители царства насекомых — излюбленный эталон для сравнения. Особенно часто фигурируют «тараканы». Золотинки в пробе по Овандже были гораздо скромнее. Им было далеко до этих

гигантов. В основном это были «блохи», парочка «клопов» и довольно большое количество золотой «мошкары».

Однако такое сравнительно скромное золото было почти во всех пробах, взятых в нескольких притоках Худжаха в его верховьях, что подчеркивало их надежную золотоносность.

У нас с Лукичом давно было заведено, что он во время маршрутов по долинам отмечает и наносит на свою карту встреченные им береговые обнажения. Позже я, пользуясь его данными, верхом отправляюсь к этим обнажениям, описываю и документирую их. Это дает возможность экономить время и основное внимание уделять исследованию водораздельных участков.

Поскольку в верхнем течении Худжаха Лукич обнаружил несколько выходов коренных пород, я на следующее утро отправился осматривать их.

Так как в долине Худжаха много небольших озер, то Лукич предложил мне вместо винчестера взять его двустволку — более добычливое оружие для охоты на уток. Я согласился. Лукич предупредил меня, что левый ствол у него на всякий случай заряжен пулей.

Для поездки Семен оседлал мне своего коня — большого толстого пузана по кличке Тянка, что соответствует русскому Серко. Этот добродушный увалень, не торопясь, шагал по широкой долине Худжаха; осторожно пробираясь через топкие места и временами украдкой пытаясь повернуть обратно к лагерю, где он оставил без присмотра свой гарем. Я вежливо указывал ему на неблаговидность такого поведения, и он, недовольно фыркая, нехотя плелся в нужном направлении.

Доехав до очередного обнажения, я длинной веревкой привязывал Серко к какому-нибудь кустику около сочной травки, а сам принимался измерять и описывать выходы пород. Они были представлены довольно однообразной свитой темно-серых песчано-глинистых сланцев, часто пересеченных многочисленными жилами и прожилками кварца, содержащими обильные вкрапления пирита. В некоторых местах в сланцах встречались отпечатки ракушек, большей частью плохой сохранности. Изредка удавалось выбить хорошо сохранившийся экземпляр, свидетельствовавший о том, что породы, в которых он находится, отлагались на дне верхнетриасового моря.

Пока я занимался геологией, Серко с аппетитом лакомился травкой. Покончив с одной «тарелкой», размеры которой определялись длиной веревки, Серко изъявлял немедленное желание приступить к следующей, о чем заявлял громогласным ржанием. Я немедленно выполнял его требование, и между нами

царило полное согласие.

Серко также не остался в долгу.

Когда, проезжая мимо, небольшого озерца, которыми так богато плоское болотистое дно широкой долины Худжаха, я услышал милое сердцу кряканье и, второпях соскочив с коня, позабыл привязать его, то он не сделал ни малейшей попытки покинуть меня. После выстрела он сам подошел ко мне и с любопытством наблюдал, как я, приплясывая на зыбкой кочке, пытался палкой притянуть к себе увесистого селезня. Когда я наконец достал его. Серко не только не захрапел с испугом и омерзением, как это обычно делают его сородичи, а, наоборот, с любопытством обнюхал добычу и даже, как мне показалось, плотоядно облизнулся. Видя его отнюдь не вегетарианские наклонности, — я приторочил селезня подальше от симпатичной морды Серко.

Так мы продвигались вверх по Худжаху, то останавливаясь у обнажений, то чавкая по болотам, то задерживаясь на короткое время у маленьких озерец.

Приближался вечер. Мы добрались до последнего неосмотренного обнажения. Это был береговой обрыв протяженностью около десятка метров, сверху густо поросший низким лиственничным лесом, среди которого выделялось несколько высоких деревьев.

Здесь я решил немного отдохнуть и перекусить. Неподалеку от обнажения была восхитительная полянка, покрытая густой, сочной травой. Я расседлал в спутал Серко и пустил его пастись, быстро развел костер, подвесил котелок с водой и отправился осматривать обнажение. Ружье я сначала хотел оставить около костра, но, помня старое таежное правило «не расставайся в тайге с ружьём», повесил его на плечо и медленно пошел к обрыву.

Идти нужно было по пологому увалу, покрытому завалами лесного хлама, который сильно мешал ходьбе. Пройдя метров восемьдесят, я решил спуститься к воде и… буквально нос к носу встретился с большой медведицей, которая поднималась на увал. Сзади нее ковыляли два медвежонка.

Увидев меня, медведица отбежала шагов на двадцать, встала на дыбы и с угрожающим фырканьем, подняв кверху когтистую лапу, каким-то танцующим поскоком стала быстро приближаться ко мне. Оба медвежонка, как будто вздернутые веревкой, моментально взлетели на высокую лесину.

Левый ствол ружья был заряжен самодельной круглой пулей, которая и подвела меня. Вместо сердца, куда я целился, пуля попала медведице в плечо. Она отшатнулась, рявкнула и бросилась на меня. Я выстрелил вторично почти в упор, на этот

раз дробью. После второго выстрела медведица метнулась в сторону, дав мне возможность, перезарядить ружье. Через мгновение она вновь с хриплым взрыком, оскалив пасть, бросилась на меня, но, получив почти в упор пулю, отскочила назад и после еще одного выстрела исчезла в кустах. Все это разыгралось в течение нескольких минут. Преследовать медведицу я не решился. Откровенно говоря, я немного побаивался, как бы она не передумала и сама не повторила попытку напасть на меня. Однако нервы ее, по-видимому, сдали. Вокруг все было тихо и спокойно.

Я вспомнил о медвежатах. Они в это время проворно спускались вниз по стволу. Один из них успел соскочить на землю и моментально исчез в кустах. Второй, видя мое приближение, испуганно рванулся вверх и через мгновение был на самой верхушке дерева. Я выстрелил в него пулей — он взвизгнул и еще крепче прижался к верхушке.

Странное это чувство — охотничий азарт, темный пережиток древнего прошлого. Совсем мне не нужен был этот несчастный маленький медвежонок, но я в разгоряченном состоянии, не совсем еще придя в себя, тщательно прицелился и вновь выстрелил, на этот раз крупной дробью. У меня оставался только один пулевой заряд, и я не решился потратить его.

После выстрела медвежонок, сверх ожидания, камнем свалился с лесины и, тяжело ударившись о землю, остался лежать неподвижно. Одна из дробин попала ему в висок около уха, и, когда я его поднял, он был мертв — вероятно, и от раны, и от удара о землю: как-никак он свалился с высоты около тридцати метров. Весил он добрых полтора пуда.

Тяжело дыша, я спустился вниз к обнажению и сел закурить. После нервного напряжения наступила реакция. Я чувствовал себя каким-то опустошенным.

Немного отдохнув и придя в себя, я принялся за осмотр и описание обнажения. Вряд ли это было сделано с должной тщательностью.

Взвалив медвежонка на плечи, я направился к полянке. Костер потух, вода в котелке выкипела больше чем наполовину.

Оседлав Серко и привязав его к дереву, я попытался привьючить к седлу незадачливого медвежонка. Это оказалось не так-то просто. Грива у Серко вздыбилась, глаза налились кровью, он запыхтел, зафыркал, забился, всем своим видом показывая испуг и крайнее отвращение.

С большим трудом удалось мне привьючить медвежонка сзади седла, уложив его на круп Серко. Не чувствуя запаха ненавистного врага, Серко успокоился и торопливо зашагал по

направлению к дому. А тем временем из-за плоской залесенной горы выплыла огромная темная туча, которая, испуская свирепое рычание, стала постепенно приближаться. Серко получил приказ перейти на аллюр «три креста», что он и сделал с величайшей охотой. Беглым спортивным шагом, наклонив голову и раздувая ноздри, он быстро приближал меня к спасительному стану. Однако его честные конские ноги были не в состоянии состязаться с быстро надвигавшейся тучей, которая с радостным рыком нагнала нас и стала усиленно поливать обильными потоками дождя. Выплюнув нас, мокрых и иззябших, из своего холодного чрева, она с утробным раскатистым рычанием поползла дальше в поисках новой жертвы.

Стемнело. Окрестности затянуло густым туманом. Вокруг расстилалась мрачная болотистая пустыня. Царила зловещая тишина, нарушаемая тонким пронзительным воем голодных комаров.

И вот в этой мрачной западне, усеянной волчьими ямами провалов, трясин и рытвин, Серко развернул свои таланты природного следопыта. Быстрой уверенной поступью, кряхтя и пофыркивая, несся он темной тенью по кустам, зарослям и кочкам вперед и вперед.

Мы несколько раз перебредали Худжах, и каждый раз в хмуром полумраке позднего вечера я видел на песчаных отмелях отпечатки конских копыт: Серко неукоснительно шел по своим старым следам. Вернулись мы домой уже глубокой ночью. Разговоров было больше чем достаточно.

На Мухолкане. Часы досуга

В верховьях Худжаха работа подходила к концу. Оставалось исследовать его крупный правый приток Мухолкан. На это у нас ушла целая неделя.

Мухолкан не порадовал нас присутствием драгоценного металла, зато в его верховьях мы увидели незабываемо своеобразный ландшафт. Здесь когда-то вдосталь поработали ледники, придав рельефу совершенно фантастический вид.

Широкие безлесные, сильно заболоченные долины без всяких перевалов переходят одна в другую. По ним тонкими серебряными ниточками, лишенные притоков, тянутся многокилометровые ключи.

В своих верховьях они протекают в огромных каменистых желобах-трогах, соединяющихся друг с другом сквозными долинами, в которых растерявшаяся вода не знает, в какую сторону ей течь, к какому ключу присоединяться.

Вблизи розовеет на солнце могучий гранитный массив Тен-Мари, — первоисточник всех этих несуразностей. Огромной каменной массой уперся он в голубое небо, весь изрезанный морщинистыми распадками, круто сбегающими с его голых, без единого кустика каменистых склонов. А вокруг осьминожьими щупальцами раскинулся сложный лабиринт долин, в которых верховья ключей, как змеи, — кусают друг друга, так что и не поймешь, где кончается один и начинается другой.

Здесь призрачными тенями бродят души умерших ледников. Совсем недавно (в геологическом, конечно, смысле) эти ледники огромными языками сползали с повышенных участков, выпахивая в горных породах глубокие корытообразные долины — троги.

Под тонким торфянистым покровом скрываются залежи льда, но это уже следы позднейших процессов, которые продолжаются и сейчас. Мощные скопления снега в отдельных местах не успевают растаять за лето. Их постепенно заносит песком, гравием и галькой во время весенних и летних паводков, и они превращаются в погребенный лед, чуть прикрытый тонким покровом рыхлых отложений, на котором в дальнейшем развиваются лишайники, мхи и карликовая береза.

В верховьях Мухолкана нет ни комаров, ни мошки. Скрытые под тонким торфянистым покровом залежи льда, большие абсолютные высоты и жалкая чахлая растительность тому причиной: здесь всегда веет прохладой, вечно порхает ветерок, и для крылатой нечисти здесь «не климат». Вот почему тунгусы на лето покидают тайгу и уходят с оленями в высокогорный район Улахан-Чистай — огромный очаг былого оледенения.

20 августа мы закончили работу в бассейне Худжаха. Его верховья и правобережные ключи порадовали нас отчетливо выраженными признаками таящегося в недрах драгоценного металла — золота, а вот бассейн Мухолкана принес огорчение. Что ж, не все быть розам, должны быть и шипы.

Около лабаза, сооруженного еще весной, собралась вся наша группа. Нужно было отдохнуть, привести в порядок накопившиеся материалы: рассортировать, заэтикетировать и упаковать образцы, вычертить набело карту, заполнить дневники; камералки всегда набирается более чем достаточно.

Должное внимание можно уделить и рыбной ловле. Что-что, а рыба здесь есть.

В полукилометре от нашего лагеря, на противоположной стороне Худжаха, голубеют два озера, чистые, глубокие, прозрачные. Прибрежная часть их окаймлена узким поясом ярко-зеленого камыша, в котором кишит мелкая рыбешка. Более крупная рыба, в основном хариус, держится подальше от берега.

Поверхность озер покрыта сложным узором расплывающихся кругов. Над водой то и дело взлетают в воздух серебристые тела рыбок, хватающих вьющуюся над водой мошкару, — настоящий танец.

Все мы любим порыбачить, но у Ивана Ивановича это носит характер подлинной страсти. Впрочем, только ему одному и удается вдосталь тешить свою душу этим благородным спортом. Мы с Гришей обычно заняты, а в его обязанности входит сбор даров природы.

За время многолетних таежных скитании пришлось по необходимости ознакомиться с разнообразными приемами рыбной ловли, знание которых частенько выручает таежников. В летнее время рыба почти повсеместный даровой продукт, который надо только суметь взять. С наступлением весны значительная часть рыбьего населения покидает крупные водные артерии и устремляется в небольшие притоки, где в избытке получает необходимую пищу, в основном насекомых и их личинок.

В колымских реках в изобилии встречается хариус — непревзойденная по своим вкусовым качествам рыба. Хариус большой любитель холодной чистой воды, а так как в верховьях Колымы это свойство присуще большинству ключей и речек, то хариус встречается в них везде. Мелкий хариус беззаботно резвится на быстринках, с жадностью хватая бросаемую ему приманку. Крупный ведет себя по-иному. Это очень пугливая, осторожная рыба, которая предпочитает селиться в глубоких ямах-омутках, где на глубине одного-полутора метров чувствует себя в безопасности.

Подойдя к такому омутку, можно видеть, как в зеленоватой прозрачной глубине стоят на месте или медленно проплывают, лениво шевеля хвостами, темные силуэты рыбьих тел с повернутыми против течения головами. Если к такому омутку незаметно подойти со стороны и тихонько пустить по течению овода или кузнечика, раздастся громкий всплеск; значит, омуток обитаем и его обитатель не прочь полакомиться вкусным блюдом. После этого с выбранной вами позиции следует столь же осторожно пустить по течению надетую на крючок насадку, которая немедленно будет схвачена. Но если хариус заметил человека, то к каким бы уловкам вы ни прибегали, какую бы лакомую насадку ни нанизывали на крючок, крупный хариус «не клюнет» на вашу удочку и будет равнодушно взирать на насадку, делая вид, что она его совсем не интересует.

Якуты для ловли хариусов применяют своеобразные миниатюрные блесенки в виде гусениц, одна сторона у которых

оловянная, другая — медная. Из хвостика этой тщательно обработанной «гусеницы» торчит крючок, обвязанный красными нитками. Такая блесна-гусеница привязывается к сплетенной из конского волоса леске. Блесенка забрасывается в омуток и тянется вверх по течению. Играющая на солнце блесенка заставляет хариуса стремглав бросаться на добычу; рывок — и хариус на крючке.

Семен подарил мне одну такую блесенку, и мы частенько пользовались ею. Однако по каким-то своеобразным законам рыбьей психологии хариус не всегда бросается на сверкающую приманку. То ли он сыт, то ли блесенка недостаточно «играет», то ли он напуган, но часто случается, что он равнодушно смотрит, как блесенка проходит мимо него, почти под самым носом, кокетливо играя и поблескивая.

В таких случаях приходится прибегать к другому методу — надежному и безотказному. Из куска проволоки, лучше всего медной, делается скользящая мертвая петля. Проволока привязывается к прочной бечевке, прикрепленной к палке, которая служит своеобразным удилищем. Подойдя к омутку, в котором на глубине виден темный силуэт его обитателя — хариуса, рыболов опускает вниз проволочную петлю и со стороны головы подводит ее под хариуса так, чтобы тело последнего оказалось в середине петли. На глубине свыше метра хариус чувствует себя в полной безопасности и равнодушно смотрит на то, что какая-то «водоросль», иногда даже касаясь его, оказывается в близком с ним соседстве. Затем следует резкий рывок, и захлестнутый петлей хариус вылетает на берег.

Все эти методы Иван Иванович изучил, но как истый рыболов всем им он предпочитает обычную ловлю на удочку с насадкой из насекомого.

Кузнечик — одна из лучших наживок, и Иван Иванович всегда имеет их в запасе. Вот и сейчас, пока мы камеральничаем, он с упоением занимается ловлей «скачков», как он их называет.

Согнувшись, с хищным выражением на лице, забыв обо всем на свете, он тихо подкрадывается к очередной жертве и с размаху животом наваливается на увертливого «скачка». Обычно эта «охота» оказывается неудачной, и тогда Иван Иванович мрачно молчит. В случае же удачи на всю тайгу раздается радостный вопль; «Гриша, поймал! Еще одного скачка поймал!»

Отставив дела, все мы с азартом занялись рыбной ловлей. А тут еще где-то рядом своевременно подал голос не в меру любопытный куропач, за что и поплатился жизнью.

И вот, уютно расположившись у ярко горящего костра, мы отдыхаем, предаваясь суетным утехам чревоугодия. Ужин сегодня

отменный, настоящее пиршество. На первое — неизменная кашица-кондер с мясными консервами и жирным куропачом, слегка приправленная поджаренным сушеным луком. На второе — жареные хариусы в количестве, способном насытить удвоенное число участников ужина. На третье — вареники с голубикой. Ну, и наконец густой крепкий чай, к сожалению без сахара, — здесь мы немного «подзашли».

Давно уже не приходилось нам так сытно ужинать. Мухолкан не баловал нас, да и работа не давала возможности заняться как следует «отхожим промыслом». Большую часть времени нам приходилось проводить на водораздельных участках, где, как известно, рыба не водится. Животный мир там очень беден. Глухарей и рябчиков мы ни разу не встретили, даже куропатки попадались очень редко. На днях нам пришлось даже — какой позор! — отнять куропатку у ее законного владельца — горностая.

Наступил вечер. На галечной отмели запылал огромный костер, и вскоре, лежа на теплом ложе в нашей палаточке, мы мирно готовились отойти ко сну. Снаружи над тайгой нависла морозная августовская ночь. В темном небе половиной каравая повис желтый полудиск огромной луны, со всех сторон осыпанный крупной солью созвездии. На западе бледно-розовыми отсветами догорала холодная заря, и на ее фоне резко выделялись четкие угольно-черные силуэты далеких гор. Около палатки неугомонно журчали звонкие струйки болтливого Худжаха. Гриша, напуганный моими рассказами о Колымских порогах, через которые нам вскоре предстояло плыть, спрашивал, нельзя ли их как-нибудь обойти пешком.

— Эх ты! — с укоризной обратился Иван Иванович к Грише. — Я вот с Борисом Ивановичем ничего не боюсь. Скажи он мне: Иван Иванович, давай поедем с тобой за десять тысяч километров куда-нибудь, где нам, может быть, даже погибнуть придется, так я сразу соглашусь. Я с Борисом Ивановичем куда хочешь пойду.

— Да, — мрачно вымолвил Борис Иванович, — а помнишь, как я тебя звал как-то купаться? Так ты небось отказался, побоялся холодной воды. Пускай, дескать, Борис Иванович купается, а я на бережку посижу, на солнышке погреюсь. А теперь треплешься, что за десять тысяч километров готов отправиться с Борисом Ивановичем. Кто тебе поверит?

— Борис Иванович, — с азартом произнес Иван Иванович, — хотите я с вами сейчас выкупаюсь?

— Гм, — ехидно сказал Борис Иванович, — а ведь это идея. Почему бы нам действительно не выкупаться? — Гриша

захихикал. Иван Иванович с тревогой взглянул на Бориса Ивановича.

— Ну что же, пойдем искупаемся. Это ты славно придумал. Перед сном неплохо освежиться, тем более что ночи стоят теплые, сейчас не больше двух градусов мороза. — И Борис Иванович, захватив полотенце, вылез из палатки.

Холодная колымская ночь обжигающе куснула его тонкими иголочками легкого морозца. Он быстро разделся и кувыркнулся в омуток. Иван Иванович, стоя на берегу, мрачно снимал портки.

Борис Иванович ящерицей переплыл омуток, вернулся обратно и, беззвучно лязгая зубами, стал торопливо одеваться.

Раздевшийся Иван Иванович решительно полез в воду, забрался до колен, шлепнулся раза два толстым седалищем по дрожащей, искрящейся от лунного света поверхности реки, брызнул себе на пуп пригоршню воды и, тонко, по-бабьи взвизгнув, стремительно вылетел на берег.

Гриша, высунув из палатки кудлатую голову, с любопытством наблюдал за происходящим.

— Ну что, Гриша, а? Не подзашел ведь я? А ну, скажи словягу! — хвастался в палатке Иван Иванович, очень довольный тем, что доказал на деле свою готовность ехать с дорогим Борисом Ивановичем за десять тысяч километров в неведомые края.

Такими невинными развлечениями разнообразилась наша жизнь, с утра до позднего вечера заполненная работой, работой, работой. Если бы не она, властно захватывающая и заполняющая сознание, тяжеленько пришлось бы психике. Иногда взвыть хотелось от ощущения одиночества, от бесконечных рассказов Гриши о сомнительных прелестях калужских девиц или от повествований Ивана Ивановича о тайнах киевской колбасной фабрики.

Встреча с Некипеловым. Последние дни

Сентябрь встретил нас длительной непогодью. Просидев пару дней на вершине сопки, окутанной густым, непроницаемым туманом, и подсчитав количество оставшихся у нас продуктов, я решил, что стоит прервать на два-три дня работу и «сбегать» на Знатный сменить обувь и запастись продуктами. До Знатного каких-нибудь 25–30 километров, и это расстояние придется идти без съемки, которая в таком тумане невозможна. Мы устроили царственный завтрак, поглотивший почти все наши продукты, и в густой туманной мгле бодро зашагали по направлению к нашей маленькой столице.

На Знатном никого не было. В бараке лежала записка. Светлов просил срочно прийти на устье Кадыкчана. Там меня ждет приехавший из Хатыннаха геолог.

На устье Кадыкчана мы пришли поздно вечером, усталые, иззябшие, голодные и мокрые. В палатке Светлова сидел незнакомый мне человек с узким, несколько болезненным, лицом, окаймленным небольшой рыжеватой бородкой. Мы представились друг другу. Незнакомец оказался геологом-угольщиком Е. В. Некипеловым, который приехал три дня назад, чтобы ознакомиться с угольным месторождением. Он только недавно прибыл с «материка» и получил назначение в Северное горнопромышленное управление, откуда Вознесенский сразу послал его сюда. Некипелову придется возглавлять разведочные работы, которые начнутся этой осенью. Он уже осмотрел Знатненское месторождение и теперь знакомится с Кадыкчаном. Район ему нравится, и он с удовольствием будет работать.

Несмотря на усталость, беседа наша затянулась до четырех часов утра. Приятно встретиться в глухой таежной обстановке с «собратом по оружию», хотя и несколько иного профиля.

Надо отдать должное Дальстрою. Это изумительная организация, оперативности которой могли только завидовать «материковые» предприятия. В прошлом году было обнаружено месторождение, а уже этой осенью Дальстрой приступает к широкому развороту разведочных работ. На «материке» ушло бы минимум два года на сложную процедуру увязки и утряски этого вопроса с целым рядом бюрократических инстанции. Или другое: в прошлом году геолог И. И. Галченко обнаружил золото в бассейне Индигирки, и вот через несколько месяцев ведется изыскание трассы в этот район — трассы, которая идет мимо нашего угольного месторождения. В этом огромная заслуга начальника Дальстроя Э. П. Берзина, который как бывший военный, действует по-военному, не теряя ни минуты времени.

Приезд Некипелова очень обрадовал нас. Мы передавали Аркагалу в руки разведчиков, причем передавали спокойно и уверенно. Незадолго перед этим, во время очередной встречи со Светловым, — мы осторожно, с тщательным учетом всех обстоятельств, подсчитали минимальные запасы угля на обоих участках. Получилось неплохо — около 150 миллионов тонн. (Впоследствии, после проведения детальных разведочных работ, цифра запасов увеличилась в несколько раз — это уже не месторождение, а небольшой каменноугольный бассейн.)

Мы могли быть также довольны и результатами поисковых работ на золото. Кроме Контрандьи и верховьев Худжаха золото было установлено в верхнем течении Аркагалы. Успенский,

закончив опробование бассейна Мяунджи, подтвердил данные прошлого года и обнаружил еще несколько новых золотоносных ключей.

Что касается Топкого, можно было не сомневаться, что на нем в недалеком будущем будет открыт прииск.

На следующий день мы все отправились на Знатный. Полевые работы по существу были закончены. Оставалась кое-какие мелкие недоделки. Пора было приступать к переброске нашего имущества на устье Эмтыгея, откуда нам предстояло на плотах возвращаться в Хатыннах.

В бараке на Знатном собрался весь состав партии. Тут и бородатый, в изорванной одежде, похожий на рыжего лешего Успенский, и длинный как жердь Лукич, и все остальные. Около барака в кокетливой белой палатке, резко отличающейся от наших потрепанных грязно-серых, помещается Некипелов. Ему с места в карьер пришлось ознакомиться с оборотной стороной таежного быта. Направив его на Аркагалу, ему не дали печки, и если бы не мы, то плохо пришлось бы бедняге в эти холодные и мокрые дни.

В тайге он впервые и горько сетует на тех, кто не подсказал ему, что надо брать с собой в дорогу.

Приехал он на трех русских лошадях, также непривычных к местной тяжелой обстановке. Ночью выпал сантиметров на двадцать снег, и в то время как наши якутские лошадки бодро шныряют между кустами, наполняя свои желудки охапками желтой травы, их русские собратья стоят, понурив головы, равнодушные ко всему на свете.

Конюх Некипелова, молодой широкоскулый малый, торопит его с отъездом. Тот и сам не прочь выехать, но уж очень плоха погода — непрерывный мокрый снег и холодный пронизывающий ветер.

10 сентября погода изменилась к лучшему. Мокрый снег перестал идти. Показалось солнце. Мы попрощались с Некипеловым. Он уезжал, полный желания скорее включиться в работу. Путь на лошадях не представлял особых трудностей. Дорожники обнаружили несколько легко доступных перевалов из системы Бёрёлёха в бассейн Эмтыгея. «Непревзойденный знаток» местности «атаман» Слепцов заставил нас весной преодолеть самый тяжелый из них.

Мы бы с удовольствием последовали за Некипеловым, но у нас было слишком много груза.

В ближайшее время нам предстояло в несколько приемов перебросить наше имущество на устье Эмтыгея. Ответственность за это мероприятие была возложена на Володю Светлова, с

которым мы детально, до мелочей разработали план эвакуации партии.

Успенскому не улыбалась перспектива возиться с грузами и лошадьми, и он настойчиво просил дать ему «фронт работ». Мы договорились, что он отправится в верховья Аркагалы проконтролировать работу Лукича. Со свойственной ему тщательностью и добросовестностью Успенский принялся за работу.

К чести Лукича надо отметить, что его данные мало чем отличались от полученных Алексеем Николаевичем. Все же Лукич допустил ошибку, которая пятном легла на его совесть. Он прошел мимо маленького двухкилометрового притока Аркагалы, не опробовав его. Успенский получил в нем пробы с хорошим золотом. Впоследствии на этом ключе, который Успенский назвал Забытым, был организован прииск, давший немало драгоценного металла. Этот случай показывает, насколько внимательно надо относиться к каждой «мелочи» во время полевых работ.

Оставив Светлова, заниматься хозяйственными делами, я решил и оставшееся время провести еще несколько маршрутов. В частности, надо было уточнить характер залегания наиболее молодых в нашем районе изверженных пород, встреченных в нижнем течении Мяунджи. В отличие от более древних гранитов они застывали не на глубине, а на земной поверхности. Это так называемые эффузивы — андезиты и базальты, излившиеся на поверхность в южной части крупного разлома в земной коре. Вдоль этого разлома, к которому приурочена долина Аркагалы, происходило опускание отдельных блоков горных пород. В узких опущенных участках, так называемых грабенах, и происходило накопление угленосных пород. Опускание шло периодами, то усиливаясь, то прекращаясь. В периоды покоя в застойных водоемах на дне грабенов буйно развивалась пышная растительность, из которой впоследствии образовался уголь. В периоды опусканий в образовавшиеся провалы с окрестных возвышенностей сносился обломочный материал, погребавший под собой скопления растительности.

Этот разлом образовался уже после того, как в окружающие осадочные породы внедрились граниты и многочисленные дайки изверженных пород, обусловившие развитие золотоносности в этом районе. В других районах угленосные отложения слагают большие площади, здесь же они образовали длинную узкую полосу среди более древних золотовмещающих пород. Это своего рода «угольный рубец» на «золотом теле». Вот почему в бассейне Эмтыгея мирно уживаются рядом уголь и золото.

После прошедших ненастных дней работать стало

тяжеловато. Дают себя чувствовать и холод, и мокрота, и общая усталость. В голове нет-нет да и шевельнется украдкой мысль: а не пора ли кончать? Все уже вроде как сделано, план давно перевыполнен, а что касается недоделок, то они все равно останутся… Конечно, такие настроения пресекаются «высшими центрами сознания», но то, что они появляются, достаточно показательно.

Днем в хорошую, ясную погоду, когда с неба ласково светит солнце, работать даже приятно. Но стоит только набежать тучке, как тебя начинают пронизывать струйки ледяного холода, от которого не спасает и телогрейка. Да и как не быть холоду, когда гранитные массивы надели нарядные белые рубахи и ослепительно сверкают на солнце. И не только массивы — даже на обыкновенных невысоких сопках повсюду белеют пятна свежего снега, которые теперь уже не исчезнут.

Осенняя прохлада отразилась на наших аппетитах, и ужин теперь приходится варить в двух котелках.

Природа вокруг нас катастрофически быстро увядает. Невольно вспоминаются уэллсовские «Первые люди на Луне», когда на глазах одного из героев, Бедфорда, съеживаются и осыпаются листья, надвигается мрак и холод лунной ночи, причем все это происходит с быстротой, которую Уэллс сравнивает с движением ртутного столбика в термометре.

Вокруг все желто. Ни единого зеленого дерева не видно среди этого желтого мира, и как совсем недавно среди густой зелени резко выделялись отдельные желтые деревья, так сейчас среди желтизны то там, то здесь бросаются в глаза темные скелеты деревьев, сбросивших с себя последние следы летней одежды. Кустарник уже давно осыпался, трава высохла и побурела. Съежились, сморщились лиловые ягоды сочной когда-то голубики, осыпалась смородина, и только брусника да клюква чувствуют себя прекрасно среди этого всеобщего отмирания.

Хариусы давно перекочевали в низовья Эмтыгея, и тщетно приглядывается Иван Иванович к глубоким омуткам, где летом весело резвилась рыбешка, тщетно бросает в «мировые» места кузнечиков — пусто и безжизненно там, и кузнечик, проплыв по струйке и покружившись в омутке, благополучно выбирается на берег, чтобы в ближайшем будущем естественным образом прекратить свое существование.

По воде густой желтой массой плывут скопления хвои, которая полосками откладывается на косах и отмелях.

Только кусты кедрового стланика гордо зеленеют на склонах и вершинах сопок, но, увы, кедровых орешков уже не отведаешь. Все шишки тщательно вышелушены кедровками, белками,

бурундуками и геологами, и только кучи пустой скорлупы да остовы выпотрошенных шишек, битой посудой валяющиеся под каждым кустом, напоминают о днях роскошных пиршеств.

Куропатки сменили свое невзрачное серое оперение на белый наряд и стараются держаться поближе к снежным пятнам. Только они одни изредка разнообразят наше меню.

Прощание с Эмтыгеем

18 сентября наступил последний вечер пребывания в милой сердцу таежной обстановке. Этот прощальный вечер мы провели на берегу Эмтыгея, километрах в десяти от устья. Там нас уже ждала вся партия. Детали обратной дороги давно были обдуманы, план эвакуации разработан до мелочей, намечено и количество плотов, и их размеры, и, что особенно важно, их конструкция.

По поводу конструкции возникли некоторые разногласия. Наметились две точки зрения: приверженцы одной из них, ортодоксальной, с пеной у рта доказывали, что плоты должны вязаться только на кольцах; вторая не менее рьяно стояла за то, чтобы плоты были «на шкантах».

В первом случае бревна плотов прикрепляются свернутыми в кольца распаренными тальниковыми или лиственничными прутьями к двум поперечным жердям — ронжам и крепко заклиниваются. Получается гибкая конструкция, на что в основном и упирали сторонники этой системы.

Противники ее указывали, что система колец хороша на крупных сибирских реках, где мало перекатов, и что при плавании по многочисленным перекатам Аян-Юряха, где плотам придется ерзать по галечному дну, кольца обязательно будут перетираться, их надо будет заменять, вообще все время надо быть начеку. Во время плавания по Колымским порогам плот может налететь на камни и кольца могут «сдать». То ли дело «шканты»! В этом случае в бревнах плота у обоих концов делается поперечный трапециевидный врез с расширением внутрь. Через эти врезы на всю ширину плота пропускается жердь такого же трапециевидного сечения. После того как жерди с обеих сторон плота будут пропущены через врезы и расклинены, остов плота можно считать готовым. Получается мертвое крепление. Плот можно хоть до самого Хатыннаха волоком тащить по галечному дну: он выдержит, так как перетираться здесь нечему. При любом ударе о камень он не рассыплется на составные части и уж ежели взгромоздится на камень, то останется там вплоть до весеннего паводка. Правда, изготовление такого плота, занимает несколько больше времени, но это с лихвой вознаграждается его

достоинствами.

Я вспомнил, как в 1932 году наш промывальщик, опытный таежник Пульман, руководивший изготовлением плотов, на которых мы должны были плыть через Колымские дороги, добродушно ухмыляясь, говорил мне: «Ты, Борис Иванович, запомни, что плот на шкантах — это вещь, а на кольцах — дерьмо». Вспомнил я также нашу злосчастную переправу с Успенским в прошлом году весной черев Ат-Юрях и дал распоряжение готовить плоты на шкантах.

Через день-два мы поплывем на них в обратный путь, а пока последний раз ярко пылает костёр и заходящее солнце, спускаясь за горизонт, ласковым взором осматривает наш маленький лагерь. Морозный вечер тих и прозрачен. В голубом небе, озаренные лучами заходящего солнца, плавают золотисто-розовые барашки облаков. Вокруг молчаливо сгрудились желтые, без единого зеленого пятнышка сопки. Где-то далёко пламенеют на солнце снежные вершины Тас-Кыстабыта.

Душу охватывает тихая грусть. Ощущение такое, как будто прощаешься с дорогим другом, с которым больше не суждено увидеться. Слишком много вложено нами в Эмтыгей, и, быть может, поэтому прощание с ним носит такой тоскливый отпечаток.

Но печаль в этот последний, прощальный вечер переплетается в душе с радостью и гордостью.

Теперь я твердо знал, что Эмтыгей получил окончательно и бесповоротно «путевку в жизнь». Сюда придут люди, закипит работа, и этот дикий пустынный край заживет полнокровной производственной жизнью. Он будет жить не только для себя, своим тихим, замкнутым мирком, как жил тысячелетия. Здесь возникнет мощный угольный комбинат, который будет снабжать энергией огромный приисковый район. Здесь возникнут многочисленные прииски, и в золотой фонд нашей Родины Эмтыгей внесет свой посильный вклад. Аркагала, Мяунджа станут не туманными и отвлеченными географическими названиями, а вполне определенными производственно-экономическими единицами, известными не только десятку тунгусских семейств, а очень и очень большому числу людей, населяющих нашу Родину. Как это хорошо, величественно, гордо!

…И в то же время было грустно при мысли, что придут люди, заполыхает заревом многочисленных пожарищ тайга; падут под ударами топора чудесные лиственничные рощи, которые для этой пагубной цели так тщательно брались нами на учет, фонтанами полетит вверх исковерканная взрывами земля, нелепые грязные горы переработанной земли — отвалы заполнят долины и вместо

дикого очарования этих тихих, пустынных мест здесь будет шум, суета и бестолковщина. В эту минуту я особенно ясно почувствовал смысл фразы, которую слышал в прошлом году от старика якута в устье Эелика: «Однако в тайге скучно становится, шибко много народу стало».

Но это были мимолетные минорные настроения, навеянные прощанием с Эмтыгеем, тем Эмтыгеем, который я знал, который был мне так мил и дорог и которого я уже никогда не увижу прежним. Не так ли прощаются родители со своим сыном, надолго расставаясь с ним? Они знают, что он вернется к ним иным, взрослым, возмужавшим, и они гордятся этим, ждут этого и в то же время грустят о том милом, наивном юнце, какого они знают и любят и каким никогда больше его не увидят…

Наступило утро 19 сентября, ясное, тихое, безоблачное, но уж зато и морозное сверх всякой меры. Долго вчера сидел я, глядя вдаль. Ночью долго не мог уснуть, ворочался с боку на бок, а перед глазами проходили этапы нашей работы, наши большие и малые радости в том маленьком, замкнутом мирке, который окружал нас в течение целых пяти месяцев.

Мы быстро позавтракали, взвалили на плечи рюкзаки и зашагали по направлению к обжитым местам. Через три часа мы уже были на устье Эмтыгея.

После тишины маршрутов пришлось сразу окунуться в суетливый хаос последних сборов. И вот все готово. У берега Аян-Юряха колышется на воде флотилия добротных, солидных, крепко сколоченных плотов — целых восемь штук. На шести плотах разместилось по три человека, на двух — по четыре. На одном плоту со мной едут Светлов и неизменный Иван Иванович. Очень хотелось взять с собой Алексея Николаевича, но людей, знакомых со сплавом, у нас мало, а на каждый плот необходимо поставить капитаном человека, который уже прошел этот искус. Поэтому Успенскому, к его крайнему неудовольствию, пришлось принять командование одной из наших боевых единиц.

День 20 сентября прошел в последних сборах: распределение людей и грузов так, чтобы каждый плот был загружен более или менее равномерно, упаковка, учет — вообще всяких хозяйственных забот было, как всегда, более чем достаточно. К вечеру все было полностью подготовлено к отъезду.

В этот день с раннего утра началось паломничество живущих на устье Эмтыгея якутов с женами, чадами и домочадцами. Гости пришли с подарками и пожеланиями доброго пути. В качестве даров нам были вручены копченые хариусы, молоко, сливки и «сорога» — нечто сметанно-кислое и очень вкусное.

Мы в свою очередь угощали их чаем, «соской», сластями.

Многочисленная чумазая детвора сперва робко жалась к своим мамашам, не решаясь подходить к страшным «нючча», и поднимала неистовый рев при попытке кого-либо из нас поближе познакомиться с ними. Однако, после того как юное поколение основательно поработало над печеньем, консервированным молоком, шоколадом и конфетами, оно пришло к заключению, что «нючча» не так уж страшны, и знакомство стало постепенно завязываться.

В общем жизнь кипела вовсю, и традиционная «отвальная» была оформлена по всем правилам полевых традиций. Опять в воздухе звенели украинские песни, гудела от неистового пляса земля — мастера самодеятельности показывали свое искусство.

Утром 21 сентября мы распростились с радушными обитателями Эмтыгея и наша флотилия весело заскользила по быстрым зеленоватым водам Аян-Юряха.

Обратный путь

К сожалению, первый день плавания закончился потерей одного из плотов. Случилось неслыханное в истории речного плавания событие: на «ровном месте» опрокинулся плот, чуть не погубив команду и причинив нам довольно крупный материальный ущерб.

Это печальное событие произошло часа в четыре дня. Стояла ясная, холодная, солнечная, довольно тихая погода. Мой плот плыл впереди, медленно скользя по воде. Остальные с интервалами сто – сто пятьдесят метров длинной, растянувшейся цепочкой следовали сзади. Впереди показался небольшой островок, заваленный корягами, бревнами и прочим лесным хламом, скопления которого образовали своеобразный, далеко выдающийся узкий мыс; возле него бурлила и пенилась вода. Около острова русло Аян-Юряха разветвлялось на две почти равные протоки и скорость течения быстро возрастала. Мы завернули в одну из проток и вихрем промчались мимо хаотического нагромождения древесной завали. Островок остался позади, но следующих за нами плотов не было видно. Пришлось прибиться к берегу и сделать остановку. И вдруг мы увидели, что мимо нас, медленно покачиваясь, плывет один из наших плотов, позорно перевернувшись вверх «брюхом».

С мистическим трепетом смотрели мы на это сверхъестественное зрелище. Перевернутый плот! Можно ли представить себе что-нибудь более неправдоподобное? Да еще где! На отрезке реки, где нет ни порогов, ни подводных камней, ни прочих сцилл и харибд! Это было что-то непостижимое. Где же

команда этого загадочного судна?

Мы побежали вдоль берега. Вдали раздавались какие-то крики. Когда мы, запыхавшись, добежали до островка, на берегу уже горел костер и около него, дрожа и скрючившись, стояли три жалкие фигуры — команда незадачливого плота.

Постепенно картина стала проясняться. В одной из проток — той, по которой поплыл плот, поперек реки протягивался длинный ободранный ствол дерева, комель которого был плотно зажат среди лесного завала. Вершина ствола находилась у поверхности воды, то погружаясь в нее, то почти выходя наружу. Проплывая мимо, плот «носом» залез на эту вершину, и корма под напором быстрого течения стала все глубже и глубже погружаться в воду. И вот, постепенно поворачиваясь вокруг ствола, как вокруг оси, плот сначала стал «на попа», а затем перевернулся. Команда кое-как вплавь добралась до берега.

Пришлось останавливаться на ночлег. У нас была небольшая лодка. На ней мы быстро догнали «аварийный» плот, который прибило к берегу километрах в двух ниже острова. Несмотря на то что груз был завернут в брезент и крепко привязан к плоту, весь он оказался «вымытым». Случайно уцелел только брезент, запутавшийся в веревках. Все остальное исчезло.

Потери оказались довольно серьезными. Погибли значительная часть продовольствия и несколько ящиков с угольными пробами. Палатка, печка и многие предметы обихода нашли свое успокоение в холодных водах Аян-Юряха.

На следующее утро мы стали осторожно, один за другим, сплавлять остальные плоты по злосчастной протоке, тщательно приглядываясь к галечному дну, которое отчетливо виднелось сквозь прозрачный слон зеленоватой воды.

В полукилометре от острова нам удалось обнаружить ящик с угольными пробами, который удобно расположился на дне омута. Пришлось заняться водолазными работами. Поскольку «любителей» не нашлось, эту задачу мне пришлось взять на себя, тем более что я ежедневно по собственному желанию принимал по утрам холодные ванны.

Мы уселись в лодку втроем — Светлов, Жмурко и я. Вскоре мы увидели ящик, который отчетливо выделялся своим желтоватым цветом на фоне серого галечного дна. Лодка поднялась чуть выше по течению. В нижнем белье, обвязанный вокруг тела под мышками веревкой, спрыгнул я в обжигающе холодную воду и, очень удачно приводнившись около ящика, успел схватить его. Остальное было просто. Ящик в воде оказался очень легким, и его нетрудно было оторвать ото дна и довести до поверхности, где его немедленно схватили и втащили в лодку

четыре сильные руки. Вслед за ним был вытащен и водолаз, который только в лодке почувствовал, что сейчас не лето.

Лодка быстро помчалась к берегу, где уже горел огромный костер. Усиленный массаж, сухая одежда, костер и, вероятно, привычка к систематическим утренним омовениям помогли мне быстро прийти в норму.

Потерпевший аварию плот вновь был пущен в дело и предоставлен в распоряжение той же незадачливой команды. Укомплектовали его грузом с других плотов, в результате чего средняя плавучесть нашей флотилии несколько увеличилась.

Плавание такой большой флотилией всегда сопровождается маленькими неприятностями: то кто-нибудь на мель сядет, а то на коряге застрянет, задерживая общее продвижение. Несмотря на эти досадные, но неизбежные задержки, мы все же постепенно продвигались вперед и 28 сентября добрались до Оротука, куда к этому времени Кривошапкин со своим товарищем привел заарендованных здесь лошадей.

Оротук заметно вырос. Он постепенно становился культурным центром. Сейчас это был уже довольно большой, хотя и сильно разбросанный, поселок, состоящий из нескольких десятков домиков, со школой, факторией, сельсоветом.

Здесь уже действовала школа-интернат на тридцать якутский ребятишек, которых бесплатно учат, кормят и одевают. Приятно сознавать, что «и нашего здесь капля меду есть»: в 1932 году наши партии собрали некоторую толику денег для строительства оротукской школы. Веселые, довольные мордашки шустрых, чисто одетых ребят с красными пионерскими галстуками на шеях убедительно говорили о том, что юное поколение отнюдь не считает, что «корень учения горек». Правда, еще не все семьи осознали, что учение не зло, а, благо, и многие с большой неохотой отдают своих детей в школу. Впрочем, жизнь сама с непостижимой быстротой ломает старые привычки.

Здесь нам пришлось задержаться на два дня для оформления оплаты за аренду лошадей, нанятых у многочисленных Винокуровых, Протопоповых, Венцелей и других обитателей поселка. Здесь же мы взяли в качестве пассажира геолога Б. Л. Флерова, который работал на Тенке, задержался с расчетами, пропустил все ранее проехавшие полевые партии — мы едем последними в этом году — и очень обрадовался представившейся возможности сплыть с нами через пороги. Мы вместе приехали на Колыму в 1931 году, но давно уже не виделись. Он работал в Южном горнопромышленном управлении, на Оротукане, я — в Северном, на Хатыннахе. Флеров, так же как и мы, был очень доволен результатами работ этого года: в

бассейне Тенке он выявил хорошее месторождение рудного олова. Нам было что вспомнить и о чем поговорить.

Зима неуклонно приближалась. Приходилось торопиться, чтобы еще до шуги проплыть Колымские пороги. И вот 29-го, несмотря на пургу и морозный, по-настоящему зимний день, мы покинули Оротук и поплыли дальше. Резкий, пронизывающий ветер прохватывал до костей, вихри снега слепили глаза, и плоты еле-еле тащились по темно-зеленой, цвета морской воды, волнующейся поверхности Колымы.

Сегодня мы проплыли «малый порог», расположенный несколько ниже устья Тенке. Это было первое боевое крещение для большинства из нас. Он слегка тряхнул нас на моих могучих валах, кое-кого подмочил и у многих вызвал грустные размышления по поводу предстоящего сплава черев большие пороги, тем более что «бывалый люд» с упоением рассказывает о них жуткие небылицы.

После отвратительной ветреной погоды со снегом и прочими атрибутами приближающейся зимы особенно приятна была неожиданно теплая, ясная и тихая погода, которая наступила на следующий день. Плавание превратилось в сплошное удовольствие. Плоты, как пароходы, дымя трубами железных печек, быстро скользили по тихой поверхности реки, и все мы, греясь на солнышке и около горячих печек, наслаждались хорошей погодой, любуясь окружающими видами. Промелькнуло устье Детрина, и мимо нас стали медленно проплывать маленькие разбросанные строения Сангаталона — «поселка-леса», который растянулся на целых 30 километров.

Километры сменялись километрами, и вот впереди показался могучий красавец хребет Аначик с острыми гордыми шпилями своих лучезарных вершин. Здесь я, как говорит Иван Иванович, немного «подзашел», отдав распоряжение остановиться на ночлег в месте, недалеко от которого, по моим, как оказалось, ошибочным расчетам, должна была находиться юрта нашего знакомого Винокурова (в прошлом году, проплывая мимо, мы у него купили бычка).

Пока устанавливали палатки, я и Успенский отправились к старому знакомому. Долго искали мы его хату на слишком широкой сангаталонской улице, но так и не могли найти. Проклятая хата как сквозь землю провалилась. Наконец мы наткнулись на какую-то тропку, по которой шли добрых 5 километров, пока наконец не добрели до жилья.

Наше появление в сумерках вызвало настоящую панику: собаки лаяли, быки и коровы, задрав хвосты, испуганно умчались куда-то в сторону, обитатели хатона то выбегали из него, то вновь

прятались внутрь. Когда мы зашли в помещение, нас встретила перепуганная якутка, которая в ответ на наше приветствие молча протянула трясущуюся руку. В углу пронзительно завывали ребятишки. А снаружи в это время к дому с берданкой в руках подкрадывался сам хозяин, который был несказанно обрадован, когда я его назвал по имени и отчеству.

В общем все обошлось к обоюдному удовольствию. Оказалось, что нас приняли сначала за беглецов.

Мы напились чаю, угостились свежей сметаной, всласть поговорили и в призрачном лунном полумраке отправились к себе в лагерь.

На следующий день, проплывая мимо, мы вновь заглянули к гостеприимным хозяевам и, одарив их кое-какой мелочью, расплатились за вчерашний радушный прием.

2 октября мы добрались до порогов. Погода стояла сносная. Небо, правда, было затянуто сплошной пеленой низких темных туч, а сверху то и дело сыпалась какая-то дрянь — не то крупа, не то снег, но было тихо, а это уже хорошо.

С утра мы деятельно стали готовиться к предстоящей встрече с порогами. Вещи были особенно тщательно укутаны и увязаны, все еще и еще раз были проинструктированы, как вести себя на порогах: не смущаться шумом и размерами волн и храбро лезть в пасть клокочущих валов, ни в коем случае не пытаясь обойти их стороной, так как это очень опасно.

Там, где в фарватере бурлит и клокочет вода, по существу никакой опасности нет, разве что шлепнет, тебя увесистой холодной волной по животу или по мягкому месту, в зависимости от того, на носу или на корме ты стоишь, — вот и все. В стороне же от фарватера, где как будто тише, неглубоко под водой скрыты громады гранитных глыб, которые могут причинить большие неприятности. Мне уже два раза приходилось проплывать эти пороги, поэтому я смог подробно рассказать о них и успокоить тех, кто был напуган рассказами разошедшихся очевидцев.

Наконец мы поплыли. На флагманском судне ехал я со Светловым и Иваном Ивановичем, которые стояли на кормовом весле. Вместе с нами ехал в качестве пассажира Флеров, которому было поручено передавать мою команду кормщикам.

И вот мы окунулись в кипящий хаос валов первого порога, который слегка окатил нас доброй порцией холодной воды. Пролетев по валам с быстротой скорого поезда, мы выбрались на спокойную воду. Отсюда можно любоваться, как переходят через порог остальные плоты. Видно было, как плот, подойдя к порогу, исчезает, выныривает, вновь исчезает в буйном вихре волн и потом окончательно появляется на поверхности.

Первый порог все плоты прошли благополучно. Промелькнул второй порог — опять все в порядке. Впереди закувыркались, загрохотали волны третьего порога, и когда, миновав его, мы оглянулись, то увидели, как один из плотов, неестественно покосившись, неподвижно застыл на месте. Пришлось приставать к берегу и идти выяснять, в чем дело.

Картина открылась невеселая. На расстоянии, десяти-пятнадцати метров от берега, прижатый течением к огромному камню под углом тридцать градусов, неподвижно стоял плот. Один его конец был погружен в воду, другой повис в воздухе. Вокруг бурлила и пенилась вода, перехлестывая через плот и пенистыми струями стекая через его висящий в воздухе край. На плоту по колено в воде — три жалкие фигуры смертельно перепуганных людей.

Одна из них, судя по всклокоченной рыжей бороде, несомненно, принадлежала Алексею Николаевичу. Он, как видно, решил «схитрить», не желая подмокнуть в мощных валах основного русла, отвернул немного в сторону от главной струи и, конечно, налетел на камень. Хорошо еще, что взятая нами на вооружение система плотов «на шкантах» гарантирует целость плота. Будь он на кольцах, вероятно, и от него, и от команды ничего бы не осталось. Однако и сейчас команда чувствовала себя более чем неважно. Лица, позы, жестикуляция выражали такое безнадежное отчаяние и растерянность, что, если бы не злость, которая пересиливала все остальные чувства, я был бы готов от души пожалеть бедняг.

С плота несколько раз пытались перебросить стоящим на берегу веревку, но она была коротка и до берега не доставала.

На полпути между берегом и плотом из-под воды слегка выступала сглаженная поверхность огромной гранитной глыбы. На эту глыбу мы с трудом перебросили большую жердину, по которой я перебрался на нее, едва не кувыркнувшись в воду. За мной последовали Глуханюк и Светлов. Отсюда до плота оставалось около семи метров, и пострадавшие после неоднократных попыток наконец перебросили нам с плота веревку.

Ну ладно, веревка у нас в руках, а что делать дальше? Мы попробовали сдвинуть плот — куда там, и думать нечего, он словно прикипел к камню. А команда плота совсем очумела. Бывают у людей такие минуты, когда они буквально голову теряют. Им, вероятно, чудилось, что плот вот-вот развалится и они будут унесены волнами. Кое-как мы поняли (слов из-за рева воды не было слышно), что они умоляют нас перетащить их на берег.

Мы изо всех сил натянули веревку, и один из пострадавших ухватился за нее, соскользнул в воду и с искаженной от страха и холода физиономией, болтая в воде ногами, которые течение сразу отнесло в сторону и поставило почти горизонтально, перехватываясь руками по веревке, наконец добрался до нас. За ним таким же путем перетащили другого.

Ребята, стоявшие на берегу, успели за это время перекинуть на нашу глыбу еще одну жердину, так что получилось нечто вроде жиденького мостика, по которому потерпевшие кое-как добрались до берега.

На плоту остался только капитан. Лицо его выражало полное отчаяние, взгляд был какой-то дикий, бессмысленный, движения растерянные, некоординированные: то наденет, то снимет полушубок, то отвяжет, то привяжет свою полевую сумку, то мечется по плоту, то застынет на месте. Вдруг, махнув рукой (пропади оно все пропадом!), Алексей Николаевич схватился за веревку и по примеру своей команды бултыхнулся в воду. Тяжеленько пришлось ему. Видно было, как он, напрягая все силы, еле-еле перебирал руками, медленно продвигаясь вперед. Около глыбы, на которой мы находились, руки старика разжались, и его чуть не унесло. Мы едва-едва успели схватить его и вытащить.

Итак, команда спасена. Остается плот, на котором находятся все имущество и полевые материалы начальника поискового отряда. От одного из наших плотов отвязали веревку — толстый канат из манильской пеньки и связали его с концом, переброшенным с плота. Все выбрались на берег раздалась сакраментальная певучая команда: «Раз, два, взяли!», и все пятнадцать человек, враз рванув канат, кубарем покатились по берегу: канат лопнул, ни на сантиметр не сдвинув плота.

Пришлось по-иному разрешать эту сложную проблему. На нашу глыбу мы кое-как перетащили жердину, которую после долгих усилий удалось одним концом забросить на плот. Таким же путем туда перебросили другую. По этим тонким гнущимся жердочкам, почти касаясь воды, мы с Глуханюком перебрались на плот. За это время на глыбу был уже проложен целый мостик из нескольких жердин, связанных одна с другой. Наши две жердины также были крепко привязаны к этому мостику. Затем на глыбу была перетащена лодка, которую переместили на жердины, так что получился своего рода мост с глубокими бортами. Лодку крепко привязали и, пользуясь этим мостом, начали переброску груза: сначала — на глыбу, а затем — на берег.

С плота сняли все, вымокнув при этом до нитки. Нельзя сказать, чтобы в октябре, да еще на Колыме, это доставило

удовольствие.

…Вечер тихий, безветренный. Идет крупными хлопьями густой снег… Завтра нам опять придется мокнуть на порогах. Невольно берет досада на Алексея Николаевича. Он же, отогревшийся и обсохший, сияет, как новый двугривенный, рассказывая о своих переживаниях. На следующий день мы поплыли дальше, распределив потерпевших кораблекрушение по другим плотам.

Остальные пороги проплыли благополучно, хотя на последнем, пятом, мне и моей команде пришлось как следует вымокнуть. Наш плот в одном месте зарылся носом в основание волны, которая всей своей массой обрушилась на нас. Ударом волны меня сшибло с ног. Веревки, сдерживающие груз, лопнули, и он примерно на метр переместился вдоль плота, столкнув в воду Светлова. К счастью, тот успел ухватиться за край плота и таким образом, мертвой хваткой вцепившись в него, закончил путешествие через порог.

Весь наш груз оказался в целости, за исключением ружья нашего пассажира, которое безвозвратно исчезло в зеленой пучине пятого порога. Это была своего рода плата за проезд. Остальные плоты проплыли более благополучно, и команды их закончили плавание полусухими.

Оставшаяся часть пути была проделана без всяких приключений, и 4 октября мы подплыли к месту, где велось строительство моста через Колыму. Отсюда на автомашинах мы доехали до Хатыннаха.

Итоги

Полевые партии 1936 года дали очень много нового и в изучении геологического строения обширной территории Колымского края, и в выявлении полезных ископаемых. Было найдено много новых золотоносных и оловоносных площадей, значительно увеличивших резервный фонд Дальстроя: здесь в дальнейшем должны будут развернуться разведочные работы на золото и олово.

Партия Е. Т. Шаталова подтвердила, уточнила и расширила данные геолога И. И. Галченко относительно перспективной золотоносности в бассейне Индигирки, которая становилась одним из первоочередных районов для исследования.

Геолог А. Л. Лисовский и прораб З. А. Арабей обнаружили золото в правом притоке Бёрёлёха — речке Чай-Юрье. Впоследствии разведочными работами здесь было выявлено Чай-Юрьинское месторождение россыпного золота — одно из

крупнейших и богатейших на Колыме.

Были и печальные новости. Трагически погиб геолог С. Е. Захаренко — наш общий любимец Фимыч. Он с прорабом Нубилковым и рабочим задержался на работе в тайге и в середине октября отправился обратно на базу Омолонской экспедиции, в составе которой находилась его партия. Возвращались они уже по снегу. Продукты у них были на исходе. Однажды под утро рабочий сбежал от них, захватив с собой остатки продуктов. Фимыч и Нубилков умерли в тайге от голода и истощения, не дойдя каких-нибудь тридцати километров до базы экспедиции. Скупые слова дневника, обнаруженного в полевой сумке Фимыча, рассказали о трагедии.

О смерти Фимыча мы узнали на Первой Всеколымской геологической конференции. Конференция состоялась в середине ноября 1936 года в поселке Оротукан — центре Южного горнопромышленного управления. Это было большое событие в геологической жизни Дальстроя. Были подведены итоги пятилетней работы геологов в системе Дальстроя.

Итоги эти были более чем положительными.

Прогнозы Билибина блестяще подтвердились. Намеченный им обширный золотоносный пояс был реально прослежен полевыми партиями на протяжении свыше 600 километров при ширине до 80 километров. Была полная уверенность, что дальнейшие работы значительно расширят границы этого пояса.

Кроме золота на территории Колымского края были выявлены промышленные месторождения россыпного и рудного олова.

Объемы разведочных работ резко возрастали. Запасы разведанного золота быстро увеличивались. Золотодобыча ежегодно удваивалась.

Конференцию открыл директор Дальстроя Э. П. Берзин. В своем выступлении он заявил, что вексель, выданный Билибиным, полностью оплачен и что хотя рудное золото не играет на Колыме существенной роли, зато россыпное превзошло, всё ожидания. Он отметил все возрастающую роль олова — второго металла на Колыме, которая становилась серьезным источником этого ценного полезного ископаемого.

Он говорил о самоотверженной работе геологов, о том, что наметившаяся тенденция ежегодно удваивать золотодобычу становится славной традицией, поскольку геологи выявляют все новые и новые перспективные золотоносные площади, разведка которых дает положительные результаты и позволяет развивать золотодобычу в нужных масштабах.

…Он стоял на трибуне, взволнованный и гордый, полный веры, энтузиазма и широких планов на будущее, не подозревая, что где-то незримо для него и для всех нас сгущаются мрачные, тяжелые тучи ближайших лет — лет, которые окажутся трагическими и для него, и для многих-многих других и темной тенью надолго лягут на нашу жизнь…

Пояснение некоторых слов, встречающихся в книге

Аллюр «три креста» — самый быстрый ход лошади. Раньше, когда основным видом связи был конный транспорт, на пакетах, подлежащих срочной доставке, ставилось три креста, отсюда и название аллюра.

Барклай — приспособление для снаряжения патронов охотничьих ружей.

Бус — очень мелкие частицы.

Весовое золото — золото в пробах, которое поддается взвешиванию на ручных весах.

Гидросеть — совокупность рек и их притоков на данной территории.

Гребь — длинное весло.

Дайка — жила изверженной породы, обычно пластообразного облика, образующаяся в результате заполнения магмой трещин в земной коре.

Депрессия — пониженная часть земной поверхности.

Дифракция — нарушение прямолинейности распространения света при прохождении его через узкие отверстия или мимо препятствий, сопровождающееся разложением света на составные цвета.

Дробовое оружие — гладкоствольные ружья, предназначенные в основном для стрельбы дробью. Из них можно стрелять специальными свинцовыми пулями, но на незначительные расстояния.

Жакан — особый вид свинцовых пуль для стрельбы из дробовых ружей.

Зимник — временная зимняя дорога.

Интерференция света — совместное действие двух или нескольких лучей света, обусловливающее изменение его интенсивности.

Интрузия — внедрившаяся в земную кору и застывшая на глубине магма.

Командировка — небольшой временный поселок.

Кривун — изгиб, крутой заворот реки.

Кунгас — большая плоскодонная лодка, применяющаяся в Сибири для перевозки грузов по рекам.

Металлогения — закономерность распределения полезных ископаемых на определенной территории.

Мелкомасштабные партии — полевые партии, проводящие

геологическую съемку и поиски в масштабе 1:500 000 и более мелком.

Нарезное оружие — ружья, предназначенные для стрельбы пулями на дальнее расстояние. В отличие от гладкоствольных ружей внутри ствола имеют винтовую нарезку, направляющую полет пули.

Невесомые знаки — мельчайшие пылевидные частички золота, которые обычными методами в пробах не удается взвесить.

Нючча — название русских у якутов и тунгусов (эвенков).

Орочены — прежнее название одной из групп народности эвенков.

Паллиативный — половинчатый, компромиссный.

Паузок — мелководное речное судно для перевозки грузов.

Петрология — наука о горных породах.

Россыпное золото — свободное золото, находящееся среди рыхлого обломочного материала, преимущественно в речных отложениях.

Рудное золото — золото, находящееся в виде включений непосредственно в самой горной породе.

Сало — рыхлый лед, образующийся на поверхности реки перед ледоставом, обычно в виде пятен плывущий по воде.

Свита — комплекс осадочных или вулканогенных пород, характеризующихся отчетливо выраженными особенностями и занимающих определенное геологическое положение в данном районе.

Связка — несколько лошадей или оленей, связанных последовательно друг с другом.

Сланцевая щетка — поверхность круто залегающих рассланцованных горных пород; обычно встречается в прирусловых частях ключей и речек.

Стланик (кедровый) — стелющаяся низкорослая форма кедра.

Термометр-пращ — специальный термометр, служащий для быстрого замера температуры воздуха.

Тунгусы — применявшееся ранее название народности эвенков.

Тоня — один заход с неводом.

Улово — омут с круговым движением воды.

Хатон — примитивное якутское жилье, в котором вместе с людьми, за тонкой перегородкой, помещался скот.

Чечако — новичок (из северных рассказов Джека Лондона).

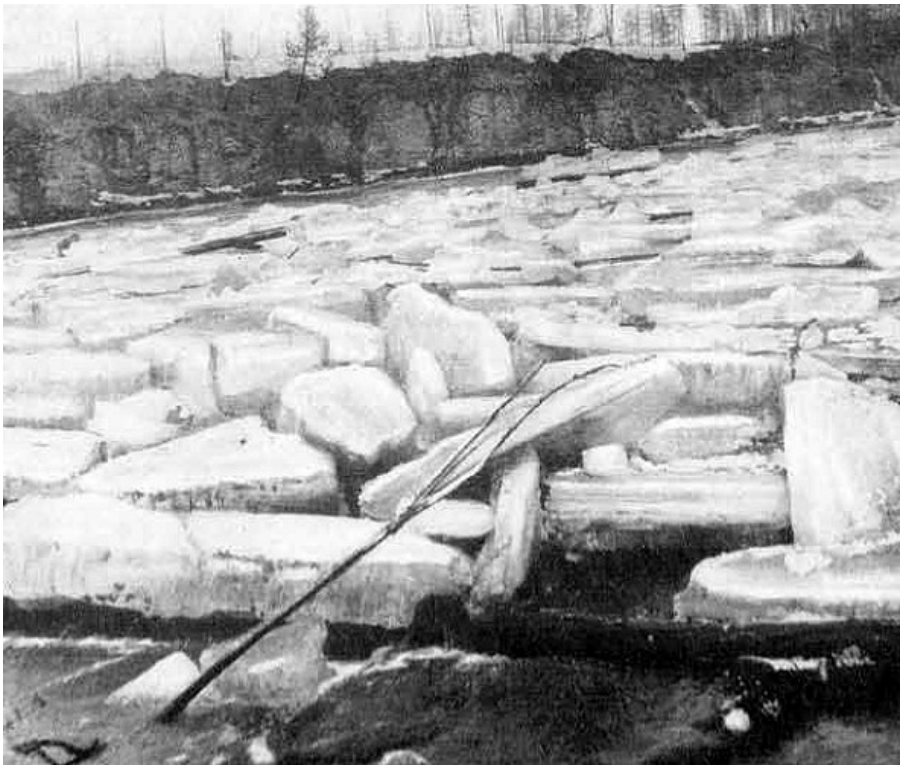
Шуга — всплывший донный лед, образующийся на дне водоемов вокруг переохлажденных предметов (камни, галька). Всплывая, он иногда увлекает их за собой, перенося на значительные расстояния. Образуется перед ледоставом. Иногда

шугой называют также сало.

Фотографии

«Ситцевый городок» на берегу бухты Нагаева в 1931 году. На рейде пароход «Днепрострой».

Приютившийся на правом берегу Колымы поселок Усть-Среднекан в 1931 году выглядел довольно убого.

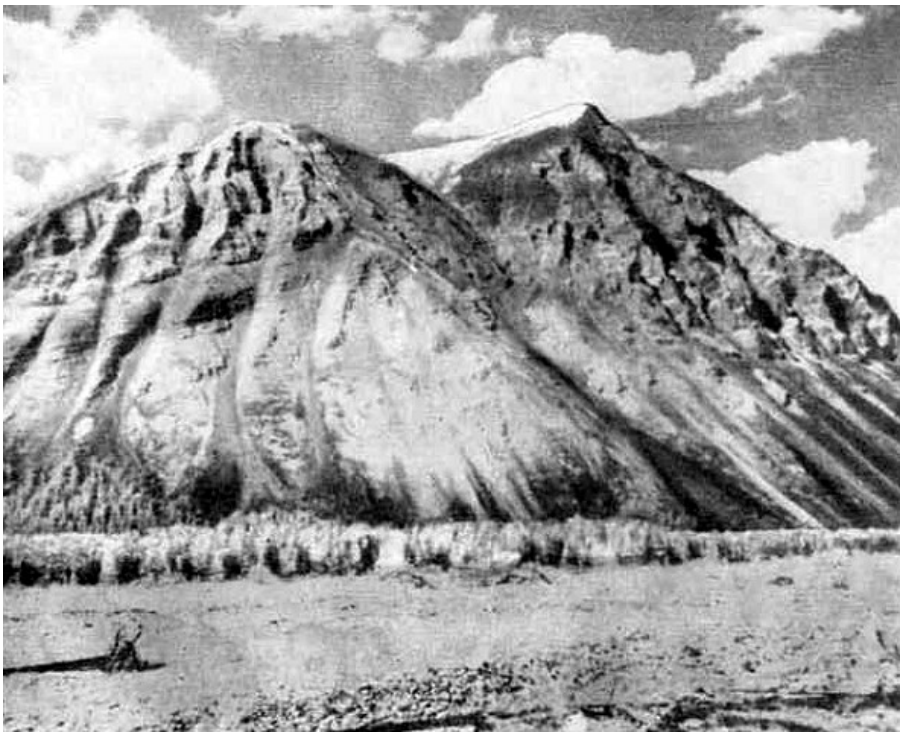


Начало ледохода на Тенке. Освободившись от ледяных оков, река бурно мчит нагромождения льдин вниз по течению.

Впереди белеют большие пятна нерастаявшего льда —

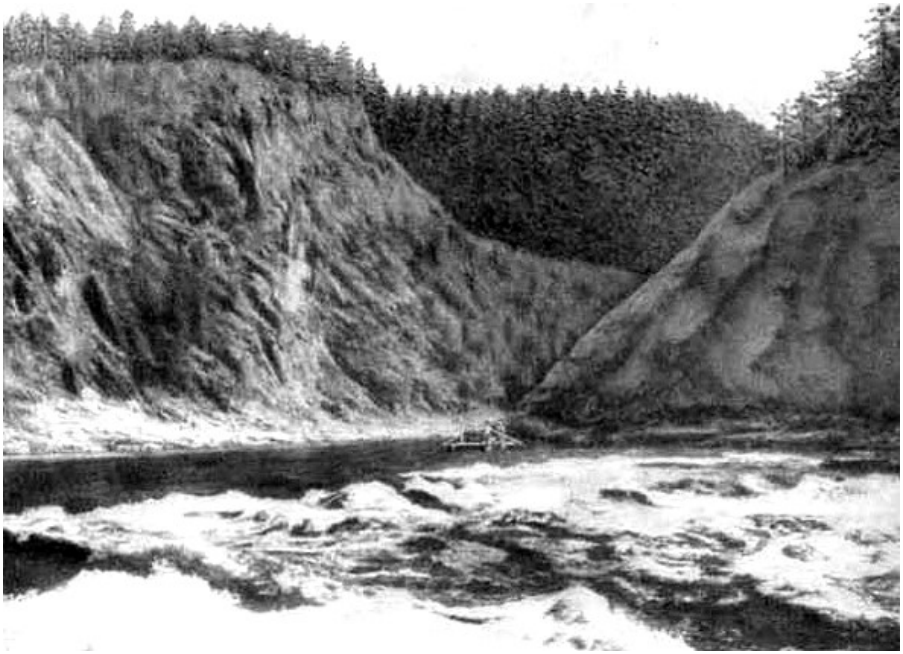
остатки огромной наледи в долине реки.

На месте растаявшей наледи осталась голая щебенистая поверхность с торчащими стволами мертвых, погубленных наледью деревьев.

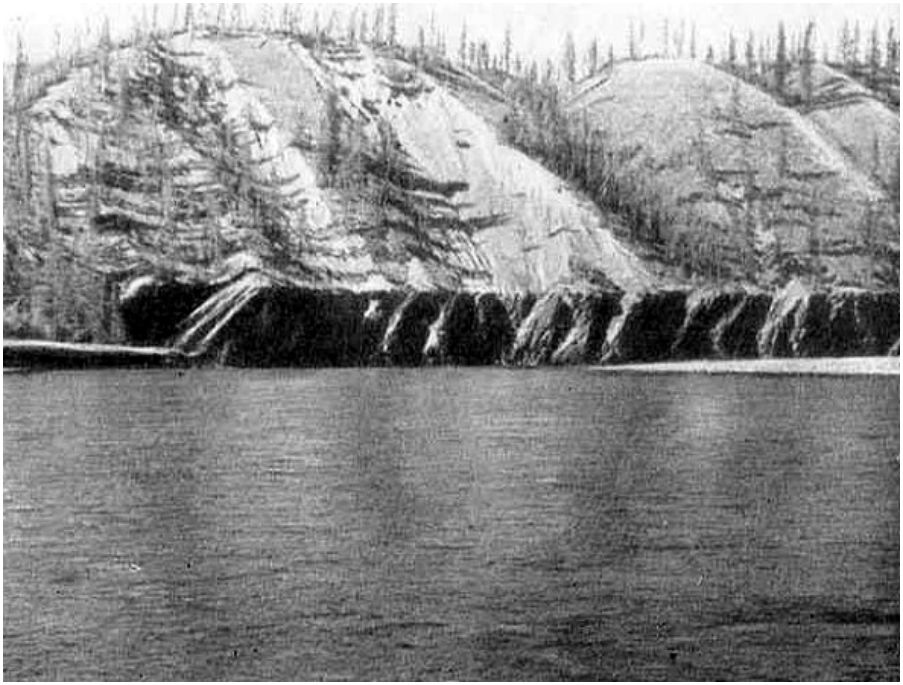


Вокруг громоздятся оголенные скалистые горы, на вершинах

которых почти до конца августа сохраняются пятна снега.



Впереди грохочут, кувыркаясь, белопенные валы порога… Мгновение — и плот нырнет в их кипящий хаос



Река делает резкий заворот, и вся масса воды ударяет в крутой берег. Такие места очень опасны для сплава

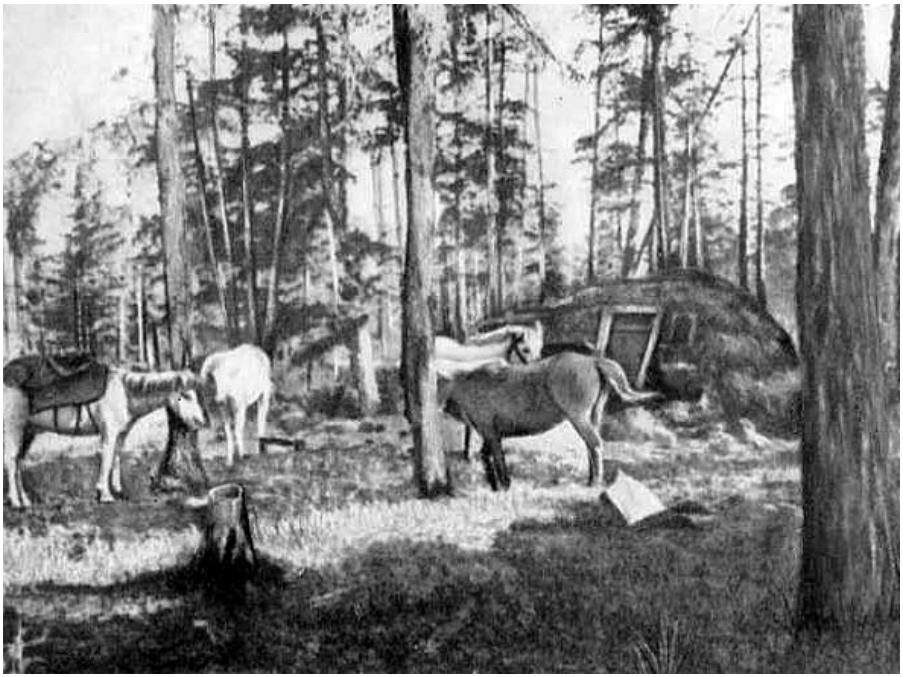
В таких юртах, похожих на вигвамы североамериканских индейцев, жили раньше кочевые обитатели тайги — тунгусы

Толстый слой изморози покрывает деревья. Кажется, что здесь собрались какие-то странные косматые чудовища…

Сурова северная природа, но есть в ней своеобразное, только ей присущее очарование…

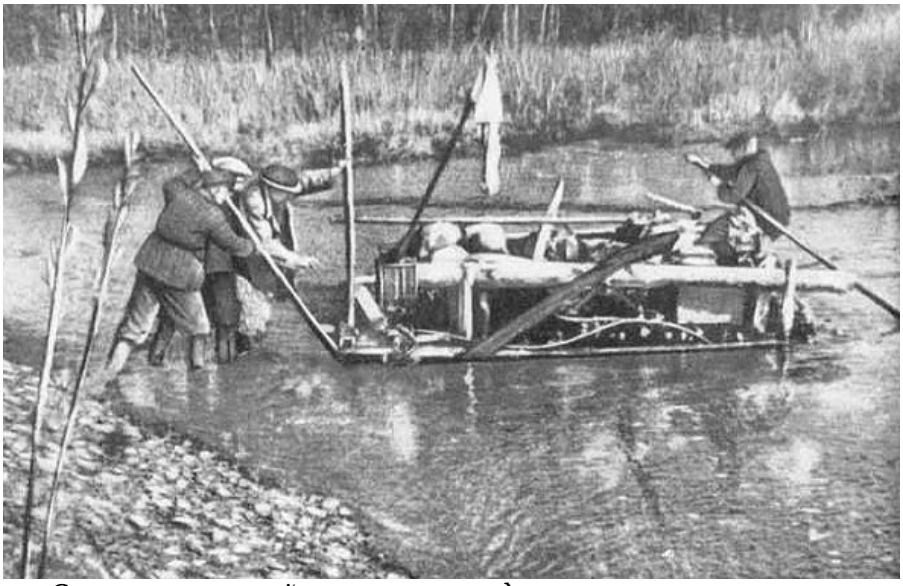
Неказист примитивный разведочный барак, но как тепло и уютно в нем в студеное зимнее время!

Через переполненные весенней водой русла небольших ключей иногда приходится перебираться и таким способом.



В таких убогих юртах, разбросанных в колымской тайге, жили оседлые обитатели ее — якуты.

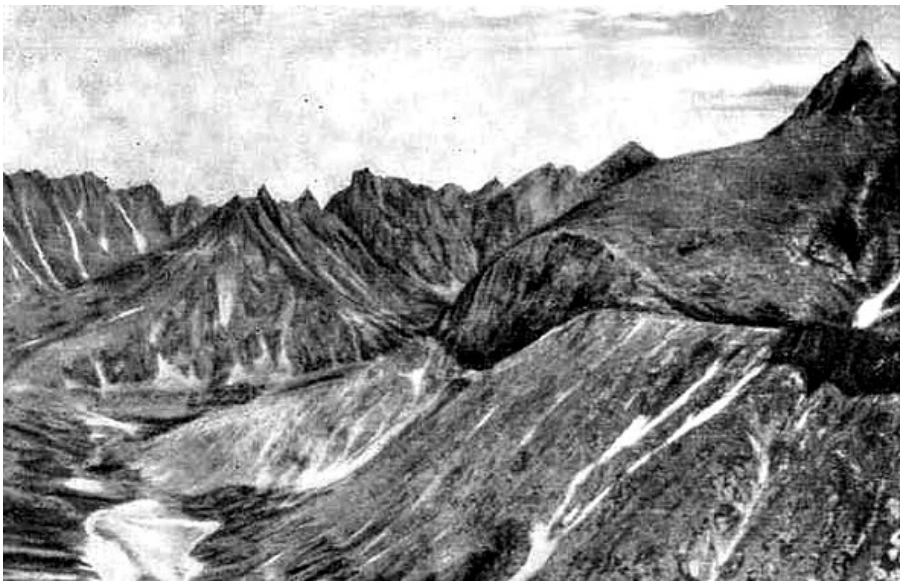
На легком плотике-салике всегда можно переправиться на противоположный берег реки.



Сакраментальный возглас «раз-два… взяли» хорошо знаком каждому, кто плавал на плотах по таежным рекам.

Лагерь полевой партии во время весновки, в первые дни после приезда на Знатный.

Умные якутские лошади сами выбирают наиболее удобное место для перехода через топкое болото.



Здесь бродят души умерших ледников, оставивших после себя хаотическое нагромождение голых, неприступных гор.

Шестиметровый пласт каменного угля, прикрытый шапкой галечных отложений, прорезается руслом ключа.

notes

Примечания

1

Расспросные речи служилого человека Михаила Стадухина, 1647 г. Из книги: *Сергей Обручев*. Колымская землица (Два года скитаний). Изд. «Советская Азия». М., 1933, стр. 77.